

HELSINGIN YLIOPISTO
HELSINGFORS UNIVERSITET
UNIVERSITY OF HELSINKI

Яснополянское детство в воспоминаниях детей Л. Н. Толстого

Helsingin yliopisto
Nykykielten laitos
Venäjän kieli ja kirjallisuus äidinkielenä
Pro gradu -tutkielma
Marraskuu 2015
Tatjana Narma

ОГЛАВЛЕНИЕ

1	ВВЕДЕНИЕ	4
1.1	Цели, задачи и актуальность работы	7
1.2	Первоисточники и исследовательская литература	7
1.3	Теоретический аспект	8
1.3.1	О. Муравьева о воспитании русского дворянина	11
2	СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ ТОЛСТОЙ «ОЧЕРКИ БЫЛОГО»	12
2.1	С. Л. Толстой (1863–1947)	12
2.1.1	О воспоминаниях Сергея Львовича	13
2.1.2	Сергей Львович о себе	14
2.1.3	Что запомнилось из детства	15
2.1.4	Воспитатели, учителя, учеба	16
2.1.5	Расписание дня	19
2.1.6	Игры и увлечения	19
2.1.7	Образ отца	20
2.1.8	Отец и физическая культура	21
2.1.9	Методы воспитания отцом	22
2.1.10	Отец и музыка	23
2.1.11	Отец и литература для чтения	23
2.1.12	Образ матери	24
2.1.13	Мир детства	25
2.2	ОБРАЗ ДЕТСТВА СЕРГЕЯ ЛЬВОВИЧА	26
3	ТАТЬЯНА ЛЬВОВНА ТОЛСТАЯ «ВОСПОМИНАНИЯ»	28
3.1	Т. Л. Толстая (1864–1950)	28
3.1.1	О воспоминаниях Татьяны Львовны	28
3.1.2	Что запомнилось из детства	29
3.1.3	Воспитатели	30
3.1.4	Игры	31
3.1.5	Образ отца	32
3.1.6	Образ матери	33
3.1.7	Мир детства	34
3.2	ОБРАЗ ДЕТСТВА ТАТЬЯНЫ ЛЬВОВНЫ	35
4	ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ ТОЛСТОЙ «МОИ ВОСПОМИНАНИЯ»	37
4.1	И. Л. Толстой (1866–1933)	37
4.1.1	О воспоминаниях Ильи Львовича	38
4.1.2	Что запомнилось из детства	39
4.1.3	Воспитатели, учителя, родители, учеба	40
4.1.4	Игры и увлечения	41
4.1.5	Образ отца	43
4.1.6	Образ матери	46
4.1.7	Мир детства	47
4.2	ОБРАЗ ДЕТСТВА ИЛЬИ ЛЬВОВИЧА	48
5	ЛЕВ ЛЬВОВИЧ ТОЛСТОЙ «В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ»	50
5.1	Л. Л. Толстой (1869–1954)	50
5.1.1	О воспоминаниях Льва Львовича	51
5.1.2	Что запомнилось из детства	52
5.1.3	Увлечения, учеба	52
5.1.4	Образ матери	53
5.1.5	Образ отца	54

5.1.6	Мир детства	55
5.2	ОБРАЗ ДЕТСТВА ЛЬВА ЛЬВОВИЧА	56
6	АНДРЕЙ ЛЬВОВИЧ ТОЛСТОЙ «О МОЕМ ОТЦЕ»	59
6.1	А. Л. Толстой (1877–1916)	59
6.1.1	О воспоминаниях Андрея Львовича	59
6.1.2	Что запомнилось из детства	60
6.1.3	Образ отца	62
6.2	ОБРАЗ ДЕТСТВА АНДРЕЯ ЛЬВОВИЧА	63
7	МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ ТОЛСТОЙ «МОИ РОДИТЕЛИ»	65
7.1	М. Л. Толстой (1879–1944)	65
7.1.1	О воспоминаниях Михаила Львовича	65
7.1.2	Что запомнилось из детства	66
7.1.3	Образ отца	68
7.1.4	Образ матери	70
7.1.5	Мир детства	71
7.2	ОБРАЗ ДЕТСТВА МИХАИЛА ЛЬВОВИЧА	71
8	АЛЕКСАНДРА ЛЬВОВНА ТОЛСТАЯ «ОТЕЦ. ЖИЗНЬ ЛЬВА ТОЛСТОГО»	72
8.1	А. Л. Толстая (1884–1979)	72
8.1.1	О воспоминаниях Александры Львовны	73
8.1.2	Игры и увлечения	74
8.1.3	Образ отца	75
8.1.4	Образ матери	76
8.1.5	Мир детства Ясной Поляны	77
8.2	ОБРАЗ ДЕТСТВА АЛЕКСАНДРЫ ЛЬВОВНЫ	78
9	О ХРОНОЛОГИИ И ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОСПОМИНАНИЙ	80
10	ВЫВОДЫ	83
10.1	ОБРАЗ ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДЕТСТВА	84
10.1.1	События детства, оставившие яркий след в памяти мемуаристов	84
10.1.2	Воспитатели, учителя, учеба	85
10.1.3	Игры, увлечения	85
10.1.4	Образ матери	87
10.1.5	Образ отца	88
10.1.6	Дворянское воспитание	92
11	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	96
12	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	100

1 Введение

Детство имеет огромное значение в жизни каждого человека. К примеру, об исключительном значении детства в жизни творческого человека говорилось на семинаре и лекциях в сент. 2014 г. На лекции «Пастернак и живопись» о значении детства в жизни Б. Пастернака говорил художник-исследователь Сергей Даниэль (Даниэль 2014). Писатель-сказочник Сергей Седов (Седов 2014) воскликнул на семинаре, посвященном детскому фольклору, «детство – это все!», а исследователь-писатель Марианна Флинкенберг-Глушкофф (Флинкенберг-Глушкофф 2014), начала свое выступление словами: «детство – это фундамент, детская жизнь – это интересно, взрослая – нет». Тема детства имеет также важное место в русской литературной культуре. Ученый-славист Эндрю Вахтель пишет об этом в статье «Narrating the Past: The Role of Childhood and History in Russian Literary Culture»:

The earliest Russian representations of childhood reflect one of the central tasks that modern Russian prose literature defined for itself at the beginning of the nineteenth century, the elaboration of an adequate means for expressing a new understanding of the past—that of the nation (history) and that of the individual (autobiography). This need was, of course, not unique to Russia, but it was particularly acute there. (Wachtel 1994: 110.)

Далее Э. Вахтель подчеркивает, что, по сравнению с западной литературой, описание детства пришло в русскую литературу очень поздно. Особая роль в опыте отображения детства в русской литературе принадлежит Л. Толстому. Первым полномасштабным описанием детского опыта в русской культуре является повесть «Детство» Л. Толстого (1852). До этого детству уделялось мало внимания, и оно никогда не рассматривалось с точки зрения самого ребенка. (Wachtel 1994: 111.) Э. Вахтель считает, что писатели С. Аксаков, М. Горький, А. Белый и И. Бунин, обращаясь к теме детства, использовали, заимствовали и развивали модель Л. Толстого. (Wachtel 1994: 115.) Л. Толстой в своем псевдо-автобиографическом произведении описывает детство десятилетнего Николеньки Иртеньева, принадлежащего к высшему дворянскому сословию, к которому принадлежал и сам писатель. Нас заинтересовало, как следующее поколение, а именно, дети русского графа Льва Толстого и его жены графини Софьи Толстой описывают свое детство в своих произведениях – мемуарах и воспоминаниях. Нас также интересует аспект дворянского воспитания, ведь дети четы Толстых являются, по сути, представителями последнего

поколения дворян в истории дворянства в России. Как известно, в 1917 г. после Октябрьской революции сословная организация общества была упразднена. История дворянства продолжалась в эмиграции, а в России она была возобновлена в 1990 г. в лице Российского Дворянского Собрании (РДС: <http://www.nobility.ru/rus/rds/#htop>). Оговорим, что посещение сайта Российского Дворянского Собрании (РДС) нас разочаровало: пропагандирование исторической России в духе «православия, самодержавия, народности» кажется нам консервативным. В подтверждение нашей мысли приведем цитату со страницы сайта, где дается информация о РДС:

Деятельность Российского Дворянского Собрании направлена на возрождение величия России, всех входивших в нее регионов, на сохранение исторического и культурного наследия Российской Державы, на восстановление и продолжение исторической преемственности государства и поколений, на формирование общественного сознания на основе традиционных российских духовных и нравственных ценностей, Веры предков и исторических традиций Российской Государственности, на утверждение в обществе истинной культуры, принципов гражданского достоинства и чести, традиций верного служения своему Отечеству, уважения к российской истории, высокой нравственности и духовности (РДС: <http://www.nobility.ru/rus/rds/#htop>).

Возникает вопрос, что такое «истинная культура»? Или, что станет с обществом, если оно будет уважать свою историю без критического подхода? Приведем абзац из статьи, посвященной понятию *культура*, приведенной в Энциклопедии культурологии:

К числу важнейших функциональных особенностей К. как системы следует отнести и такие ее свойства, как способность к самообновлению, постоянному порождению новых форм и способов удовлетворения интересов и потребностей людей, адаптирующих К. к меняющимся условиям бытия (прежде всего историческим), порожденным творч. инициативой отд. личностей или логикой развития технологий в той или иной специализир. сфере деятельности: постоянную селекцию и отбор форм К., оказавшихся наиболее приемлимыми по своей социальной цене и последствиям, способствующим повышению уровня взаимопонимания и консолидированности членов сообщ-ва и потому обретающим статус общепринятых норм по осуществлению соответствующих функций, включаемых в систему ценностных установок и социального опыта данного сообщества и транслируемых следующим поколениям в качестве традиций К. (ЭК: <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/247.htm>).

Ссылаясь на это определение, нам представляется, что культура по своей природе не может быть истинной, так как она подвержена постоянному самообновлению. Мы полностью согласны с мыслью Ю. Лотмана (Лотман 1997: 15), что «из истории нель-

зя вычеркивать ничего. Слишком дорого приходится за это раплачиваться». Ю. Лотман пишет, что:

та великая великая русская культура, которая стала национальной культурой и дала Фонвизина и Державина, Радищева и Новикова, Пушкина и декабристов, Лермонтова и Чаадаева и которая составила базу для Гоголя, Герцена, славянофилов, Толстого и Тютчева, была *дворянской культурой*.

Мы считаем, что культура и воспитание глубоко оседают в сознании человека именно в детстве, так как в это время мы наиболее восприимчивы к ним. Нам представляется интересным проследить, как воспитывались дети в семье Толстых и какие ценности передавались следующему поколению родителями и окружением. Мы также попытаемся выяснить, какие из этих ценностей можно назвать дворянскими и какие из них можно назвать общечеловеческими и достойными подражания.

Детство потомков Толстых, оставивших свои мемуары, пришлось на вторую половину XIX в. Все они родились в родовой дворянской усадьбе Ясная Поляна, как и их отец Л. Толстой. Интересно отметить, что Л. Толстой «считал мемуары ценнейшим литературным жанром», как пишет А. И. Шифман (Шифман 1976: 6) во вступительной статье к мемуарам Татьяны Толстой. В конце своей жизни Л. Толстой обратился к этому жанру и в 1903 г. начал писать «Воспоминания». Шифман приводит мысли Л. Толстого о том, что высшим законом мемуаров являются честность и правдивость, что необходимо отказаться от смешения правды с выдумкой, и что «самое важное и полезное людям, что может написать человек, это то, чтобы рассказать правдиво пережитое, передуманное, пережитое им» (там же). Очевидно, проблема достоверности мемуаров в то время еще не обсуждалась так широко, как в наши дни. С другой стороны, Л. Толстой задумался над этой проблемой, когда по просьбе П. Бирюкова взялся за написание автобиографии: во введении к «Воспоминаниям» Л. Толстой пишет, что незаметно для себя он «самым естественным образом стал вспоминать только одно хорошее». Таким образом, он делает вывод, что «такая биография была бы хотя и не прямая ложь, но ложь, вследствие неверного освещения и выставления хорошего и умолчания или сглаживания всего дурного». (Толстой 2015: 12.)

1.1 Цели, задачи и актуальность работы

Популярность мемуарного жанра среди читателей постоянно растет. Растет также интерес к написанию мемуаров, что в свою очередь повышает интерес к мемуаристике как объекту литературоведческого исследования. Объектом нашего исследования являются воспоминания семи детей Толстых. Каждому воспоминанию мы посвящаем отдельную главу, в начале которой мы приводим короткую информацию о мемуаристе, а также о том, в какой период жизни мемуары были написаны. Целью нашей работы является описание яснополянского детства второго поколения Толстых. Задача нашего исследования – выявить следующие составляющие категории детства:

- события детства, оставившие яркий след в памяти мемуаристов;
- роль нянь, гувернанток и гувернантов, домашних учителей;
- игры, увлечения, учеба;
- образ матери и отца и их роль в воспитании.

Дополнительная задача исследования – выявить элементы дворянского воспитания. Для решения поставленных задач были использованы методы описательного и сравнительно-сопоставительного анализа с преимущественным вниманием к содержанию. Результаты анализа синтезируются в 9-ой главе. Актуальность нашей работы заключается в том, что мир детства в воспоминаниях детей Л. Толстого до сих пор не исследовался.

1.2 Первоисточники и исследовательская литература

Первоисточниками данной работы являются литературные сочинения семи детей Толстых. В их числе пять сыновей и две дочери: Сергей (1863–1947), Татьяна (1864–1950), Илья (1866–1933), Лев (1869–1945), Андрей (1877–1916), Михаил (1879–1944) и Александра (1884–1979). Уже одни названия, данные мемуаристами своим произведениям, дают интересную информацию и повод для размышлений: «Очерки былого» Сергея, «Воспоминания» Татьяны, «Мои воспоминания» Ильи, «В Ясной Поляне. Правда об отце и его жизни» Льва, «О моем отце» Андрея, «Мои родители» Михаила и «Отец. Жизнь Льва Толстого» Александры. Всего в семье Толстых родилось тринадцать детей. Шестеро детей умерли в возрасте от нескольких недель до тридцати пяти лет и не оставили своих воспоминаний. Назовем имена детей, не

оставивших воспоминаний: Мария (1871–1906), Петр (1872–1873), Николай (1874–1875), Варвара (1875–1875), Алексей (1881–1886) и Иван (Ваничка, 1888–1895).

В качестве исследовательской литературы мы использовали работы, посвященные теме образа детства в русской литературе, жанру мемуаристики и культурологии. Так как нас интересует аспект дворянского воспитания детей Толстых, то в этом вопросе мы опирались на работу ученого-пушкиниста О. С. Муравьевой «Как воспитывали русского дворянина», суть которой представлена в главе 1.4, и книгу Ю. Лотмана «Беседы о русской культуре».

1.3 Теоретический аспект

Объектом нашей работы являются воспоминания, или, другими словами, мемуары. Приведем определение этого литературного жанра. Литературная энциклопедия так определяет термины *мемуарная литература* и *воспоминания*:

М. л. (от французского *mémoire* — память) — произведения письменности, закрепляющие в той или иной форме воспоминания их авторов о прошлом. Приближаясь подчас к художественной литературе, в частности напр. к таким жанрам, как семейная хроника (см.) и различные виды исторической беллетристики, М. л. отличается однако от них стремлением к точному воспроизведению определенного участка действительности. В отличие от художественной литературы произведения мемуарной литературы несут на себе исключительно или преимущественно познавательные функции без каких-либо специальных художественных установок.

(ФЭБ: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le7/le7-1312.htm>.)

С этим определением мы позволим себе немного не согласиться. Как покажет наш анализ, мемуарная литература всегда несет в себе специальные художественные установки. В подтверждение нашей мысли приведем определение из словаря литературных терминов:

Воспоминания — повествование о явлениях жизни (личной или общественной), свидетелем которой был автор. И своим отношением к событиям действительной жизни, и своей связью с личностью автора, воспоминания приближаются к дневнику, хотя и отличаются от него своими хронологическими соотношениями с действительностью, так как касаются событий более или менее отдаленного прошлого. Воспоминания, предназначенные к печати, естественно, подвергаются обработке и могут рассматриваться, как произведение литературное. Таковы, к примеру, воспоминания А. Ф. Кони, собранные в книге «На жизненном пути». *Когда они касаются таких лиц, как Л. Н. Толстой* (выделено нами — *ТН*), [...] они приобретают исторический или публицистический характер. (ФЭБ*: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/>.)

И с этим определением мы не можем согласиться полностью, так как наше исследование показывает, что воспоминания могут успешно содержать события, свидетелем которым автор быть не мог. Зато вышеизложенное определение содержит, на наш взгляд, интересную мысль, выделенную нами курсивом, из которой мы делаем вывод, что воспоминания детей Л. Толстого, наши первичные источники, имеют исторический и публицистический характер, что в свою очередь увеличивает значимость данной работы. Своей кратостью и конкретностью нам импонирует определение И. Фраймана (Фрайман 2015), представленное на сайте кафедры русской литературы Тартуского университета, хотя и в этом случае сомнение вызывает отрицание художественности мемуаров. Автор рассматривает мемуары как источник культурологического исследования и пишет следующее:

Мемуары — нехудожественное повествование, предполагающее доминанту нефикциональности. При этом повествователем является конкретный индивидуум. Такое сочетание невымышленности и субъективности помещает мемуары между историческим повествованием и беллетристикой.

Далее он пишет, что функция мемуаров заключается в удовлетворении потребности в индивидуализированной и достоверной исторической информации. Установка на достоверность является обязательной для мемуарного текста. Функция мемуаров состоит также в том, чтобы служить историческим источником. (там же.) Добавим к этому интересный и важный для нашего исследования аспект профессора университета Ювяскюля Райне Коскимаа (Koskimaa 2000: 279), касающийся достоверности автобиографической литературы. Он пишет:

Elämäkerran logiikka rakentuukin juuri muistin ja omistamisen luomien muotojen ympärille. Muisti on tietysti omaelämäkerran kirjoittajalle keskeinen kysymys – edellytys ja este samanaikaisesti. Menneen kirjamiseen liittyy väistämättä aukkoja, täydennyksiä, väärennöksiä; mutta ne eivät välttämättä tee siitä lainkaan epätotta.

Р. Коскимаа продолжает, что биография является одним из видов историографии (там же: 279). В нашей работе мы используем понятия *мемуары* и *воспоминания* почти как тождественные. Для нас разница между этими двумя понятиями скорее количественная, чем качественная. К тому же, произведения, которые мы рассматриваем, в большей или меньшей степени автобиографичны.

В заключение сделаем небольшой экскурс в историю концепции детства. Е. Ю. Шестакова (Шестакова 2006) в своей статье «Концепция детства в русской классической литературе (Первая половина XIX века и русское зарубежье начала XX века)» пишет, что в Европе интерес к детству как феномену культуры ознаменовался появлением произведения Ж. Ж. Руссо «О воспитании» в эпоху Просвещения во второй половине XVIII в. В русской культуре тема детства получает развитие в эпоху буржуазно-дворянского реализма во второй половине XIX в. в произведениях И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, С.Т. Аксакова и др. В это время в русской литературе формируется реалистическая модель концепта детства: «изображение внутреннего мира ребенка с позиций этического анализа социальной действительности», продолжает Е. Шестакова (Шестакова 2006). Ссылаясь на исследователей Н. Бочаеву, Э. Вахтеля, В. Легонькову, Н. Николаеву и В. Щукина, она выделяет такие понятия, как «толстовская идея о непреходящей ценности детского неискаженного восприятия мира», «родовое гнездо», «замкнутое существование», «сохранение заповеди дворянской чести, гордость древностью рода», а также «миф дворянского гнезда», «счастливого места», «благословенной земли». Е. Шестакова присоединяется к мнению исследователей, считающих, что в свете концепции идиллического хронотопа М. М. Бахтина (Бахтин 1975: 374), «Детство» Л. Толстого «в большей степени демонстрирует жанровые признаки жанра идиллии», чем романа воспитания, хотя и у такой концепции есть свои сторонники. Как мы понимаем, спор ведется о понимании души главного героя Николеньки Иртеньева. Сторонники идиллической трактовки не видят конфликта в его душе, а сторонники воспитательной трактовки видят главного героя «в состоянии конфликта с самим собой и с окружающим миром» (Шестакова 2006). Конечно, выше речь идет о литературных произведениях писателей, тем не менее, нам представляется заманчивым выяснить, нашел ли идиллический хронотоп отражение в мемуарах детей Л. Толстого. Эти мемуары написаны людьми, связанными друг с другом семейными узами, переживавшими свое детство в одной и той же усадьбе и, практически, в одно и то же время. Можно также предположить, что при написании мемуаров все они руководствовались одной целью – внести свой вклад в формирование и сохранение образа своего отца для будущих поколений. Возможно, они чувствовали, что это их долг. Можно с уверенностью сказать, что мемуары детей Л. Толстого представляют собой своеобразный феномен в мемуаристике.

1.3.1 О. Муравьева о воспитании русского дворянина

Анализируя образ яснополянского детства и заостряя внимание на характерных чертах дворянского воспитания в семье Толстых, мы будем опираться на работу О. С. Муравьевой «Как воспитывали русского дворянина». В настоящей главе приводятся основные идеи, почерпнутые нами из вышеназванной работы. В ней ученый-пушкинист О. С. Муравьева, подразумевая Октябрьскую революцию и ее последствия, пишет о том, что русская история пошла «трагическим и кровавым путем» и что «культурная эволюция была прервана» (Муравьева 2014: 7). По ее мнению, «удручающие плоды» последовавшего грандиозного «воспитательного» эксперимента очевидны (там же: 84). Так как о дворянском воспитании сказано много негативного, стоит разобраться, что стояло за понятием *хороший тон* (*bon ton*), заключавшем в себе единство этических и этикетных норм (там же: 5). Ученый подчеркивает, что дворянское воспитание – это не педагогическая система, не методика и не свод правил, а образ жизни, «традиция, которую не обсуждают, а соблюдают». Муравьева советует исследователю обращаться не к учебникам, а к мемуарам, письмам, дневникам, к примерам английского и французского высшего общества, так как русское дворянство в петровскую эпоху и после ориентировалось на Запад, на европейские нормы быта и этикета. (там же: 6.) Она пишет, что воспитание детей стало целью дворянской элиты, стремящейся к лидерству в обществе и осознававшей «удручающе низкий культурный уровень подавляющего большинства русских помещиков». Тем не менее родители уделяли детям не столь уж много внимания. Воспитание не было прерогативой родителей, в нем принимала участие огромная семья и многочисленные родственники (там же: 56). К сожалению, как пишет Муравьева, дворянское воспитание было нормативным и состояло не в раскрытии индивидуальности ребенка, а в том, что ребенок должен был соответствовать определенному идеальному образцу. Современная педагогика этого метода не приемлет. (там же: 9.)

Прекрасные результаты дворянского воспитания рождались в семьях незаурядных людей высокой культуры. Появлялись «удивительные плоды» воспитания – люди с «неправдоподобной честностью, благородством и тонкостью чувств». (там же: 62, 6.) В основной массе общества жизненные ценности были другими, так как культурная элита России была немногочисленна (Муравьева 2014: 82). Сословное общество тяготело к патриархальному быту и патриархальной

системе отношений, что было неприемлемо для молодого поколения. Столкновения «отцов» и «детей» обострились в 1860–70-х годах. (Муравьева 2014: 57.)

Так как считалось, что высокое положение в обществе требует от дворян высоких нравственных качеств (там же: 13), приведем ключевые требования, предъявляемые к представителям высшего сословия. Это:

- Абсолютная надежность «честного слова» (там же: 14–15).
- Авторитет отца, культивация физической храбрости и выносливости (там же: 19–22).
- Умение «нравится» – важнейший момент в воспитании ребенка. Достигается требованием быть внимательным к окружающим, ко всем и каждому. (там же: 41–42.)
- Особая изысканность манер – умение одинаково держаться как с вышестоящими, так и с людьми, стоящими ниже (там же: 45).
- Чувство собственного достоинства должно сочетаться со скромностью (там же: 48).

Каждую главу своей книги исследователь посвящает одному из качеств идеального дворянина. Перечислим некоторые из этих качеств, для создания более полного умозрительного образа идеального русского дворянина: храбрость и выносливость, сила и ловкость, образование, умение хорошо выглядеть, скромность, отсутствие вульгарности, радушие и гостеприимство, отношения в семье, отношение к народу и к Родине (Муравьева 2014).

2 Сергей Львович Толстой «Очерки былого»

2.1 С. Л. Толстой (1863–1947)

Сергей Львович Толстой был в семье старшим сыном. Он родился 28 июня 1863 г. в Ясной Поляне, учился в тульской гимназии и в 1881 г. поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Московского университета. Одновременно он посещал курсы при консерватории. Работал в крестьянских банках. Был назначен на должность начальника уезда Тульской губернии. В советское время в 1926–30 гг. был профессором Московской консерватории. Был дважды женат (первая жена рано умерла). В браке с М. К. Рачинской у него родился сын Серге (1897–1974). С. Л. Толстой работал над своими воспоминаниями «Очерки былого» (398

страниц) до последних дней своей 84-летней жизни, последние тридцать лет из которой он прожил в советскую эпоху, сообщается от имени редакции во вступительной статье к его мемуарам. Он умер в Москве 23 декабря 1947 г. «Подавляющая часть воспоминаний» была впервые опубликована Гослитиздатом после его смерти в 1949 г. (Толстой 1956: 6–7.)

2.1.1 О воспоминаниях Сергея Львовича

Мемуары Сергея Львовича Толстого (далее СЛ)¹ обстоятельны. Композиционно «Очерки былого» делятся на две части. Первая часть, названная «Мои воспоминания», начинается с момента венчания родителей в 1862 г. и заканчивается кончиной матери в 1919 г. Вторая часть, «Друзья и близкие Л. Н. Толстого. Музыка в жизни моего отца», также делится на две части, одна из которых содержит соответственно воспоминания СЛ о десяти близких родственниках и близких друзьях Л. Толстого, а вторая посвящается значению музыки в жизни Л. Толстого. Углубленный интерес автора к теме музыки можно объяснить тем, что музыка являлась отчасти содержанием его профессиональной деятельности. Мемуары имеют ярко выраженный дневниковый характер. События передаются в хронологическом порядке. Выдержки из писем отца к друзьям и сыновьям, матери к сестре, отрывки из дневников отца цитируются редко. К тому же, они используются не для того, чтобы доказать или опровергнуть что-либо, а, скорее, для придания повествованию некоторой красочности.

Автор делит мемуары на временные отрезки-периоды разной продолжительности: с момента венчания родителей в 1862 г., через свое рождение до своих первых воспоминаний детства 1870 г., далее – освещая каждый год жизни семьи до 1881 г. Два года отводится переломному периоду в жизни семьи, когда автору было 18 лет, и семья переехала в Москву. Далее повествование немного ускоряется, затем останавливается на осени 1905 г., и под конец, отображая кончину отца и матери, автор замедляет темп до месяцев, дней и минут.

«Очерки былого» начинаются с описания истории любви родителей. У СЛ мы не находим семейных преданий и описания дворянского генеалогического дерева. Зато мы находим упоминания о том, что А. Е. Берс (отец матери), хотя и «был ум-

---

¹ Здесь и далее мы будем прибегать к сокращению личных имен мемуаристов, потому, что в рассматриваемых нами работах наблюдается триединство автора, рассказчика и пророганиста, а также для сохранения ясности и экономии места.

ным и известным врачом, но *не принадлежал к родовитому русскому дворянству*», о том, что «профессия врача *не считалась* в то время *достойной аристократа*» и о *полуаристократичности* Софьи Андреевны, матери СЛ. С помощью курсива мы обращаем внимание на то, что СЛ подчеркивает неаристократичность своих родственников.

СЛ «родится» уже на второй странице воспоминаний. За этим событием следует история выбора имени. Отец хотел назвать сына Николаем, в честь своего любимого брата, но мать была против, и тогда отец называет первенца именем своего второго брата Сергея. Этому способствовало еще и то, что в день рождения в церковном календаре праздновался чудотворец Сергей. Отдавая дань христианской традиции СЛ упоминает имена своих крестных, отца и матери. Ими были брат отца, дядя Сергей Николаевич, и «тетенька» Татьяна Ергольская, опекунша отца, которую автор характеризует позже как очень добрую, но скучную старушку. (Толстой 1956: 11–14.) Автор дает понять читателю, что до 1881 г., когда семья безвыездно жила в Ясной Поляне, между родителями не было больших разногласий. «Недоразумения» возникали лишь в последние два-три года до переезда в Москву. По мнению СЛ, перелом мировоззрения Л. Толстого скажется на жизни семьи после 1881 г.

2.1.2 Сергей Львович о себе

СЛ с детства любил самостоятельность и довольно прилежно учился (Толстой 1956: 17, 39). Нижеследующие мысли СЛ о себе к теме детства прямого отношения не имеют, но мы решили их привести, чтобы лучше раскрыть образ автора мемуаров. К тому же, они содержат ценную, на наш взгляд, информацию о том, какой период своей жизни автор считал счастливым, а также информацию о том, что в 1910 г. среди дворянства еще существовала традиция дуэли.

Знакомство со сверстниками-гимназистами, которое произошло благодаря экзаменам, стало «крупным событием» в жизни СЛ. Товарищи относились к нему «несколько снисходительно, хотя и дружелюбно». (там же: 40.) Счастливой порой своей жизни он считает 1879–1880 гг., когда ему было 16–17 лет. Это был период влюбленности, но застенчивость победила, оставив только «светлое воспоминание» (там же: 60). В 80-х СЛ держится несколько в стороне от семьи. Он чувствует несправедливость существующего строя и знает бедность крестьян. Он старается быть православным, как отец, но внутри себя протестует (там же: 43). Он мало вникает в толко-

вание евангелия отцом и в его христианское учение, хотя и находится «под сильным влиянием отца». (Толстой 1956: 110.)

Яркое свидетельство «живучести» кодекса дворянской чести мы обнаружили в главе о последних месяцах и днях жизни отца 1910 г. Именно в это время СЛ был вызван на дуэль молодым дворянином К. Сумароковым, соседом по имению, находящимся на должности предводителя дворянства. «По нелепому неписанному кодексу дворянской чести за отказ от дуэли Сумароков мог меня серьезно оскорбить», пишет СЛ. Ему пришлось неоднократно вести переговоры при помощи приглашенных секундантов и приложить много усилий для улаживания конфликта (там же: 226–228).

Интересно замечание СЛ по поводу образования, приобретенного им в университете на физико-математическом факультете: «я не жалел о своем выборе и льщу себя мыслью, что методы естественных наук воспитали во мне трезвость мышления» (там же: 68).

2.1.3 Что запомнилось из детства

После подробного описания обитателей Ясной Поляны автор переходит к своим первым впечатлениям раннего детства. СЛ вспоминает: поездку в Москву зимой 1866 г., когда он сидел в «закрытом ящике» (возке) и его мутило; повторную поездку в 1868 г. и страдальческое лицо умирающего деда Андрея Берса (отца матери), а также обвал крыльца в московском доме, где останавливалась семья. К раннему детству относятся также два «тяжелых» впечатления: увиденная в Туле повозка с женщиной-арестанткой; другое впечатление вызвало у СЛ панический страх, когда, исследуя окрестности усадьбы, он случайно увидел, как мужик зарезал жеребенка. «Большим развлечением в деревне» были представления с ручным медведем на цепи, которого в конце выступления поили водкой. По мнению СЛ, выступление было забавным, но медведь «с кольцом в щеке, с облезлой шерстью, навсегда прикрепленный к цепи, производил жалкое впечатление». Событием было и появление разносчиков мелкого галантерейного товара, а также фур – целых магазинов на колесах. (Толстой 1956: 17–18.)

Следующие события разворачиваются с 1871 г. и связаны с отцом, матерью, Степаном Берсом (брат матери, лишь на 8 лет старше СЛ), пристройкой яснополянского дома, охотой, устроенной в честь прадеда СЛ, и началом усердных занятий.

СЛ рассказывает о рассматривании с отцом иллюстраций, изображающих расстрел французов немцами во франко-прусской войне, и сочувствии французам, о преждевременных родах и болезни матери, и нездоровьи и мрачности отца и о его отъезде на кумыс в Самарскую губернию. СЛ восхищается Степаном, но его вспыльчивость отталкивает. Необыкновенная красота природы Никольского-Вяземского, второго имения Толстых, поражает СЛ, но по молодости он не замечает бедности никольских крестьян. По возвращении из имения они с отцом видят «печальное зрелище» – дом, сгоревший вместе с семьей, и старую собаку, воющую посреди пожарища. Приехав домой, они узнают, что бык забодал пастуха. (Толстой 1956: 24–25.) В будущем СЛ унаследует Никольское-Вяземское, и оно станет местом его проживания вплоть до 1918 г., когда усадьба будет разрушена и сожжена бунтующими крестьянами, но об этом автор не пишет.

Летом 1873 г в Самару на кумыс едет вся семья. Отец организует там скачки в 1873 и 1875 гг. Запомнилась также поездка в Москву с матерью и сестрой в 1879 г., где они осматривали достопримечательности Москвы и ходили в оперу. (там же: 27, 54.) События, часто снабженные датами, следуют одно за другим без отступлений и сыпятся, как из рога изобилия. Череду семейных событий, веселых и грустных, иногда трагических, рождений и смертей, разделяют года, будто вехи. Мы словно читаем дневник добросовестного человека, чуткого к своей семье, окружающим его людям и окружающей его жизни.

2.1.4 Воспитатели, учителя, учеба

«В жизни детей прислуга занимала гораздо более заметное место, чем у взрослых», пишет СЛ (Толстой 1956: 15). Прежде всего СЛ описывает простой народ: кормилиц, нянь, бонну, многочисленную прислугу и дворовых, о которых у него остались «добрые воспоминания» (там же: 17) и с некоторыми из которых он был в приятельских отношениях. У него было две кормилицы: Евлампия Матвеевна Родионова и Наталья Казакова. Мы узнаем не только о том, что у Евлампии был муж, но и о том, что у него было несколько профессий (ямщик, кучер, приказчик). Некоторое время СЛ кормят из рожка, после чего он переходит под опеку нянь. Первая няня была очень стара, она была когда-то няней отца. СЛ не помнит ее имени. Второй няней была «тихая, добрая» Марья Афанасьевна Арбузова. Она была няней еще четырех детей: двух братьев и двух сестер СЛ. Сказок няня не рассказывала, но, став впо-

следствии экономкой, баловала детей сладостями и водила их тайком в кладовую. СЛ приводит высказывание отца о «глупой» мысли своей опекуни, подарившей в свое время отцу и его братьям по крепостному мальчику для того, чтобы из них выросли преданные слуги. Таковым был Алексей Орехов, ставший впоследствии «почтенным приказчиком». Преданностью отличались также слуга Сергей Арбузов, повар Николай Румянцев – «типичный дореформенный дворовой, грязный, нередко пьяный, но добродушный», его сын, также служивший поваром, горничная бабушки Льва Толстого княжеских кровей Агафья Михайловна – «собачья гувернантка», имевшая «вид аристократки» и превратившаяся в миф. (Толстой 1956: 13–17.) СЛ отмечает преданность слуг, их близость к семье, а также взаимную любовь слуг и дворянских детей. Мы можем сказать, что СЛ выводит на первый план окружение дворянской семьи, людей, участвовавших в жизни дворянской усадьбы. Сословные различия людей для него не имеют значения. В окружение входили также многочисленные родственники, которые подолгу жили в усадьбе, как, например, племянницы отца Варя и Лиза и семья сестры матери, Татьяны Кузминской.

Дети жили своей, отдельной от родителей, жизнью. Когда СЛ было три года, Тане два, а Илье несколько месяцев, в Ясную Поляну приехала бонна Ханна Тардзей, «выписанная» отцом из Англии. Английская бонна сразу стала членом семьи. (там же: 14.) Так, начиная с трехлетнего возраста, с 1866 до 1872 гг., СЛ был под надзором горячо любимой детьми Ханны. Это был радостный период, пишет СЛ (там же: 14, 19). С отъездом Ханны место гувернера при девятилетнем СЛ, шестилетнем Илье и трехлетнем Леве на два года займет немец Кауфман, «дядька», малообразованный человек 35 лет, а к сестрам поступает англичанка мисс Дора. Когда СЛ было восемь лет, его домашнее обучение выглядело так:

Зима 1871–72

- Мать преподает – русский, французский языки, немного истории и географии, игру на фортепиано.
- Ханна Тардзей – английский язык.
- Отец – русский язык (но не грамматику), арифметику, учит считать на счетах. Рассказывает и заставляет излагать рассказы своими словами. Никогда не дает отвлеченных тем для сочинений (там же: 32–33). Таблицу умножения заставляет выучить наизусть до пяти, а дальше производить умножение на пальцах (СЛ приводит точную схему, как это делается). Бравуром отца была

также «народная» алгебраическая задача о гусях, которая тоже точно описывается.

Зима 1872-73

- Отец, по примеру ланкастерского обучения, поручает Сергею, Тане и шестилетнему Илье обучать грамоте крестьянских детей. По мнению СЛ, «опыт был довольно удачен», и крестьянскими детьми была усвоена начальная грамота. (Толстой 1956: 22–24, 26.)

Осень 1875

- Раз в неделю приезжает учитель музыки, обучавший троих старших детей.

1876

- Латынь, греческий, французский.
- Русский язык, история, география с матерью.
- Математика с отцом.

В 1876 г. СЛ держит свои первые переводные экзамены из третьего в четвертый класс гимназии. Он выдерживает экзамены по четырем предметам: русскому, математике, греческому, французскому, и не сдает – по-латыни. Теперь СЛ начинает держать экзамены вместе с гимназистами каждой весной, вплоть до восьмого класса включительно, после чего он сдает экзамены на аттестат зрелости. В 1877 г. при переходе из четвертого в пятый класс было 16 письменных и устных экзаменов. К ним усиленно готовились по шесть-восемь часов в день, включая субботу и воскресенье. Кроме того, давались задания для самостоятельной работы. Для троих старших детей составлялось недельное расписание, которое соблюдалось. Иногда прогулка после завтрака затягивалась, или учеба отменялась из-за охоты. Количество домашних педагогов достигало семи. Весной экзамены были успешно сданы (там же: 38–41, 47.)

В 1877 г. в жизни СЛ впервые появляется учитель, «который искренне хотел не только передать нам известные знания, но и дать нам нравственное воспитание». СЛ глубоко признателен учителю за посеянные в душе добрые семена. Этим человеком был учитель Василий Алексеев, который, окончив математический факультет Петербургского университета, примкнул к народникам, прожил два года в земледельческой коммуне в США и после распада коммуны вернулся в Россию. Его убеждения основывались на христианской этике и социальных идеях европейских

мыслителей. Он преподавал СЛ математику, русский язык, историю и географию. (Толстой 1956: 45–46.) Экзамен зрелости был успешно выдержан, хотя один из них, Закон Божий, был сдан благодаря товарищам, подсунувшим СЛ катехизис и учебник, раскрытые на нужной странице. Тема сочинения на зрелость была «Главные типы Пушкина и Гоголя». (там же: 66.)

2.1.5 Расписание дня

Расписание дня в Ясной Поляне в учебные месяцы с сентября по май до 1881 г. было, по мнению СЛ, «довольно правильно». Дети и педагоги вставали в 8–9 часов утра. Кофе пили (завтрак) в 10 часов наверху в зале. К ним присоединялся отец, пил кофе и съедал два яйца всмятку. Он мало говорил по утрам и уходил в кабинет с чашкой чая. В конце 80-х отец стал завтракать вторично в 14–15 часов. Мать приходит пить кофе в 11 часов. Второй завтрак для детей и учителей в 12–12.30. Таким образом, завтрак не сходил со стола с 9-ти до половины первого. На обед в 17 часов собиралась вся семья, но отец нередко опаздывал. После обеда отец читал, занимался с детьми, или давал им уроки, а если были гости, то разговаривал с ними. Доступ к нему был свободен, и дверь в кабинет открыта. Около 22 часов все жители Ясной Поляны собирались пить чай в залу, а если были гости, то велась оживленная беседа. Перед сном отец снова читал или играл на фортепиано. Отец ложился спать около часа ночи. (Толстой 1956: 74–75, 78.)

2.1.6 Игры и увлечения

«Обучение» крестьянских детей графскими сближает детей, и с крестьянскими сверстниками складываются добрые и долгие отношения. Зимой в свободное от уроков время все катаются на скамейках. (Толстой 1956: 22, 26.) Веселыми были катания на коньках на прудах усадьбы с гувернантками, педагогами, иногда с родителями и деревенскими ребятами. Брат Лев проваливается в прорубь, а сам СЛ падает так сильно, что теряет сознание и просыпается только через сутки. Дома в усадьбе устраиваются: «святочные увеселения» с переодеванием и плясками под рояль и гармошку, елка, домашние спектакли с детьми семейства Дельвигов и музыкальные вечера, на которых тетя Таня поет французские, итальянские, цыганские и русские романсы, а сестры иногда пляшут. Аккомпанируют отец, СЛ или сама тетя. СЛ считает, что у него не было драматического таланта, к тому же ему мешала застенчи-

вость. (Толстой 1956: 42–43, 54.) После веселых праздников и любительских новогодних спектаклей – ученье, коньки и правильная жизнь (там же: 57). Летом – спорт, рыбная ловля и плавание. Игра в лапту с товарищами из гимназии. СЛ вспоминает пикник в лесу в честь дня рождения сестры Тани в 1878 г., когда на костре жарили шашлык и яичницу. Еще СЛ вспоминает езду по степи верхом на полуобъезженной лошади (там же: 52–53). Он много читает, отчасти книги по рекомендации отца. В 1881 г. участвует в концерте в тульском дворянском собрании (там же: 62).

2.1.7 Образ отца

Отцу СЛ посвящает большую главу, состоящую из восьми подглав. Глава об отце предшествует главе о переезде в Москву в 1881 г. – переломному событию в жизни семьи. В это время СЛ было 18 лет, и он готовился поступать в университет. В этой главе, создавая образ отца, СЛ одновременно подводит итог своему детству и прощается с ним. СЛ пишет об отце:

В детстве у нас [...] было совсем особенное отношение к отцу, иное [...], чем в других семьях. Для нас его суждения были беспрекословны, его советы – обязательны. Мы думали, что он знает все наши мысли и чувства [...]. Я плохо выдерживал взгляд его пытливых небольших стальных глаз, а когда он меня спрашивал о чем-нибудь, а он любил спрашивать о том, на что не хотелось отвечать, – я не мог солгать, даже увильнуть от ответа. (Толстой 1956: 70.)

В этой главе образ отца предстает перед читателем таким, каким он запомнился СЛ до «кризиса» отца. В 60–70-х гг. «отец был во многом не тем, каким он был впоследствии. Тогда он был жизнерадостен и властен», пишет СЛ. (там же: 73.) «Мы находили особую прелесть даже в запахе отца, в запахе его фланелевой блузы, здорового пота и табака» (там же: 71). К отцу дети обращались на «ты» (там же: 63). Проявлением нежности было, когда отец называл СЛ «Сергулевичем». Когда отец «занимался», ему необходима была полная тишина и уверенность в том, что никто не прервет его занятий. Даже мать не смела войти в его кабинет. Играть в это время на фортепиано тоже было нельзя. (там же: 74–75.)

СЛ был удивлен, когда отец «разбранил» молоканина, арендовавшего часть имения и припахавшего к себе «лишних» тридцать десятин земли. Возможно, СЛ удивился потому, что еще в 1871 г. отец писал о самарских крестьянах следующее: «особенно соблазняет простота и честность, наивность и ум здешнего народа» (там же: 30). С момента поступления восемнадцатилетнего СЛ на физико-

математический факультет начались «несчастные споры с отцом» о религии и науке. СЛ цитирует строки из дневника отца, где отец сетует на сына за то, что тот любит плотскую жизнь и верит в нее. (Толстой 1956: 68.)

СЛ считает, что ему посчастливилось, потому что он «слышал живую художественную и разнообразную речь» отца. У отца была удивительная память и исключительная впечатлительность, «он хорошо передавал все им виденное, слышанное, продуманное и прочитанное». СЛ слышал от отца «много нового и неожиданного, того, чего другие не замечают или о чем другие не говорят». Отец не любил говорить без цели, не любил сплетен, рассказов о самом себе и пошлых анекдотов. Он не любил также фамильярности в отношениях. (там же: 83.) Отца дети не только любили, но «он занимал очень большое место» в их жизни. С другой стороны, дети чувствовали, что он подавляет их личности. С возрастом это понимание росло, и со временем превратилось у сыновей в «дух противоречия по отношению к отцу». (там же: 70.)

2.1.8 Отец и физическая культура

Самым большим удовольствием для детей было завоевание внимания отца для того, чтобы он взял их с собой на прогулку, по хозяйству, на охоту, в поездку, рассказал что-нибудь или сделал с ними гимнастику. Держась за руки отца, дети любили карабкаться по его телу на плечи, бегать с ним наперегонки. Отец поощрял физическое развитие тела, гимнастику, плавание, бег, прыжки через «козла», всякие игры – лапту, городки, бары² и верховую езду. Игра в нумидийскую конницу была привита дядей Степаном Берсом, заимствованная им из Училища правоведения, где он учился.

Отец с малых лет приучал мальчиков к езде без седла и стремян для лучшего равновесия. В восемь лет СЛ умел ездить верхом, но первая охота кончилась падением с лошади и отчаянием, так как без стремян невозможно было снова залезть на лошадь. Всем охотничьим приемам также научил отец. Рассказывая об охоте с отцом (Толстой 1956: 107–108), СЛ единственный раз использует в мемуарах настоящее время, как бы переживая это событие заново, если не считать описания самого раннего впечатления детства, когда автор употребляет два коротких словосочетания «я сижу» и «меня мутит». Охота привила любовь к природе, но, с другой стороны,

---

² Игра, напоминающая салочки. <http://slovarrus.ru/isgrya/barry>. [10.10.2015]

негативную окраску вносит то, что в это время «отец не только не был вегетарианцем, но без жалости убивал животных на охоте», «нас он учил поступать таким же образом», пишет СЛ (Толстой 1956: 106).

2.1.9 Методы воспитания отцом

«Повидимому, у него не было особой системы воспитания», пишет СЛ. Не было ни поцелуев, ни ласковых слов, ни подарков, отец редко дарил игрушки. Но любовь отца дети чувствовали и понимали, когда он доволен их поведением. Он очень редко наказывал, не ставил в угол, редко бранил, даже редко упрекал, никогда не бил, не драл за уши, но дети чувствовали, как он к ним относился. Больше всего он был недоволен нечестностью и грубостью к кому бы то ни было: к матери, воспитателям или прислуге. Самым большим наказанием была его немилость – не обратит внимания, не возьмет с собой, скажет что-нибудь ироническое. Иногда он раздражался и возвышал голос, особенно во время уроков, но грубых слов не употреблял, случилось, что прогонял с урока. (Толстой 1956: 71–72.) У отца были «временные» любимцы, которые выбирались по поведению детей или без видимой причины. Во взрослых детях отец ценил сочувствие своим взглядам.

Отец делал замечания детям: не есть с ножа, не резать ножом рыбу, не сутулиться, делать хорошо, то что делаешь, или не делать совсем. Оправдывание нечаянностью не было извинением потому, что надо стараться ничего нечаянно не делать. Давая понять, что дети ведут себя не так, как следует, отец намекал на недостатки шуткой, рассказывал анекдот или случай с намеком. (там же: 72–73.)

Отец предостерегал СЛ близко сходитья с гимназистскими товарищами, опасаясь, что они «научат разврату» (там же: 40). Дружить он разрешил только с товарищем из семьи графа Татищева, но друг умер от несчастного случая через два года после их знакомства. Отец придавал некоторое значение наследственности, а под аристократизмом понимал «благовоспитанность в лучшем смысле этого слова, чувство собственного достоинства, образованность, сдержанность, великодушие». Отец совмещал аристократизм с особым уважением и любовью к крестьянству, «кормильцам», это уважение он внушал детям. После такого положительного определения аристократизма курьезными кажутся слова СЛ о том, что отец впоследствии «реши-тельно отрекся от аристократизма». (там же: 71, 73.)

2.1.10 Отец и музыка

С детства музыка, игра отца на фортепиано вызывала умиление в душе ребенка. К примеру, в 1874–1875 гг., работая над «Анной Карениной», отец по три часа в день играл на фортепиано сонаты Моцарта, Гайдна, Вебера, Бетховена, Шуберта и Шопена, а также, в четыре руки с матерью – симфонии, увертюры и квартеты Гайдна, Моцарта, Вебера, Бетховена и Мендельсона. (Толстой 1956: 74–75.)

2.1.11 Отец и литература для чтения

СЛ пишет, что Л. Толстой умел читать, в том смысле, что хорошо помнил прочитанное, и различал книги, которые надо читать, не пропуская ничего, и книги, из которых надо выбрать только существенное или нужное. Специальную детскую литературу он не любил, поэтому он рекомендовал детям читать такие произведения всемирной литературы, которые интересны и детям, и взрослым. По вечерам отец пересказывал или читал детям вслух книги Жюль Верна «Дети капитана Гранта», «Путешествие на Луну» и «80 дней вокруг света». Позже он читал детям по-французски «Трех мушкетеров» А. Дюма, «пропуская неподходящие для детей места» (Толстой 1956: 41). Заметим, что в это время СЛ было 14 лет. В 1878 г. отец занимался с СТ чтением по-гречески. Вместе они читают отрывки из «Одиссеи» на греческом языке, которые СЛ переводит на русский (там же: 47).

Л. Толстой советовал своим детям не спешить с чтением шедевров литературы, чтобы они не утратили интерес новизны, когда станут старше и будут понимать произведения лучше. Поэтому Пушкина, Лермонтова и Гоголя дети прочли довольно поздно. Он рекомендовал читать «Разбойников» Шиллера, «Вертера» и «Германа и Доротею» Гете, «Робинзона Крузо» Дефо, «Дон Кихота» Сервантеса, «Путешествие Гулливера» Свифта, «Les misérables» Гюго, «Оливера Твиста» и «Дэвида Копперфилда» Диккенса, А. Дюма-отца; из русской литературы – прозу Пушкина и Гоголя, «Записки охотника» Тургенева, «Записки из мертвого дома» Достоевского. Из своих произведений он не советовал читать ничего, кроме «Азбуки» и «Книг для чтения». Мать поощряла чтение «Детства», «Юности» и «Отрочества». Именно они были любимыми книгами СЛ, он сравнивал себя с Николенькой Иртеневым. Между отцом и СЛ часто велись разговоры о литературе.

Постоянно выписывался только журнал «Revue des Deux Mondés». Издателями присылались: «Русский вестник», «Заря», позже «Беседа», «Русская

мысль». Временно появлялись: «Русская старина», «Русский архив», бывал «Вестник Европы», «Огонек», «Отечественные записки», из газет – «Московские ведомости». (Толстой 1956: 79–80.)

2.1.12 Образ матери

Образ матери намечается в мемуарах короткими упоминаниями о ее болезнях, о плохой переносимости беременности, или появляется в мемуарах в связи с рождением нового ребенка. Ее образ становится заметнее в связи с переездом в Москву. Матери 37 лет. Прожив в деревне почти безвыездно 18 лет, она чувствует долг перед старшими детьми. (Толстой 1956: 63–64.) Для передачи атмосферы начинающегося семейного разлада, «маленьких стычек», автор приводит письма матери к сестре. Мать объясняет разногласия тем, что стали жить «по-христиански», но «без христианства много лучше было». (там же: 65.) Она считала себя православной, но холодно относилась к религии (там же: 43). Мать не была так сдержанна, как отец. Она разражалась горячими выговорами. У нее не было такого авторитета, как у отца, ни среди детей, ни среди прислуги (там же: 17). К матери не было такого уважительного, даже несколько робкого отношения, как к отцу, хотя к ней обращались на «вы», а к отцу на «ты». Дети иногда позволяли себе сделать замечание при ней на ее счет. Заботы матери всегда принимались детьми как должное. Взрослым человеком СЛ лучше поймет значение матери в жизни семьи и больше оценит ее заботу о детях и об отце. В детстве ему казалось, что жизнь идет сама по себе. Он не замечал, что всем заведовала мать: пищей, одеждой, учением, перепиской для отца. Отец «давал директивы», которые мать часто игнорировала. (там же: 63.)

Мать была энергичной, как отец, с быстрыми движениями и походкой. Не умея быть праздной, она всегда находила занятие: после кормления и учения детей, переписки и хозяйственных работ она «шила, рисовала, возилась в цветнике, варила варенье, мариновала грибы». Автор дает психологическую характеристику матери: «она редко просто гуляла, редко от души веселилась. Всегда на душе у нее была какая-нибудь забота». (там же: 64.) Меньше других детей мать любила Машу, которая была у нее Золушкой, сообщает автор и дает портрет Маши: некрасивая, бледная, болезненная и малозаметная (там же: 32). О том, что мать начинает тяготиться жизнью в деревне, мы узнаем из приведенного СЛ письма матери к сестре 1880 г.: это «тюрьма, хотя и довольно светлая и морально и материально», пишет она в письме

(Толстой 1956: 58.) Мать несколько раз на два месяца героически следовала за отцом в самарские степи, хотя это было ей тяжело. СЛ пишет, что аристократизм матери проявлялся еще более определенно, чем аристократизм отца, но мемуарист не объясняет, в чем это выражалось (там же: 73).

2.1.13 Мир детства

В яснополянской жизни царит «бодрый и деятельный строй», а в доме преобладает «радостное, бодрое настроение» до 1871 г., то есть до восьмилетнего возраста СЛ (Толстой 1956: 19, 20). В это время Л. Толстой пишет «Войну и мир». Родители исключительно дружны и здоровы. «Тихую старческую ласку» вносит в семью «тетенька», воспитательница отца Татьяна Ергольская. Гости и родственники с семьями вносят «оживление». Это семьи сестры отца и сестры матери (там же: 19). В начале 1871 г. на яснополянское небо надвигаются «тучи» (там же: 21). Это вызвано преждевременными родами и болезнью матери, мрачностью и нездоровьем отца и его отъездом в Самарскую губернию на кумыс. Несчастья продолжаются: бык забодал пастуха, из-за чего следует судебное дело (там же: 25), в 1873 г. случай повторяется, и снова погибает скотник (там же: 27). Летом в Ясной Поляне пусто, так как семья Кузминских уехала на Кавказ, а отец – на несколько недель на кумыс. Осенью «в детской жизни происходит «крупная перемена»: гувернантка Ханна заболевает чахоткой, и для поправки здоровья ее в качестве гувернантки отправляют на Кавказ с семьей Кузминских. Смерть ребенка впервые посещает Ясную Поляну в 1873 г., когда умирает брат Петя. В 1875 г. умирает десятимесячный брат Николенька. В том же году умирает Варя, прожив всего один час. Умирают «тетеньки»: 79-летняя³ Татьяна Ергольская (†1874) и 77-летняя Пелагея Юшкова (†1875), сестра отца Л. Толстого, взявшая в свое время на воспитание пять сирот Толстых. С их смертью дом лишается «особенной дореформенной, ласковой, но несколько затхлой атмосферы». (там же: 33, 34.)

---

³ Здесь мемуарист ошибается, на самом деле Т. Ергольская (1792–1874) умирает в возрасте 82 лет. Добавим, что мемуары С. Л. Толстого не содержат научного комментария к тексту.

2.2 Образ детства Сергея Львовича

Мы не только любили его; он занимал очень большое место в нашей жизни; и мы чувствовали, что он подавляет наши личности, так что иной раз хотелось вырваться из-под этого давления (Толстой 1956: 70).

Создавая образ своего детства, СЛ пользуется номинативной, нейтральной художественной речью и лексикой, но приведенные случаи из раннего детства, оставившие глубокий след в его душе, говорят о том, что за сдержанным и объективным тоном повествования стоит человек впечатлительный и ранимый. Его детство полностью пришлось на счастливый период семейной жизни Толстых, но автор подчеркивает, что дети жили отдельной от родителей жизнью. СЛ выводит на первый план окружение дворянской семьи, людей участвовавших в жизни дворянской усадьбы, слуг из крестьян. Именно они компенсировали потребность детей в родительской любви, во внешних проявлениях которой к детям особенно скупым был отец.

Сильное впечатление на подростка произвело путешествие в Самарскую губернию, на приобретенную новую землю отца, когда СЛ было 10 лет. Мы видим также, что на духовный мир ребенка сильно повлияло воздействие музыки и литературы, благотворно повлияли вербальные способности отца. Особенно музыка вызвала в нем умиление. В семье нередко «делали музыку»: исполнялись русские, французские, итальянские романсы, а также русские народные песни. Пела не только тетя Таня, пели и все хором. (Толстой 1956: 59.) Дети любили прибаутки, поговорки, анекдоты и рассказы отца (там же: 88–89). У ребенка развивались моральные устои, к примеру, СЛ переживает и стыдится, если не выполняет требования тетушки Ергольской навещать ее каждый день (там же: 27–28). Отец «довольно много занимается детьми», он заинтересован в учебе сына и принимает в ней активное участие (там же: 32). Ясно видно также желание самого СЛ учиться и получить образование.

Теплые слова СЛ говорит о горячо любимой детьми английской гувернантке Ханне Тардзей, занявшейся воспитанием трехлетнего мальчика. Период детства до девяти лет, прожитый с Ханной Тардзей, он называет радостным периодом. Немецкий гувернер Кауфман, последовавший за Ханной, симпатии у него не вызывает. Особые слова благодарности мемуарист высказывает в адрес учителя Василия Алексеева, давшего ему не только знания, но воспитавшего его нравственно и посеявшего добро в его душе.

Домашнее образование аристократического образца заключалось в изучении русского, английского, французского, позже латыни и греческого языков, географии, истории и математики. В расписании уроков не значится Закон Божий, но он тоже входил в систему обучения, так как СЛ пишет, как сдавал этот предмет на экзамене в гимназии. С 8 лет он обучался музыке. Много свободного от уроков времени проводилось на воздухе: летом играли в бары, лапту, городки, занимались спортом, рыбной ловлей, плаванием и верховой ездой, зимой – катанием на санках и коньках. СЛ дружил с крестьянскими детьми. Дома в праздничные дни устраивали спектакли, пели и танцевали, играли на фортепиано.

Образ матери ассоциируется у автора с частыми болезнями, рождением и смертями детей. У матери не было сдержанности в обращении с детьми и прислугой, присущей отцу, и не было его авторитета. Ее забота принималась как должное. Роль матери раскрылась автору только, когда он стал взрослым.

Образу отца отводится первостепенная роль. Дети любили не только его самого, но и его запах, ему беспрекословно подчинялись, с ним искали контакта, знаки внимания с его стороны вызывали радость. Наказание детей имело вид немилости, замечания, иронии или шуточки с намеком. Самым большим проступком была ложь и грубость по отношению к кому бы то ни было. Постоянных любимцев у отца не было, но были временные. Незаурядная личность отца оказала сильное культурное и эстетическое влияние на СЛ. Основные мотивы образа детства СЛ: музыка, книги, физическая закалка – все они тесно связаны с образом отца. Отец научил верховой езде и тонкостям охоты, хотя СЛ признает жестокость этой забавы. Образ отца не идеальный, а противоречивый. Сначала неосознанно, но с возрастом все сильнее дети чувствовали, что отец подавляет их личности, им хотелось вырваться из-под его влияния, особенно среди сыновей рос дух противоречия по отношению к отцу. Что касается аристократизма отца, то здесь СЛ противоречит сам себе. Сначала он пишет, что отец понимал под аристократизмом «благовоспитанность в лучшем смысле этого слова, чувство собственного достоинства, образованность, сдержанность, великодушие». Далее он пишет, что отец «совмещал аристократизм с особым уважением и любовью к крестьянству, «кормильцам»» и внушал это уважение детям, и, наконец, что впоследствии отец решительно отказался от аристократизма. Это противоречие у СЛ можно объяснить смешением положительной и отрицательной трактовок аристократизма, разнотечением понятия в разные эпохи, в которые ему довелось жить.

Самой счастливой порой своей жизни он считает период первой влюбленности, когда ему было 16 лет. Во время переезда в Москву в 1881 г., переломном в жизни Л. Н. Толстого и его семьи, старшему сыну было 18 лет. Как в детстве, так и в московский период жизни старший сын держал себя в кругу семьи обособленно и замкнуто. Сергей Львович единственным из детей Толстых окончил университет. Он прожил долгую жизнь в Советском Союзе и имел одного сына.

3 Татьяна Львовна Толстая «Воспоминания»

3.1 Т. Л. Толстая (1864–1950)

Первая дочь Толстых, Татьяна Львовна Толстая, родилась 4 октября 1864 г. в Ясной Поляне. Дневник она начала вести в 14 лет (Шифман 1976: 5–6). В 1881 г. она поступила в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве. Татьяна прожила вместе с отцом и матерью 35 лет. Она покинула отчий дом в 1899 г., выйдя замуж за вдовца М. С. Сухотина, имевшего шестерых детей, а после смерти мужа в 1914 г. вернулась в Ясную Поляну с дочерью Татьяной и продолжала помогать отцу в писательской деятельности до самой его кончины. В Советское время Татьяна Львовна была хранительницей музея-усадьбы и директором Музея Л. Н. Толстого, одним из организатором которого был ее старший брат Сергей. Уехав с дочерью за границу в 1925 г., жила во Франции и в Италии. Как сообщает Д. Гиллэс (Tolstoi 1975: 13) во вступительной статье к финскому переводу «Воспоминаний» (в финском варианте «*Isäni Leo Tolstoi*»), Татьяна начала писать мемуары в 1913 г. В это время ей было 49 лет. Дочь Татьяны вспоминает, что ее мать отказывалась публиковать свои воспоминания, так как ей казалось, что в них она слишком много пишет о себе и слишком мало об отце. Татьяна Толстая умерла в Риме 21 сентября 1950 г. в возрасте 86-ти лет. «Воспоминания» (446 страниц) были с согласия дочери опубликованы после смерти Татьяны Львовны. (Tolstoi 1975: 15–16.)

3.1.1 О воспоминаниях Татьяны Львовны

Собранные вместе, воспоминания Татьяны Львовны Толстой (далее ТЛ) вышли в СССР в 1976 г., но интересующая нас часть мемуаров о детстве, как и две другие части, впервые увидели свет во французском переводе в 1975 г. в Париже, как

сказано в примечаниях к мемуарам (Толстая 1976: 449). Мемуары состоят из нескольких частей, дневниковых записей, а также коротких юмористических историй, связанных с отцом и названных ею «Зарницы памяти». В своих воспоминаниях ТЛ стремится к художественной выразительности. Описывая события, свидетелем которых сам автор быть не мог, как например, события из жизни отца до рождения самого автора, она применяет метод всезнающего рассказчика. Точкой отчета воспоминаний становится факт рождения автора. Интересно отметить, что ТЛ пишет о себе в более свободном стиле, чем ее старший брат Сергей. Брат использует официально-деловой стиль *я родился*, а ТЛ начинает воспоминания в разговорном стиле – *родилась я*, что создает атмосферу непринужденности. Далее ТЛ меняет личную тему на тему отца и описывает случай его падения с лошади незадолго до ее рождения. Этот случай становится своеобразной завязкой мемуаров. Продолжая рассказ о себе, автор, по традиции, так же как и ее старший брат Сергей, называет имена крестных родителей, после чего следует рассказ о выборе имени. Отец и мать сошлись на имени Татьяна, хотя у каждого из них были для этого свои личные мотивы: отец хотел отдать честь любимой тетушке Татьяне Ергольской, а мать – любимой сестре Татьяне Берс (там же: 32).

Нам кажется, что ТЛ повторяет в своих мемуарах композиционные приемы, использованные Л. Толстым в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». К примеру, части ее мемуаров носят название «Детство Тани Толстой в Ясной Поляне» и «Отрочество Тани Толстой», а также, если у Л. Толстого в «Детстве» счастливая пора детства кончается мотивом смерти матери, и начинается, как пишет Л. Толстой, эпоха отрочества (Толстой 1970: 101), то у ТЛ счастливое детство кончается хотя и не смертью гувернантки Ханны, но расставанием с ней. «Мне пошел девятый год, и я из ребенка переходила уже в *отроческий* (выделено нами – *ТН*) возраст», пишет ТЛ (Толстая 1976: 30). Ханна станет гувернанткой семьи Кузминских (сестры матери) и уедет с ними на Кавказ. В 1873 г. ТЛ и Ханна встретятся в последний раз в новом имении отца в Самарской губернии, куда Ханна приедет подлечиться по приглашению Толстых.

3.1.2 Что запомнилось из детства

ТЛ рассуждает о достоверности ранних воспоминаний, которые путаются с рассказами окружающих и с чужими воспоминаниями. Ее собственное первое ясное

воспоминание, свободное от влияния и рассказов окружающих, связано с няней Марьей Афанасьевной Арбузовой. Няня кормила детей перед сном тайком от родителей. Вкус гречневой каши и молока никогда позже не будет так вкусен. (Толстая 1976: 39.) Мимоходом заметим, что в финском переводе мемуаров Е. Салминен *гречневая каша с молоком* переведена как 'sahramimaito', а *ржаной хлеб* переведен как 'ohraleipä', вместо 'tuisleipä', хотя это и не имеет отношения к теме нашей работы (Tolstoi 1978: 43).

Следующее воспоминание связано с первым выездом из Ясной Поляны в Москву к умирающему деду. Это свидание с дедом вызвало в ребенке испуг, смущение и любопытство. (Толстая 1976: 39–40.) Об этой поездке пишет и брат Сергей, но младшая сестра описывает ее с большими подробностями. ТЛ воспроизводит в тексте прямую речь брата, которая в его воспоминаниях отсутствует (см выше с. 15). Еще ТЛ вспоминает, как родители по вечерам играли в четыре руки. (Толстая 1976: 45.) Ужас и тошноту в детстве наводил применяемый няней метод лечения болезни горла или кашля, который заключался в питье расплавленной в серебряной ложке сальной свечи с последующей растиркой и перевязкой горла шерстяным чулком, снятого непременно с левой ноги (там же: 46). Как и старший брат Сергей, Татьяна тоже вспоминает поездку семьи в Самарскую губернию.

3.1.3 Воспитатели

Особенную благодарность за свое счастливое детство автор выражает трем главным людям: отцу, руководившему жизнью и создавшим условия, в которых росли дети; матери, «украсившей» жизнь детям всеми доступными ей способами, и английской воспитательнице Ханне, давшей детям много «любви, заботы и твердых нравственных основ». (Толстая 1976: 29–30.) Замена привычной няни на англичанку Ханну, не знающую русского языка, не прошла безболезненно ни для ребенка, ни для няни. Ребенок уставал из-за языкового барьера, няня горевала, но вскоре в детских душах выросли доверие и любовь к гувернантке, и дети ей подчинились. Ханна ввела новые правила гигиены – ежедневные ванны для всех детей. Ванна для этого была выписана из Англии. Ханна обратила также внимание на грязные полы и выписала из Англии специальные щетки, с помощью которых она сама мыла полы в детских комнатах. (там же: 43.) От Ханны дети получили в подарок английские коньки, и она же научила детей на них кататься. Ханна имела на детей положительное психологиче-

ское влияние: ТЛ, к примеру, отучилась говорить неправду и запомнила «урок» на всю жизнь. Трудолюбие Ханна считала необходимым условием для счастья. (Толстая 1976: 42, 44–45.) Автор размышляет о том, почему говоря о воспитателях, она не начала с родителей, и объясняет это тем, что, во-первых, они всегда были заняты и, во-вторых, незаметны, как воздух, которым дышишь.

Для ТЛ «безоблачное счастье» и детство закончились с отъездом Ханны, когда ТЛ шел девятый год. (Толстая 1976: 29–30.) После Ханны родители пытались нанять новых гувернанток, но ни одна из них так и не понравилась ребенку, и этот период жизни остался в памяти Татьяны одним из «самых мрачных времен» ее жизни (там же: 118–119).

3.1.4 Игры

Из-за недостатка игрушек дети мастерили их иногда сами. Примером этому служит одна из самых любимых игр – разыгрывание прочитанных рассказов и повестей с использованием бумажных кукол, вырезанных и раскрашенных детьми. Трое старших, Сережа, Таня и Илья, часами лежали на животах на полу и говорили за своих «бумажных героев, живя их жизнью и волнуясь их волнениями». (Толстая 1976: 79.) Главным увлечением была также игра «гигантские шаги», купленная отцом в Москве и установленная в Ясной Поляне в его отсутствие. Когда отец приехал, дети посвятили его в игру, и они часто играли вместе. (там же: 87.) Мы нашли описание этой игры в интернете на странице ЭСИ (<http://card-games.com.ua/gigantskie-shagi.html>) в разделе народных спортивных игр. Это:

старинная русская игра весенне-летних календарных праздников, ярмарок, сельских молодежных гуляний. Для игры требуется нехитрое, но ответственное спортивное сооружение. Игра веселая, атлетическая – для смелых и сильных. В ней отразилось извечное стремление людей к полету.

Сооружение представляло собой столб с закрепленным на его верхушке вращающимся диском с веревками. Дети очень любили также игру, придуманную отцом – прятаться от воображаемой опасности. Эта игра повторялась снова и снова, пока отцу не надоедало. ТЛ и младший брат Илья любили играть в догонялки, бегая вокруг обеденного стола. Дети никогда не скучали, наблюдали за природой, радовались смене времен года, первому зеленому листику после зимы. Ханна называла имена трав и растений по-английски, а дети запоминали слова. Ранней весной играли с

«жаворонками» из ржаной муки. Повар делал целое семейство «жаворонков», которых дети возили за собой на веревочке на прогулке, а начинавшего раскисать «жаворонка» съедали. Друг дома Д. Дьяков дарил самые лучшие куклы. Фарфоровые куклы-красавицы разбивались, но каждый год дарились им снова. Отец единственный раз подарил семь фарфоровых куколок и ванночку, но так хорошо обыграл ситуацию, что это событие запомнилось на всю жизнь. Перед Рождеством делались поделки и украшения на елку. Любопытно, что, передавая события детства, автор использует форму настоящего времени и повествует от лица ребенка, то есть фокализатором событий является сам ребенок. (Толстая 1976: 79, 80–81.) Это новый художественный прием, которого мы не наблюдаем в «Детстве» Л. Толстого. У Л. Толстого форма настоящего времени используется только в диалогах персонажей.

3.1.5 Образ отца

Отец является одним из главных персонажей мемуаров ТЛ. Она подробно описывает внешность отца как в молодости, так и в старости. Если молодой отец – «большой, широкий, мускулистый», быстрый и ловкий, с черными волосами и карей бородой, со светло-голубыми, «мягкими и ласковыми, иногда веселыми, а иногда строгими и пытливыми» глазами, то в старости он поседеет, согнется и станет меньше ростом, глаза его станут светлыми, «более ласковыми и часто грустными», а на его лице появятся следы «страданий и жгучих слез», избороздивших его лицо, когда он «одиноко и напряженно» искал смысла жизни. (Толстая 1976: 48.) Если брат Сергей отмечает внутренние изменения отца, то ТЛ, создавая контрастный образ отца, достигает того же внешними средствами.

ТЛ пишет, что отец никогда не был нежен с очень маленькими детьми, к тому же когда она родилась, отцу было не до детей. В тот период в центре его внимания была серьезная травма руки и связанные с ней операции, а также усиленная работа над самым крупным сочинением, но спустя полтора года отношение отца изменится. (там же: 33.) ТЛ приводит письмо матери к сестре: «Левочка по ней (дочке Татьяне, прим. наше – *ТН*) просто с ума сходит» и дочка «в ужасной дружбе с отцом» (там же: 34). «Отцовское влияние в доме было сильнее материнского», хотя дети видели его реже, чем мать. В детстве ТЛ подсознательно понимала, что такой человек, как отец, «не может заниматься пустяками». (там же: 51.) Общение с ним всегда было для детей событием и обещало забаву и веселье: «в свободное от занятий время папа́

был самым веселым человеком», он был выдумщиком. ТЛ дает понять, что отец с самого начала хотел, чтоб образ жизни был «насколько возможно» скромным. Он был против дорогих игрушек. Он просил одевать детей, мальчиков и девочек, в такую же серую фланелевую блузу, которую носил сам. ТЛ запомнились игры с ним и его одни и те же, много раз повторяемые рассказы, к примеру, «про семь огурцов».

Дочь чувствовала к отцу никогда не ослабевающее «сильное чувство любви и благоговения». Данное отцом прозвище «Чурка» было проявлением ласки и нравилось ребенку. ТЛ вспоминает ощущение власти над отцом, сильным и важным человеком, становившимся беспомощным, когда его щекотали. (Толстая 1976: 48, 50.) Образ отца принимает мифические очертания, когда ребенок, засыпая на полу на шкуре, некогда принадлежавшей медведю, раненому на охоте и напавшему на отца, думает о том, в какой опасности была жизнь отца (там же: 81–82).

ТЛ объясняет, почему Л. Толстой выписал детям гувернантку «прямо из Англии»: он хотел приобщить детей к английскому языку, чтобы они могли в оригинале читать английскую литературу, которую он считал лучшей (там же: 40–41). От отца получены физическая закалка, сила и ловкость. С отцом вместе делалась «шведская гимнастика». Создавая образ отца, ТЛ цитирует мемуары младшего брата Ильи: «папá умнее всех людей на свете», «с ним капризничать нельзя». ТЛ соглашается с братом Ильей в том, что «папá самый умный, справедливый и добрый человек на свете и что ошибиться он никогда не может». (там же: 51–52.) Но на идеальный образ отца набегает тучка, когда ТЛ становится свидетелем страшного и противного деяния отца, когда тот на глазах ребенка убил трепещущую, подстреленную на охоте птицу. Ребенок объясняет себе увиденное: «но если он это сделал [...] так, вероятно, это ничего...». В сноске автор дает дополнительное объяснение: «впоследствии отец не только совсем бросил охоту, но удивлялся на то, как он мог убивать птиц и зверей и как мог он не видеть всей жестокости этой забавы». (там же: 53.) Идеальный образ отца восстанавливается, но в другой раз ребенку снова станет страшно при виде того, как ожесточенно отец спорит с гостем на религиозную тему (там же: 55).

3.1.6 Образ матери

Через письма матери к сестре Татьяне ТЛ рефлексировал над родительским отношением к ней в годы своего раннего детства, которого она не помнит. Из них видно, что вначале матери «обидно и странно», потому что отец не разделяет ее желания,

«чтобы все эти любимые ею существа любили бы друг друга». Первое время мать сама делала детям игрушки, к примеру, смастерила куклу-негра. Позже от отца было получено разрешение на елку и подарки. Количество подарков постепенно росло, мама ввела свои порядки, и жизнь пошла, как у всех помещиков. (Толстая 1976: 34–35.)

У матери семья и дети находились в центре ее жизненных интересов. Основная черта образа матери – ее постоянная занятость. Ее образ «редко вырисовывается в отдельные картины», он сливается с жизнью ТЛ. Образ матери передается через ее роль в яснополянской жизни детей и создается путем перечисления ее занятий. Для усиления эффекта ТЛ пользуется повторяющимся разделительным союзом *или*: она *или* возится с детьми, *или* учит, *или* бегают по хозяйству, *или* строчит на швейной машине, *или* «отвешивает лекарство какой-нибудь больной бабе». (там же: 45.) В довершение ТЛ приводит цитату, длиною в полстраницы, из мемуаров младшего брата Ильи (см. ниже с. 45–46) и при этом оговаривает, что таково его отношение к матери. Для усиления эффекта Илья Львович использует многократное перечисление местоимения *она*: *она* заказывает обед, «*она* отпускает нас гулять», она всегда кормит грудью какого-нибудь маленького», «*она* целый день торопливыми шагами бегают по дому», «*она* все знает лучше всех людей». Далее приводятся перечисленные Ильей правила матери, что надо, и чего не надо делать. Мать иногда укоряла без причины и незаслуженно обвиняла – это вызывало огорчение и обиду (Толстая 1976: 44–45). В эпизоде, когда отец, наблюдая, как мать переписывает, целует ее в голову в приливе нежности, мы узнаем о внешности матери, что у нее «гладкие черные волосы» (там же: 47.)

3.1.7 Мир детства

У ТЛ можно заметить мотив странных людей, живших в доме и по-своему причастных к семье. Ими были: монах Воейков – карлик, который колот дрова и участвовал в маскарадах и забавах Ясной Поляны; юродивая старуха-странница, носящая мужскую одежду, крестная мать сестры Л. Толстого. (Толстая 1976: 35.) ТЛ пишет, что дети не участвовали в домашних рождественских маскарадах, поэтому она их не помнит, но, цитируя письма матери к сестре, приводит описание праздника, во время которого дом от суеты шел вверх дном, и «в доме поднимался дым коромыслом» (там же: 36–38). ТЛ признается, что дети «не особенно любили»

друга дома А. Фета из-за его внешности и манеры разговаривать, но гораздо больше любили его жену (Толстая 1976: 54–55). Агафье Михайловне, бывшей горничной прабабки ТЛ, и тетеньке Татьяне Ергольской посвящаются свои главы. Первая – занимала заметное место в жизни семьи и имела большое значение для детей, ухаживала за ними во время болезней (там же: 62). Со второй связан случай, который оставил в ТЛ постыдное воспоминание, от которого у нее на душе гадко и которого она никогда себе не простила – это «грубая» выходка с тетенькой, когда у нее на глазах они с Ильей набивали карманы ее имбирными пряничками. Двоюродной сестре Варе тоже посвящена глава мемуаров – она прекрасно рассказывала сказки. (там же: 73–74.) ТЛ очень ждала рождения сестры Маши, чтобы иметь в ее лице подружку. Когда Маша появилась на свет, она вызвала в ТЛ материнские чувства и разочарование, так как ТЛ поняла, что Маша еще долго не сможет быть ей подругой. (там же: 77.) Болеет мать, болеет новорожденный ребенок. Лето 1871 г. грустное: отец уехал в Самарские степи, мать беспокоится, скучает, Ханна заболевает. На помощь приезжает бабушка из Москвы, мать Софьи Андреевны, и берется за обучение ТЛ. Лето оживилось, когда дети получили от отца в подарок купленную в Москве игру «гигантские шаги». Настоящая жизнь начиналась только тогда, когда приезжал отец. (там же: 86–87.) ТЛ в детстве часто болела, но никогда не заболела после «озорства», когда, по примеру маленькой героини книги Софи де Сегюр «Сонины проказы», становилась под водосточную трубу во время ливня и промокала «до костей», или когда они с братом Ильей ранней весной, в одежде и сапогах, бродили против течения, проваливаясь иногда в воду по горло, в речке, уносившей глыбы льда. Чувство наслаждения и удовольствия от этих «преступлений» запомнилось ей на всю жизнь. (там же: 82.)

3.2 Образ детства Татьяны Львовны

Любовь, выросшая в наших душах друг к другу и оставшаяся там навсегда, была ни английская и ни русская, а общечеловеческая и на всю жизнь связала нас (Толстая 1976: 43).

Так определяет автор глубину своих взаимоотношений с гувернанткой. Тема любви красной нитью проходит через воспоминания автора о своем детстве. Мемуары ТЛ – это рассказ о большой семье, где образ детства неотделим от мира семьи, братьев и сестер. В образе детства явно присутствует идиллический хронотоп. ТЛ часто ис-

пользует риторичную речевую форму, ее лексика становится возвышенной, патетической. В лирическом вступлении ТЛ создает образ счастливой детства, о котором она вспоминает «с большой любовью». ТЛ выросла среди всеобщей любви и о людях, окружавших ее, думает «с чувством горячей благодарности». За свое счастливое детство она особенно благодарна трем людям: отцу, матери и гувернантке Ханне. Они занимают главное место в ее памяти. (Толстая 1976: 29.) Жизнь в деревне привила ей любовь к природе, привычку наблюдать за изменениями в ней, приучила к уединению и спокойствию. Деревенская жизнь на лоне природы явно возвышается над жизнью городской.

Личность Ханны имела огромное значение в жизни ТЛ. Ее образ является одним из основных факторов формирования образа детства в мемуарах ТЛ. Всегда веселая, всегда бодрая, с работой в руках, зимой и летом «в чистом светлом ситцевом платье и фартуке», никогда не скучающая, не жалуемая на чуждые условия, всегда старающаяся «извлечь из них как можно больше пользы и удовольствия» – таков образ Ханны. Она воспитывала в детях честность. До нее за ТЛ ухаживала няня Марья Афанасьевна. Отвыкание от няни и привыкание к Ханне происходило постепенно. Дети поверили в то, что все, что приказывает Ханна, для них хорошо и доставит им счастье. С ней ТЛ не была капризна и упряма. Иногда они с братом Ильей, который в детстве был ее самым близким товарищем по играм, были непослушны, но Ханна никогда не жаловалась на детей родителям. Оба ребенка отличались наблюдательностью, шаловливостью и азартностью. Когда дети перед сном прощались с родителями, мать уже сидела за самой важной работой дня – переписыванием отцовских работ. В детстве ТЛ были моменты, наполнявшие детское сердце любовью к обоим родителям, когда ей хотелось плакать и благодарить их за то, что они любят друг друга и детей, что они окутали любовью их жизнь. Такие сильные чувства возникают в душе ТЛ, когда она наблюдает взаимную нежность, проявляемую родителями по отношению друг к другу. (там же: 47.) Для ТЛ любящее отношение друг к другу является естественным свойством человеческой природы.

ТЛ четко определяет конец своего детства, связывая его с отъездом любимой воспитательницы Ханны. Эта потеря вызвала глубокое психологическое переживание ребенка. Конец детства ТЛ описывает так:

Ханна уехала из нашего дома, когда мне пошел девятый год. И с ее отъездом кончилось мое детство и кончилось то безоблачное счастье, которым я жила до тех пор. (Толстая 1976: 30.)

По мнению автора, основное отличие детства и последующей жизни заключается в том, что «то состояние душевной ясности и сердечного спокойствия», испытанное в детстве «при жизни с Ханной в детской со сводами», никогда уже не повторится, хотя будет еще «много хороших и счастливых минут» (там же: 108). Навсегда прошла пора беззаботности, доверия к старшим, безоблачной любви ко всем и ко всему окружающему, которыми отличается этот период жизни (там же: 29–30). После отъезда Ханны, то есть после конца счастливого детства, в повествовании появляются исповедальные ноты. Ребенок чувствует обреченность, одиночество и несчастье. У братьев свои интересы. Поделиться горем не с кем. Ребенок замыкается в себе и привыкает скрывать то, что чувствует. Перед сном в постели она повторяет бессмысленные фразы и с ужасом думает, что сходит с ума. Замечая неладное, родители начинают относиться к ней бережнее и мягче, но это только ухудшает состояние. Ребенок делается мрачным, раздражительным, необщительным, угрюмым и еще более замкнутым. «Чтобы облегчить свое одиночество, я придумала себе воображаемого «друга»», пишет ТЛ. Воображаемый «друг» «жил в старом сиреневом кусту против дома». Влезая на ветвь куста, ТЛ общалась с «другом», и ей становилось легче. Она даже начала писать повесть о своем воображаемом «друге». (там же: 114–116.)

4 Илья Львович Толстой «Мои воспоминания»

4.1 И. Л. Толстой (1866–1933)

Илья Львович Толстой родился 22 мая 1866 г. в Ясной Поляне. Не закончив гимназии, он поступил на военную службу в драгунский полк. Позднее служил чиновником, служащим Крестьянского банка, агентом компании социального страхования, агентом по ликвидации частных имений. Во время Первой мировой войны работал в Красном кресте, был журналистом. Покинул Россию в 1916 г. Был дважды женат и имел восьмерых детей. Он начал писать свою книгу в возрасте 47 лет в один год с сестрой Татьяной, то есть в 1913 г., как пишет С. Розанова во вступительной статье к мемуарам Ильи. С Татьяной он делился трудностями писательской работы. Своими воспоминаниями он хотел заинтересовать широкий круг читателей: «хочется писать

так, чтоб было интересно для всякого – барина, мужика, русского и нерусского». (Розанова 1969: 13.) Живя в Америке, Илья переработал свои мемуары, готовя их к 100-летию Л. Толстого, и отослал дочери, подготовившей их для издания. Книга «Мои воспоминания» (373 страницы) была выпущена в Советской России в 1933 г., но ее автор скончался чуть раньше: Илья Толстой умер 11 декабря 1933 г. в США, прожив 67 лет. Интересно отметить, что именно его воспоминания стали первыми среди зарождающейся мемуарной литературы о Л. Толстом. (Розанова 1969: 13–14.)

4.1.1 О воспоминаниях Ильи Львовича

Первые 15 лет своей жизни, до переезда семьи в Москву, Илья Львович Толстой (далее ИЛ) прожил почти безвыездно в Ясной Поляне (Толстой 1969: 39). Его воспоминания охватывают период времени от раннего детства до смерти отца, когда ИЛ было 44 года. Они начинаются с риторического восклицания и вопроса, обращенного к Ясной Поляне: «Ясная Поляна! Кто дал тебе твое красивое имя?» (там же: 27). Образ Ясной Поляны, с ее историей и преданиями, становится исходной точкой воспоминаний ИЛ. Автор обыгрывает топоним *ясная поляна*, подбирая к украшающему эпитету *ясная* эпитеты *лучезарная, излюбленная солнцем, солнечная, сказочная*. Автор персонифицирует образ: поляна *смотрится на солнце и упивается им*. Дни без солнца, туманы, грозы и бури ассоциируются с перипетиями жизни, от которых автора защищает воспоминание о Ясной Поляне, как она в свое время физически служила защитой от нашествия татар⁴. Образ Ясной Поляны вызывает у автора чувство любви и святости, которые проявляются в использовании таких слов как *облюбовать, любовно освятить*. Он пишет:

Пусть этот луч солнца, который я вижу на Ясной Поляне, любовно позолотит эту книгу моих воспоминаний (там же: 27).

Для ИЛ кульминацией исторического развития Ясной Поляны является рождение одного «из величайших писателей» – Л. Н. Толстого (там же: 28).

Стилистической особенностью воспоминаний ИЛ мы считаем то, что свое детство, мать и отца, самые яркие и эмоциональные картины детства автор описывает глазами ребенка. Когда ИЛ хочет передать читателю свои самые «достоверные» впе-

⁴ Ясная Поляна была когда-то сторожевым пунктом. При угрозе нападения лес «за-секали» макушками деревьев навстречу врагу. (Толстой 1969: 27.)

чатления детства, он, погружаясь в них, пользуется настоящим временем, как и его старшая сестра Татьяна. Описывая людей из семейного окружения, ИЛ переходит на прошедшее время. Далее он часто чередует прошедшее время с настоящим, даже на протяжении одного и того же эпизода. Любопытно отметить, что с момента, когда ИЛ достигнет в воспоминаниях 16-летнего возраста, и разговор с отцом неожиданно подтолкнет его в сторону взрослой жизни, автор перейдет на прошедшее время, и до конца воспоминаний настоящее время у него больше не встретится. Образ матери открывает его детские воспоминания, а также замыкает круг воспоминаний – образу матери ИЛ посвящает последнюю главу мемуаров.

4.1.2 Что запомнилось из детства

ИЛ вспоминает период, когда дети каждый вечер собирались вместе, и отец читал им вслух произведения Жюль Верна, такие, как «Дети капитана Гранта», «80 000 верст под водой», «Путешествие на Луну», «Три русских и три англичанина», «Путешествие вокруг света в 80 дней». Книги привозились отцом из Москвы. Последнее из вышеупомянутых произведений было без иллюстраций, поэтому отец решил восполнить этот недостаток и каждый вечер показывал детям свои рисунки к прочитанному. Отец не умел рисовать, но, как считает ИЛ, выходило хорошо, и дети любили его рисунки больше, чем настоящие иллюстрации. (Толстой 1969: 91.) Запомнились поездки в Самарскую губернию, особенно та, когда отец с двумя сыновьями в Казани отстал от парохода. ИЛ вспоминает, что по приезде они с гувернером Кауфманом жили в пустом амбаре, в котором по ночам «пищали и бегали крысы» (там же: 87). Гувернер на охоте ранил дудака, которого за крылья привели к дому. Всеобщий восторг по этому поводу запомнился ИЛ на всю жизнь. (там же: 88.) Заметим, что ИЛ не сочувствует страданиям птицы.

Яркое воспоминание – это празднование Рождества и елка. Из деревни приходили ряженые и устраивалось тетрализованное представление, имитирующее медвежий цирк, иногда появлявшийся в усадьбе. ИЛ пишет, что дети любили представления с настоящими «мишками», и сам он сожалел о том, что правительство запретило этот промысел. Возможно, что ИЛ идеализирует этот жестокий промысел потому, что, по преданию, родился в день, когда поводырь с медведем посетили Ясную Поляну. (там же: 69.)

4.1.3 Воспитатели, учителя, родители, учеба

ИЛ застал время, когда семье служили «свои дворовые», приказчики, горничные, то есть, бывшие крепостные (Толстой 1969: 47). ИЛ пишет о нянюшке, Марье Афанасьевне Арбузовой, вынянчившей пятерых старших детей, о поваре и его сыне, товарище детских игр, который позже сменил своего отца и «с нежной заботливостью готовил отцу вегетарианское питание». Пишет об Агафье Михайловне, немножко страшной, но больше всего странной. Он называет их «китами» Ясной Поляны. (там же: 49–50.) С гувернерами мальчикам не везло. Так, например, методы воспитания и обучения первого гувернера, немца Кауфмана, внушили ИЛ отвращение к учебе на всю жизнь. Тайком от отца гувернер «пускал в ход линейку» и ставил братьев «на колени в угол по целым часам». Кауфман проучил три года. Его сменил красномордый, грубый, тупой, вечно выпивший швейцарец Rey. Он наказывал тем, что заставлял переписывать страницы текста. За неделю набиралось много страниц, и на это занятие уходило все воскресенье. Остальные братья бегали, играли в крокет, купались, ходили за грибами. Методы второго гувернера окончательно сделали из ИЛ ненавистника учения. У сестер были французенки гувернантки, а когда Сергей готовился к экзамену зрелости, в усадьбе несколько лет жили русские учителя, которые учили и остальных детей: ИЛ, Таню, Леву и Машу. Раз в неделю приезжал учитель музыки, а когда Таня подросла – учитель рисования. Образовался домашний университет. Словно в гимназии, дети весь день переходили с одного урока на другой, а в промежутках «гуляли, катались на коньках и с гор, бегали на лыжах, выдумывали разные игры в доме». (там же: 66.)

Тетя Таня, младшая сестра матери, играла «яркую роль» в жизни семьи. Дети ее обожали, она доставляла им только радость и удовольствие и была их лучшим другом. Мама – это будни зимой, тетя Таня – это праздник летом. В юношеский период, когда тетя Таня пела под аккомпанемент отца, ИЛ со слезами на глазах выбегал на балкон. В отличие от мамы, она понимала шутки и умела на них отвечать. (там же: 77.) Сестра Маша дала тепло человеческого общения, у нее проявления любви были естественными, ее все любили. Сила Маши была в необычайно чуткой совести. (там же: 235–236.) Дядя Костя Иславин был примером благовоспитанности и светскости. Свои замечания по поводу манер он делал так мягко, что у ИЛ оставалось хорошее впечатление. Из гостей дети любили больше всех Дьяковых, а князь С. Урусов был странным и своеобразным, дети его побаивались. (там же: 80–82.)

Говорить ИЛ начал одновременно на английском и русском языках. ИЛ пишет, что отец хотел дать детям настоящее барское образование. Слово *барское* ИЛ выделяет в кавычки. Отец стремился дать детям наибольшее количество языков, привить хорошие манеры и «охранить детей от всякого внешнего постороннего влияния». Он считал, что до университета надо учить детей дома, так как «современные гимназии никуда не годятся». Эту идею удалось осуществить по отношению к Сереже и Тане, но по отношению к ИЛ это удалось только до пятого класса гимназии, о чем он сожалеет. Учить детей начали сами родители. Мать учила русскому, французскому языкам, отец – арифметике, латинскому и греческому языкам. С мамой «можно было делать стеклянные глаза и ничего не понимать», с отцом приходилось «напрягать все свои силы» и успевать за ним, как в верховой езде. ИЛ очень боялся этих уроков арифметики с отцом, так как слышал раньше, как отец учил Сережу и Таню. (Толстой 1969: 40–41.) С начала урока отец был добрый и шутил, но если дети не понимали, то отец говорил, что они нарочно не хотят понять, на что дети отвечали плачем, а ИЛ становилось страшно. Однажды отец заставил ИЛ учить деревенского мальчика азбуке. ИЛ старался, но мальчик ничего не понимал, тогда ИЛ начал его бить. Мальчики подрались, заплакали, отец запретил учить, сказав, что ИЛ не умеет этого делать. (там же: 42–43.) ИЛ считает, что отец «учил прекрасно, ясно и интересно», и что благодаря отцу он всегда прекрасно справлялся с математикой и любил ее. (там же: 65–66.) ИЛ вспоминает, как трудно было с греческим языком, но при поступлении в гимназию Поливанова, он читал и переводил лучше, чем требовалось, совсем не зная при этом грамматики (там же: 94).

4.1.4 Игры и увлечения

Между братьями и сестрами существовало деление на две группы, больших и маленьких. Маленьких никогда не принимали в компанию больших. «Маленькие ничего не понимали и только мешали», а если происходили ссоры, то бранили и наказывали больших. ИЛ, Сережа и Таня принадлежали к группе больших. Самые близкие отношения у ИЛ были с сестрой Таней, которая была на полтора года старше. Именно их двоих папа понимал больше всех. (Толстой 1969: 89–90.)

Перед тем, как перейти к описанию главного праздника года – Рождества, во время которого пополнялся годовой запас игрушек, автор делает отступление и развивает мысль о вредности купленных игрушек, приучающих к трафарету и убиваю-

щих в детях изобретательность, что «чем больше давать детям игрушек, тем бессодержательнее становятся их игры». Далее он противоречиво пишет, что лучшие игрушки дарил крестный отец Дьяков, друг юности отца, и любовно их перечисляет: кукла, которая закрывает глаза и кричит «мама» и «папа», детская кухня, медведь, качающий головой и мычащий (интересно употребление звукоподражательного причастия *мычащий* по отношению к игрушечному медведю), всадники на лошадях, заводные машинки, а также громко стреляющее пробкой ружье и жестяные часы с цепочкой Сереже. Дети хвалились своими подарками перед деревенскими, и им не приходило в голову, что те могли им завидовать, замечает ИЛ. Вслед за этим ИЛ снова напоминает о вреде игрушек, которые пробуждали в детях «нехорошее чувство собственности и зависти [...] быстро ломались и уничтожались», лишь солдатики, турецкие и русские, продержались долго. Он добавляет, что отец в то время не препятствовал подобным играм. (Толстой 1969: 67–70.)

К Рождеству начинали готовиться за месяц. Мама привозила из Тулы большое количество деревянных куколок «скелетиков», все дети собирались вместе, шили им одежды и радовались результатам. Куколки предназначались для раздачи деревенским детям, так же как елочные украшения, сделанные руками детей Толстых: золоченые орехи, яблоки, конфеты и картонажи с привязанными к ним ленточками. (там же: 67–70.)

По словам ИЛ, не менее интересной, чем игра в солдатиков, была придуманная Таней игра в бумажный кукольный театр, после того, как она прочла какой-то английский роман. Отец, понаблюдав однажды за игрой детей, вырезал для них фигурку из модного журнала. Для этой фигурки дети придумали роль, и она стала их любимым героем. (там же: 70.)

Увлечения находились в прямой зависимости от времен года. Весной на лужайке дети собирают цветы, а в лесу – первые грибы сморчки, а позже белые, подберезовики, рыжики и опенки. Летом отец с двумя сыновьями ездят верхом купаться на речку. Друг семьи Н. Страхов подарил ИЛ сетку для ловли бабочек и «Атлас бабочек» с цветными рисунками и латинскими названиями бабочек, а брату Сереже – книгу про жуков. Братья ловят бабочек и жуков. (там же: 43–46.) Очень популярной была игра в крокет. Зимой «страшно» увлекались катанием на коньках, даже родители надевали коньки. ИЛ вспоминает, как у него побелело ухо, и отец оттирал его снегом; было больно, но он не жаловался, чтобы не быть оставленным дома на следующий день. На льду случались несчастья: дети сильно падали; восьмилетний Лева

провалился на тонком льду, и его спасли деревенские бабы, полоскавшие белье. ИЛ решил проверить прочность льда следующим образом: он собрал деревенских ребят в кучу и, отойдя в сторону, велел им одновременно подпрыгнуть, в результате дети провалились под лед, но, к счастью, не утонули, так как было мелко. ИЛ был наказан, но он не пишет, в чем заключалось его наказание. (Толстой 1969: 97–98.)

С самого раннего детства дети, особенно мальчики, увлекались верховой ездой и охотой. У ИЛ это увлечение доходило до страсти. Он описывает охоту подробно, образно и эмоционально, используя обильную охотничью терминологию. Он восхищается умными охотничьими собаками и их повадками. Собачий хвост – это и прут, и правило (с ударением на второй слог). Отметим, что жестокость увлечения, когда затравленный «заяц беспомощно кричит, как ребенок», и «собаки, впившись в него», растягивают его в разные стороны, несколько не смущает детское сознание автора. Добыча одной из таких охот с отцом – восемь русаков и одна лисица. С охотой связан также единственный секрет, который ИЛ сумел скрыть от отца «навсегда», но суть которого он раскрывает читателю. (там же: 101–105.)

4.1.5 Образ отца

По своему рождению, по воспитанию и по манерам отец был настоящий аристократ. Несмотря на его рабочую блузу, которую он неизменно носил, несмотря на его полное пренебрежение ко всем предрассудкам барства, он барином был, и барином остался до самого конца своих дней. (Толстой 1969: 58–59.)

Как видно из цитаты, аристократизм отца является для ИЛ важной чертой в создании его образа. Как и старший брат Сергей, ИЛ разъясняет читателю, что он «разумеет» под «барством» отца, чтобы не быть «неправильно понятым». Под этим он понимает «известную утонченность манер, внешнюю опрятность и в особенности тонкое понимание чувства чести» (там же: 60). К хорошим манерам, заботе о внешности и культу чести ИЛ добавляет еще одно дворянское качество отца – чувство гордости. ИЛ пишет:

Гордость отца тоже была чисто барская – благородная. Из-за гордости много пришлось мучиться, может быть благородная духовная гордость немало поспособствовала тому, что из него вырос тот человек, каким он стал во второй половине своей жизни. (там же: 61.)

«Папа умнее всех людей на свете. Он тоже все знает (как и мать – прим. наше *ТН*)», но с ним нельзя капризничать, как с матерью. «Папа сидит за обедом напротив мамы и у него своя круглая серебряная ложка». (Толстой 1969: 39.) С самого раннего детства дети привыкали уважать и бояться отца. Сидя рядом с отцом во время обеда, ИЛ боялся взять больше двух блинчиков, потому что отец дразнил его, отнимая тарелку с блинчиками, и только смех отца удерживал ИЛ от плача. Маленький ИЛ завидовал отцу потому, что отец большой, у него есть все – ружья, кинжалы, собаки, лошади, и он не должен учиться (там же: 58).

Возвратившись с прогулки, отец обычно много говорил, делясь своими впечатлениями. Иногда, встав из-за обеденного стола и направляясь заниматься, он останавливался и долго говорил на пороге своего кабинета с чашкой чая в руках. В кабинет к отцу никто не смел входить. Дети знали, что он занимается чем-то важным. (там же: 56–57.) На взлете творческого вдохновения отец делился с маленькими детьми своими «тонкими художественными переживаниями» и трудностями, радовался найденным художественным решениям (там же: 96). «Нумидийская конница» отца оживляла и веселила всех, забывались обиды, высыхали слезы. Всех смешили также стихи, исполняемые отцом на ломаном немецком языке. (там же: 89–90.) Когда за обедом отец учил детей, как использовать кисель для склеивания коробочек, мать сердилась, но отец ее не боялся.

Отец приучал к гимнастике, учил плавать, кататься на коньках и ездить верхом. Не вызывает сомнений, что приведенные ниже отцовские методы воспитания, были направлены на выработку в сыне мужественности, выносливости и храбрости – обязательных качеств дворянина. Слов *не могу* или *устал* для отца не существовало: «ушибешься – не плачь», ноги замерзли – беги за экипажем, живот болит – выпей квасу с солью, пройдет. Отец пускал лошадь рысью – сын не поспевал, сбивался с ритма и падал на землю, тогда отец спрашивал его, не ушибся ли он. ИЛ всегда отвечал, что не ушибся, по приказу отца снова садился на лошадь, и езда продолжалась крупной рысью, будто ничего не произошло. ИЛ воспринимал это как суровость отца, которая смягчилась к старости. (там же: 59, 61.)

Взаимная любовь и сердечная близость между отцом и сыном подразумевались, но не высказывались. Проявление нежности было отцу не свойственно, и ИЛ считает это его отличительной и странной чертой. За всю свою жизнь ИЛ не видел от него ни одного проявления нежности: «отец ни разу не приласкал, никогда не пожалел», пишет он. Целовать детей он не любил, но здороваясь, делал это по обязан-

ности. Поэтому неудивительно, пишет ИЛ, что к себе отец тоже не вызывал нежности. Даже на закате лет отца ИЛ продолжал смотреть на него снизу вверх, и духовная мощь отца мешала видеть в нем просто старого человека. (Толстой 1969: 59–61.) Например, когда ИЛ ухаживал за больным отцом в Крыму и держал его на руках во время перестилания постели, отец спросил у ИЛ: «Неужели тяжело? Какие пустяки». В этот момент ИЛ вспомнил события детства, как отец «замучил» его верховой поездкой по Засеке, спрашивая: «Ты не устал?». (там же: 228.)

Автор приводит письмо отца к тетке А. А. Толстой, в котором Л. Толстой с острой наблюдательностью описывает своих малолетних детей. О судьбе ИЛ он делает пессимистичное заключение: «Илья погибнет, если у него не будет строгого и любимого им руководителя». (там же: 34–35.) ИЛ письма не комментирует, но похожая ситуация сложится в конце 1870-х г., когда нравственный перелом в мировоззрении отца переломит всю семейную жизнь, как считает ИЛ. Пострадают все, но больше всех – отец: из «веселого жизнерадостного *руководителя* (выделено нами – ТН) и товарища» он превратится в «строгого проповедника и обличителя». Его «резкие порицания пустой, барской жизни, обжорства, обирания трудового народа и праздности» станут мешать «эгоистичному детскому счастью», как пишет ИЛ, нарушат жизнь. В период трудного перехода из детства в юность это «очень тяжело» отразится на жизни тринадцатилетнего ИЛ. Автор вновь обращается к эпитетам как средству речевой выразительности – светлое безоблачное детство сменилось сумрачной порой отрочества. «Мне стало жаль своего детства, и я заплакал», пишет он. (там же: 173–174.)

ИЛ несет в себе глубокую обиду за насмешливое отношение и упреки отца. Отец «часто пускал в ход» поговорки, взятые им из жизни ИЛ и других членов семьи, такие, как – «архитектор виноват», «для Прохора», «анковский пирог» и др. «Анковский пирог» как «совокупность мамашиных устоев» станет для отца ярмом, от которого он захочет освободиться. Для ИЛ «мамашины устои» были олицетворением семейных традиций. ИЛ считает, что без традиций не останется святого: это как «рождество без елки, пасха без катания яиц, кормилица без кокошника, квас без изюминки». В детстве ИЛ упреки отца возымеют свое действие: когда ИЛ станет взрослым и будет, встречая трудности жизни, сваливать вину на кого-то, он будет всегда чувствовать обиду, признавать правоту отца и замолкать, принимая его упреки. (там же: 71–72.)

4.1.6 Образ матери

«Главный человек в доме – мамá. От нее зависит все». Создавая образ всегда занятой матери, ИЛ использует прием анафорического повтора: она заказывает повару обед, она отпускает гулять, она всегда кормит грудью какого-нибудь маленького, она целый день торопливыми шагами бежит по дому, она везде успевает и о всех заботится. Дети не боятся матери, так как она – своя, «она тоже боится папа». С мамой можно капризничать, хотя она иногда сердится и наказывает. «Она все знает лучше всех людей» и учит тому, что надо и чего нельзя делать:

- Надо умываться каждый день.
- Надо есть суп за обедом.
- Надо говорить по-французски.
- Надо учиться.
- Нельзя ползать на коленках.
- Нельзя класть локти на стол.
- Нельзя идти гулять, потому что сейчас пойдет дождь.

Кроме воспитания детей, на матери лежит бесконечное количество домашних дел повторяющихся изо дня в день, из года в год. Несмотря на круговорот забот и хлопот, мать сама укладывает ИЛ спать, после чего мать и отец играют в четыре руки. ИЛ любит капли от кашля, поэтому, перед тем как заснуть, он кашляет и требует капель, но на самом деле – внимания матери. Когда ИЛ научился читать, ему понравилось одно стихотворение, и он узнал от матери, что его автор – великий Пушкин. ИЛ стало обидно, что отец «не такой». Мать успокоила и обрадовала, что отец тоже известный писатель. (Толстой 1969: 39.) По рассказам матери, ИЛ в детстве имел привычку, выпив на ночь стакан молока, бросать пустой стакан на пол. Ему купили серебряный стакан, который, помятый и избитый, долго хранился в шифоньерке. (там же: 47.)

Образ матери многоплановый. Мать несет ответственность не только за физическое благополучие детей, но и за их духовное развитие. Она – воплощение домашности и жертвенности. ИЛ высказывает свои мысли о матери также и с позиции своих 60-лет. Он пытается оправдать ее в глазах читателя. Для большего воздействия он использует стилистический прием параллелизма: «удивительно хорошая женщина, удивительная мать и удивительная жена» – пишет он, и четырежды повторяет

«не ее вина», каждый раз приводя все новое доказательство ее невиновности в финальной трагедии семьи Толстых. (Толстой 1969: 37–38.)

4.1.7 Мир детства

ИЛ считает, что главной заботой родителей было ограждение детей «от всякого внешнего постороннего влияния». Такова модель мира детства, окружающего ИЛ до того, как она резко изменится в связи с изменением мировоззрения отца:

Весь мир разделяется на две части: мы с одной стороны, и все остальное – с другой. Мы – особенные люди, и равных нам нет. Мы – это папá, мамá, Кузминские, дядя Сережа Толстой и его дети, тетя Маша, некоторые редкие в то время гости – больше никто. Остальные все – это существа низшие, которые должны нам служить, должны работать, но от которых надо держаться подальше и особенно не брать с них примера. (Толстой 1969: 67.)

Только деревенские дети могли ковырять в носу, иметь грязные руки и рваные панталоны, грызть семечки и выплевывать шелуху на пол, драться и ругаться – графским детям так себя вести было неприлично. ИЛ признается, что таким воспитанием больше «грешила» мама, но и отец «ревниво» оберегал от связей с деревенскими детьми, и поэтому он также виновен в том, что в детях развивалось барство и самообожание, от которого ИЛ было позже «очень трудно избавиться». (там же: 67.) В «период исканий отца», мир ИЛ снова разделится на два лагеря, только теперь по одну сторону будет стоять отец, а по другую – мать и все остальные люди. Последовательность воспитания будет утеряна. ИЛ перестанет хотеть учиться, так как «папá говорит, что наука не нужна», и будет кататься с гор «с деревенскими ребятишками», которые, по словам отца, лучше господских детей. ИЛ сравнивает себя с магнитной стрелкой, мечущейся между двумя полюсами. Он станет лавировать, брать от отца и от матери только то, что ему «было выгодно и нравилось». С этого времени неустойчивость навсегда поселится в характере ИЛ. (там же: 173.)

Заметное место в описании детства занимает тема религии. Психологический мир ребенка раскрывается в главе, где ИЛ рассказывает о восприятии библейских легенд глазами ребенка. В детстве ИЛ старался верить в бога, так как так делали все вокруг, но его удивляла жестокость, бессердечность и несправедливость бога по отношению к Адаму и Еве, к человечеству и к Иисусу Христу. Чем больше ИЛ старался понять Священное Писание, тем больше он запутывался и тем меньше понимал. Удовлетворяющих ответов на возникающие у него вопросы он не получал ни от ма-

тери, ни от батюшки, приезжавшего в усадьбу раз в неделю и дававшего уроки богословия. ИЛ испытывал страх по поводу того, что бог «накажет и после смерти пошлет в ад, где живут одни черти, и заставит нас лизать сковородки и ходить по красным углям». (Толстой 1969: 63–64.) Религиозные праздники, в свою очередь, были хороши тем, что предвещали каникулы.

4.2 Образ детства Ильи Львовича

Это была радость жизни, и своей и окружающей. Могучая, ничем не омраченная радость детства. (Толстой 1969: 46.)

Как жизнь хороша! Как ярко горит солнце! Как громко поет под окном соловей! Как много-много хорошего впереди... (там же: 58.)

Эти строки из воспоминаний ИЛ по своему эмоциональному настрою перекликаются с лирической главой «Детство» в одноименной повести Л. Толстого (Толстой 1970 [1960]). Л. Толстой пишет:

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений. (Толстой 1970: 48.)

Образ детства неразрывно связан у ИЛ с Ясной Поляной. При создании образа Ясной Поляны в качестве символов он использует небо, свет и солнце. Создавая образ детства, автор также обращается к символу неба, но неба ночного и звездного. Словно звезды, «ласково мигают и манят» воспоминания детства, и, как звезды – они недостижимы (Толстой 1969: 33). Автор мемуаров напоминает читателю, что он живет в чужой стране, вдали от всего родного, поэтому нам кажется закономерным, что в главе «Впечатления детства» в полной мере проявляется идиллический хронотоп. Мемуарист запечатлевает смену времен года от весны до осени, он удивляется тому, как свежи и ярки в его памяти впечатления детства, а также тому, какие они красочные и благоухающие. Именно запахи детства вспоминаются ему с особенной силой: когда с приходом лета из сундука достаются «летние полотняные куртки и панталоны», «по всему дому пахнет камфарой»; вода в реке «пахнет тем особенным речным запахом, которым пахнут реки только в России»; одуряюще пахнет сено во время сенокоса; в детской комнате тоже пахнет свежим сеном, когда раз в месяц им набивают детские тюфяки; трогательные и жалкие, босые деревенские девочки приносят землянику и грибы, и – «опять запахи, опять волшебные духи!». Когда мать варит

варенье под липами, пахнет углем и сладким, а осенью вся усадьба пахнет яблоками. Вспомнится ему и «удушливый запах ладана» в комнате тетеньки. (Толстой 1969: 43–46, 62.)

Идиллию нарушает мотив страха: немножко страшными были портреты предков, развешанные на стенах пристроенной залы; страх вызывал глубокий колодец за окном (Толстой 1969: 40); новый паркет был такой скользкий, что «было страшно ходить»; становилось жутко, когда, рассыхаясь, паркет «громко стрелял, как из ружья» (там же: 54). Даже взрослому ИЛ было бы старшно смотреть на брусок между книжными шкафами в кабинете отца, так отец одно время хотел на нем повеситься (там же: 56). Заходя к тетеньке Татьяне Ергольской в комнату с огромными, старинными, почерневшими иконами и вечно горевшей лампадкой, дети чувствовали мистический страх. Когда умерла тетенька, отец и мать водили детей к умершей, находившейся по обычаю в открытом гробу в своей комнате. При этом ИЛ испытывал очень сильный страх, хотя мать объясняла, что не надо бояться. «Чувство жуткости, связанное с этой комнатой», осталось у ИЛ навсегда. Иногда ему «становилось страшно» на уроках арифметики отца. (там же: 40, 42, 62.)

Самые ранние воспоминания детства ИЛ трудно подвести под один знаменатель, как это нам удалось сделать, анализируя воспоминания его старшего брата Сергея и старшей сестры Татьяны. ИЛ помнит, как младший брат Лева «неистово орал» во время прививки оспы; как отец спорил с кем-то о франко-прусской войне; как он (ИЛ) со старшим братом вырезал «монетки» из колпачков от винных бутылок, и как, когда ему было пять-шесть лет, а сестре Тане семь-восемь, отец приехал из Москвы и с восторгом говорил, что московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков обещал ему устроить в честь Тани, когда она вырастет, бал. (там же: 36–38.)

Образ отца доминирует над другими персонажами воспоминаний. Отношение ИЛ к обоим родителям неоднозначно. Им присущи как положительные, так и отрицательные черты. Кроме отца и матери, близкие отношения были у ИЛ с гувернанткой Ханной, тетенькой Т. Ергольской и горничными. Читать и писать он начал учиться под руководством матери по-русски, затем по-французски и по-английски. Математике учил отец. Интерес ИЛ к учебе уничтожили неудачно подобранные гувернеры – отрицательные персонажи воспоминаний ИЛ. Перемена в мировоззрении отца усугубила проблему.

«В детских воспоминаниях нет последовательности», пишет ИЛ. Действительно, именно в его мемуарах наглядно прослеживается подмеченное автором свойство человеческой памяти. Его воспоминания – как вспышки памяти. Свои самые счастливые моменты детства ИЛ испытывал, сливаясь с окружающей природой Ясной Поляны, а дома самыми лучшими были вечерние часы после чая в восемь часов, когда все собирались в зале, разговаривали, читали вслух или играли на фортепиано, а дети или слушали, или затевали что-нибудь свое и веселое. (Толстой 1969: 57.) В понимании ИЛ, не только детство, но и вся жизнь – это ряд увлечений. (там же: 70.) С другой стороны, отец обвинял детей в барской жизни и своими порицаниями нарушал эгоистическое детское счастье. Это тяжело отразится на жизни тринадцатилетнего ИЛ. На смену его безоблачного детства придет сумрачное отрочество. «Мне стало жаль своего детства, и я заплакал», скажет ИЛ.

5 Лев Львович Толстой «В Ясной Поляне»

5.1 Л. Л. Толстой (1869–1954)

Лев Львович Толстой родился 20 мая 1869 г. в Ясной Поляне. После окончания в Москве гимназии Поливанова он некоторое время учился в Московском университете сначала на медицинском, а затем на историко-филологическом факультетах. В 1891 г. Лев Львович поехал в Самарскую губернию помогать крестьянам бороться с голодом. В университет он больше не вернулся. Во время Первой мировой войны Лев работал в Красном Кресте. Эмигрировал в 1918 г., издав перед этим десять номеров авторской газеты «Весточка» в Петербурге. Жил во Франции, Италии и Швеции. Был дважды женат и имел десять детей: шестерых сыновей и четырех дочерей. Занимаясь писательской деятельностью, он пытался идти по стопам отца. Его первые рассказы были опубликованы в 1891 г., когда ему было 22 года. В 1897–1898 гг. он написал автобиографическое произведение «Яша Полянов. Воспоминания для детей из детства», в котором он, по его словам, «отчасти описал» свое детство (БА 1994: 193). Свои воспоминания «В Ясной Поляне. Правда об отце и его жизни», изданные в Праге в 1923 г., Лев Львович написал в возрасте 54 лет (102 страницы при формате листа А5). Лев Львович Толстой умер 18 октября 1945 г. в Холзингборге в Швеции, прожив 76 лет.

5.1.1 О воспоминаниях Льва Львовича

Лев Львович Толстой (далее ЛЛ), в свое время открыто вступивший в полемику с отцом, опубликовал свои, размером с маленькую ученическую тетрадь, «краткие воспоминания об отце» первым из детей Л. Н. Толстого (Толстой 1923: предисловие). Они вышли в свет в 1923 г. в Праге, через тринадцать лет после смерти отца и через четыре года после смерти матери. Из всех детей Л. Толстого, оставивших свои воспоминания, только у ЛЛ на обложке перед именем автора стоит графическое сокращение графского титула *Гр.* несмотря на то, что в Советской России сословия были отменены в 1917 г. Кроме того, текст воспоминаний напечатан в дореволюционной орфографии, что может свидетельствовать о том, что в то время эмигрантские издательства и типографии за пределами России не признавали реформы орфографии 1918 г.

Топонимическое название воспоминаний *В Ясной Поляне* свидетельствует о том, что для ЛЛ важнейшей темой является родовая усадьба, место, ставшее идиллическим хронотопом уже при жизни его отца – Л. Н. Толстого. Второй важной темой для ЛЛ является тема отца. Подзаголовок воспоминаний *Правда об отце и его жизни*, стоящий на титульном листе, несет провокативный характер. Этим автор дает понять, что его цель – опровергнуть неправду, неверное представление об образе Л. Толстого и его жизни, сложившееся у читателя, разоблачить миф о Л. Н. Толстом.

В коротком предисловии читателю дается обещание «держаться правды и простоты выражения мыслей». Для ЛЛ «лучше быть правдивым и искренним перед самим собой и людьми, чем стараться угождать им кривя своей совестью». С другой стороны, провозглашая презумпцию правды, ЛЛ подчеркивает субъективность своего мнения, используя в тексте словосочетания «**мои** личные взгляды», «**мою** правду, которая **для меня** дороже всего на свете» (выделено нами – *ТН*). Он допускает возможность ошибки и сообщает, что будет рад, если его поправят. ЛЛ полемизирует с невидимым оппонентом по поводу права касаться «интимных сторон жизни выдающихся людей» и приходит к заключению, что никто, кроме сына, не может понять отца лучше, и ни для кого отец не может быть значительнее, чем для сына. ЛЛ подчеркивает, что делится своими мыслями не для того, «чтобы выдвинуть себя», а для того, чтобы читатель, узнав его отца «таким, каким он жил среди нас», мог бы еще больше полюбить и понять Л. Толстого и его «проповедническую жизнь», и читая его «лишний раз», еще глубже вникнуть «в вечную правду его сердца». (там же:

предисловие.) Приемы и стиль предисловия заметно смягчают заряд провокативности подзаголовка, понижают ожидаемость разоблачения Л. Н. Толстого и настраивают читателя на исповедально-лирический лад.

5.1.2 Что запомнилось из детства

Отец часто возился с детьми, играл и бегал с ними, «таскал на плечах». Все же, ЛЛ ярко помнит ссору родителей, когда отец кричал на мать, что-то ей доказывал и на чем-то настаивал, а мать плакала и редко отвечала. ЛЛ считает, что причина ссоры была несущественная. Он помнит, как заступился за мать, в результате чего отец замолчал, и «ссора потухла». (Толстой 1923: 7–10.)

Ему запомнилось, что родители в послеобеденное время нередко играли в четыре руки на фортепиано, и как по вечерам все собирались вокруг стола слушать чтение, но след в памяти оставило также и «глубоко мрачное настроение» в доме, вызванное смертью двух младших братьев, сестры и двух тетюшек (там же: 10–11).

ЛЛ вспоминает, как зимней ночью отец, находясь в «отличном настроении духа», затеял игру в прятки с пришедшими прощаться на ночь детьми, «шуточно» пугая их «каким-то призраком», а после игры попросил разрешения у матери погулять с ним, Лелей (ЛЛ), морозной звездной ночью. Разрешение было дано матерью неохотно, после чего отец и сын направились к «задворкам деревни» навестить деда Осипа, караулящего зайцев. Чарующий зимний ночной пейзаж произвел на отца и сына большое впечатление. В ту же ночь ЛЛ заснул под «божественные звуки рояля» – на фортепиано играл отец. (там же: 29–31.)

5.1.3 Увлечения, учеба

«Одно время», раз в неделю по воскресеньям, в Ясной Поляне читались «вслух в присутствии всех» сочинения на тему дня из «почтового ящика» (Толстой 1923: 26.) ЛЛ с восторгом вспоминает, как летом все захотели ставить домашний спектакль и участвовать в нем. Отец взялся писать комедию. Так родилась пьеса «Плоды просвещения». Главная роль досталась старшей сестре Тане. ЛЛ было в это время около 16–17 лет. (там же: 63–65.)

После переезда в Москву ЛЛ и брат Илья сначала плохо учились в гимназии. «Мать огорчалась», а «отец почти не обращал на это внимания». Отец очень огорчился, когда оба брата остались на второй год, и нанял детям репетитора. «Взгляды и

проповеди отца в Москве меня сильно отвлекали от правильных занятий», пишет ЛЛ. (Толстой 1923: 13–14.) Он забрасывал уроки и не готовил домашних заданий. Однажды отец написал за сына полстраницы сочинения на тему «Лошадь». Учитель Л. И. Поливанов «узнал слог отца» и поставил за сочинение четверку. По мнению ЛЛ, отец хотя и любил математику «всю жизнь», но плохо знал ее, так как «никогда не мог разрешить» гимназические задачи ЛЛ. (там же: 38.)

5.1.4 Образ матери

Первую главу воспоминаний «Его жена и моя мать» ЛЛ посвящает матери и взаимоотношениям между родителями. Используя местоимение третьего лица и указывая при этом на своего отца в названии главы «Его жена и моя мать» (выделено нами – *ТН*), автор резко отстраняется от отца и приближает к себе мать. Для отца мать была всем, для детей – их жизнью, светом и теплом, пишет ЛЛ (Толстой 1923: 9). Образ матери дорог ЛЛ, он ее горячий поклонник и считает своим долгом защитить ее от несправедливых обвинений в непонимании мужа и в том, что она заставила Толстого страдать в последние годы его жизни. Лишь немногие понимают, пишет ЛЛ, что эта «редкая женщина», совершила «великий подвиг жизни», самоотверженно жертвуя всеми своими силами, всем своим существом во имя семьи и мужа. Чтобы убедить читателя в своей правоте, он приводит имена пятнадцати мужчин, друзей и знакомых отца, которые «искренно и глубоко уважали и высоко ценили» Софью Андреевну. (там же: 8.) «Неутомимая, бесконечно жизнеспособная», она беспрерывно трудилась не по обязанности и долгу, а потому, что это было для нее единственным, естественным и самым радостным делом. Она была «душой семьи», «кормилицей, вечной заботницей, вечным утешением». (там же: 9, 14.) Со временем разница во взглядах родителей даст о себе знать: отец уйдет вперед «по пути мысли», а мать, «обремененная жизнью», от него отстанет, но у нее было понимание того, когда отец бывал прав, а когда впадал в крайности. Своего мнения она никогда не будет скрывать (там же: 10).

Мать «безумно и страстно» любила отца, она мучилась его нравственными страданиями, которые обострились при переезде в Москву, «при виде городской нищеты», существовавшей рядом с роскошью и общественной ложью. Отец упрекал и мучил мать за то, что она «вела семью противно его убеждениям», но «у нее было слишком много здравого смысла», чтобы «отдать имение нищим, бросить детей на

улицу, отдать детей в сельскую школу, поселиться в избе». На матери лежала непомерная ответственность за все дела и всех детей. (там же: 14.) Автор создает идеальный образ матери с позиции взрослого человека.

5.1.5 Образ отца

В отличие от образа матери, образ отца в воспоминаниях ЛЛ не идеальный. В раннем детстве ЛЛ обожал отца, любил его руки, голос, запах бороды, но когда отец сердился на мать, ребенок к нему любви не чувствовал. Отец часто носил сына на плече по комнатам, играл с ним, брал с собой гулять, на охоту и в путешествие. (Толстой 1923: 36.) Все дети обожали отца и боялись его, а когда он был не в духе, «надо было ждать, чтобы настроение его улучшилось». Будучи в хорошем настроении, отец часто возился с детьми, играл и бегал с ними, таскал их на плечах. (там же: 9–10.) Отец был большим ребенком: когда уезжал скучный гость, он бегал и скакал по залу вокруг стола, и все «плясали нумидийскую» и хохотали (там же: 35). Как отмечает ЛЛ, отец был в прошлом хорошим гимнастом, поэтому он считал важным развивать в своих детях физические качества, всегда поощрял их заниматься гимнастикой и делал ее вместе с ними. Отец, к примеру, высоко ценил физическую ловкость и хороший характер своего племянника Николая, рано умершего сына сестры Марии, который умел ходить на руках и «доходил даже до сальто-мортале». (там же: 22.)

Для отца в деревне двумя важными источниками счастья были семья и умственная работа, и если один из источников уходил, он страдал (там же: 35). Влияние творческого процесса на отца было велико: когда он «хорошо и много писал», «от него шли бесконечно яркие лучи света, веселья, доброты и счастья», а если творчество не удавалось, «он был скучен и мрачен, как ночь». По оценке ЛЛ, уже в период его детства увлечение отца «свиньями, посадками и садами начинало проходить». Хозяйство Ясной Поляны приходило в упадок, отец тяготился его ведением, проявлял нетерпение и вспыльчивость, почти кричал на приказчиков, а те, уходя, качали головой. Будучи хорошим стрелком, отец много охотился с борзыми и с ружьем, ловко и хладнокровно убивал дупелей на болоте. (там же: 32.) Свое здоровье отец поправлял в степном имении Бузулукского уезда, Самарской губернии, а семья ради здоровья отца героически переносила связанные с этим трудности: жару и дизинтерию. О рассеянности отца свидетельствуют случаи, когда

он отстал с детьми от парохода и забыл кошелек со всеми деньгами на железнодорожной станции. (Толстой 1923: 33–34.) ЛЛ хорошо помнит период, когда отец увлекался православием: соблюдал посты, посещал церковь вместе с детьми, ел постное, горячо молился. Помнит он и его «стремительное разочарование в православии» (там же: 11).

Из друзей отец «сердечно любил» почвенника Н. Н. Страхова (там же: 21, 33). Дети тоже уважали и любили старых друзей отца, приезжавших к ним в пору детства. Ими были А. А. Фет, А. Ф. Кони, первая толстовка М. А. Шмидт, Стаховичи, Н. Н. Ге (там же: 47, 54, 56). ЛЛ вспоминает интересную деталь, как чешский государственный деятель Т. Масарик заплакал, увидев бедную жизнь яснополянских мужиков. Отец рассказывал об этом с недоумением и сочувствием. (Толстой 1923: 60.)

Время переезда в Москву совпало с религиозным кризисом отца. Отец был против переезда, но мать настояла на своем, так как старшему сыну нужен был университет, старшей дочери – свет, а ЛЛ с братом нужна была средняя гимназия. Для проживания семьи был арендован дом, а через год был куплен свой собственный. (там же: 11.) По мнению ЛЛ, в Москве «все жили полной жизнью, но для отца эта жизнь была не той настоящей, истинной духовной жизнью, какой он начал жить сам, и какой хотел, чтоб жили другие – прежде всего, его семейные» (там же: 13). У ЛЛ пора «наибольшей близости к отцу» настанет «только к 17-18 годам» его жизни (там же: 36).

ЛЛ считает, что отец «до конца дней» любил Софью Андреевну, «как самую жизнь». ЛЛ пишет, что счастливый брак – это тайна, которую нельзя выразить словами, ее можно только чувствовать, о ней можно догадываться, но рассказать о ней невозможно. Нам кажется, что ЛЛ стремится к возвеличиванию любви родителей и, как в детстве, хочет примирить их, чтобы люди поняли, «как глубоко они друг друга любили». (там же: 15, 17.) ЛЛ заключает, что отец смог ярко выразить свою великую душу и свои мысли благодаря условиям, созданным женой (там же: 14).

5.1.6 Мир детства

Ближайшие родственники своими приездами оживляли жизнь в Ясной Поляне. В усадьбе бывало много родни, особенно со стороны матери. Самыми близкими людьми были «три большие души» – дядя Сережа, тетя Маша и тетя Таня. Между

ними и семьей царило взаимопонимание, они «нас любили, и мы любили их», пишет ЛЛ. За ними следуют дочери тети Маши, они тоже родственные души и «настоящие Толстые». ЛЛ выделяет из окружения тетю Таню, которую ценил отец и обществом которой он дорожил. Она поднимала вопросы, дававшие повод для интересных разговоров. Отец относился нежно к своим племянницам и любил их посещения. С другой стороны, ЛЛ сожалеет, что кроме дяди Сережи, имевшего на отца мало влияния, вся родня была женская. (Толстой 1923: 26–27.)

Дядя Сережа, брат отца, был крупным помещиком, уездным предводителем дворянства, к которому «ездили дворяне». Он жил «безвыездно в своем имении» и был, по словам крестьян, «святой или помешанный». Он много читал и страстно любил русские песни: «созывал у себя хор крестьян и заставлял их петь, ставя им несколько ведер водки». К своей тихой, скромной и простой жене-цыганке он относился с добротой и уважением, а жена «благовела перед обоими братьями» и «беззаветно» любила своего «старика». Читатель узнает также о том, что дядя Сережа рекомендовал брату, Л. Н. Толстому, понравившиеся ему самому книги популярных в то время писателей: О. Мирбо, А. Будищева, И. Потапенко и др., и что Л. Толстой, по прочтении, ими тоже восторгался. (там же: 18–21.)

ЛЛ дает описание «утреннего кофе» в Ясной Поляне летом, наглядно передающее быт высшего сословия: «господа встали, искупались и собираются кушать», перед домом два стола накрыты белоснежными скатертями. Кухня располагалась далеко, поэтому лакеи и горничные издалека несут «вкусный кофе, свежие, сдобные булки, горячий хлеб с изюмом, жирные сливки». Первый завтрак перерастает во второй, добавляются новые яства. (там же: 25.)

В Москве в первых классах гимназии ЛЛ, кроме себя, никого не любил, да и себя, рассуждает ЛЛ, в тот период времени, он тоже не любил. Наибольшая близость с отцом возникает в позднем подростковом периоде ЛЛ. Отец и сын подолгу беседовали, хотя ЛЛ «не мог понять тогда и малой доли того, что происходило» в душе отца. Но он чувствовал душу отца, «увлекся» его учением и «мечтал сам сделаться новым христианским мучеником для блага человечества». (там же: 36, 38.)

5.2 Образ детства Льва Львовича

С тех пор, как я помню себя, я помню моих родителей (Толстой 1923: 7).

Самые ранние воспоминания ЛЛ, когда ему было четыре года, неотделимы от образа родителей. В его детстве отношения между родителями были дружеские, иногда нежные и ласковые, а ссоры редкие и короткие. Отец называл мать «душенькой» и целовал ее голову, и друг другу они целовали руки. ЛЛ соотносит факт своего рождения с завершением романа «Война и мир» (Толстой 1923: 11). Свои воспоминания он называет очерками, основная цель которых – прикосновение к глубинам «сердца и души Льва Николаевича». Заметим, что ЛЛ часто называет отца по имени-отчеству. Автор не придерживается хронологии событий, но для того, чтобы проследить «развитие и выражение отцовских взглядов», он начинает свой рассказ с самых ранних воспоминаний детства. (там же: 97.) События, оставившие след в памяти ЛЛ и описанные в главе «Воспоминания из эпохи моего раннего детства», тесно связаны с образом отца. Морозной ночью, когда детям была пора идти спать, отец просит разрешения у матери прогуляться с ЛЛ к старику Осипу. ЛЛ помнит, как отец восторгался звездной ночью и вернувшись импровизировал за фортепиано, а маленький ЛЛ засыпал крепким счастливым сном под «божественные звуки рояля». (там же: 31.)

Автор не описывает нянь, гувернанток, домашних уроков и игр своего детства. Главные персонажи – мать и отец, отношения которых до переезда в Москву были дружескими. В основе образа детства ЛЛ лежит идеальный образ матери, хранительницы семейного очага, увиденный глазами взрослого. Образ отца подается как глазами взрослого, так и ребенка. Взрослый рассказчик обожествляет отца, видит его идеальным, несущим в себе «огонь неугасимой лампы любви и вечного страдания за зло людское, огонь, освещавший весь жизненный путь и весь его умственный труд» (там же: 96). И наоборот, образ отца, увиденный глазами ребенка, неидеален и противоречив. Дети обожали отца, но боялись его. Отец иногда ссорился с матерью и винил ее. ЛЛ помнит, как в детстве он заступился за мать. Общение отца с детьми зависело от его настроения, которое, в свою очередь, было связано с его творческими успехами. Несмотря на это, ЛЛ определяет свое детство как счастливое и описывает его одним, длинной в целый абзац, предложением:

Мать, отец, братья, сестры, няни, гувернантки, прислуга, гости, собаки, редко медведь с медвежатником, лошади, охота отца и братьев, праздники Рождества, елка, масленица и пасха, зима – со снегом, санями, санирями и коньками; весна – с мутными ручьями и блестящими коврами серебряного тающего снега, с первым листом березы и смородиной, с тягой, с первыми цветами и первой прогулкой «без пальто», лето – с грибами, с купаньем, со всевозможными играми, с верховой ездой и рыбной

ловлей; осень – с началом ученья и труда всей семьи, с желтыми листьями в аллеях сада и вкусными антоновскими яблоками, с первой порошей – вот жизнь моего счастливого детства (Толстой 1923: 7).

Автор предельно сжимает временной отрезок своего детства и передает его как чередование времен года и связанных с ними природных явлений от зимы до осени. Поэтичность предложения создает атмосферу идиллического хронотопа дворянской усадьбы. Как пишет в своей статье Л. Н. Савина (Савина 2012), «время, проведенное на лоне природы, в родовом гнезде, [...] становится ностальгическим воспоминанием, связанным с темой сохранения семейной, исторической и культурной памяти». В данном случае определение ностальгического воспоминания оправдано, так как ЛЛ писал воспоминания «живя за границей в тяжелых условиях русского беженца» (Толстой 1923: предисловие).

В гимназический период ЛЛ забрасывает уроки. Испытывая в это время трудности с самоидентификацией, он сочувствует отцу в его учении, но отец не проявляет должного интереса к учебе ЛЛ, хотя и беспокоится о том, что сын не занимается. Отец не мог решить его «гимназических, немного запутанных задач», зато он «без затруднения» решал мировые, социальные и религиозные проблемы, когда во времена зарождения толстовства к нему сходилась человек 10–15 посетителей. По мнению ЛЛ, суть учения отца сводилась к тому, что «современная жизнь человечества вся построена на лжи, обмане, зле», и в этом нельзя участвовать, а надо нравственно совершенствоваться и «работать в деревне с народом». (там же: 38–39.) Временное сближение с отцом происходит у ЛЛ в позднем подростковом возрасте.

Постепенно меняется атмосфера Ясной Поляны. ЛЛ помнит, как писался конец «Анны Карениной», помнит смерти двух братьев, сестры и двух тетенок, а также «глубоко мрачное настроение» в доме, вызванное этими тяжелыми событиями. Но жизнь продолжалась «помимо всего», горе не могло убить жизнь в Ясной Поляне, «так как жизнь в Ясной Поляне была слишком сильна духовно и телесно». (там же: 11.) Очевидно, что духовная и телесная сила жизни в Ясной Поляне, о которой пишет ЛЛ, сформировалась под влиянием дворянской культуры. Дети с детства привыкали к звучащей в усадьбе музыке, влиял семейный круг общения близких к семье высокообразованных людей – родственников, друзей, представителей различных наук и искусств, которых притягивала личность отца. С другой стороны, ЛЛ критикует дворянскую культуру, описывая быт Ясной Поляны, точнее, один летний день «господ». Не слишком положительное впечатление производит образ любимого

детьми дяди Сергея, уездного предводителя дворянства, заставлявшего крестьян петь и вознаграждавшего «артистов» несколькими ведрами водки.

6 Андрей Львович Толстой «О моем отце»

6.1 А. Л. Толстой (1877–1916)

Андрей Львович Толстой родился 6 декабря 1877 г. в Ясной Поляне. Он учился в гимназии Поливанова и в Катковском лицее, но не закончил курса. Состоял чиновником особых поручений при тульском губернаторе. Участвовал в русско-японской войне. Был дважды женат. Имел двух дочерей и одного сына. Андрей Львович умер 24 февраля 1916 г. от общего заражения крови в Петрограде, прожив всего 39 лет. Его воспоминания «О моем отце» (2 с половиной страницы), написанные в 1906 г. в возрасте 29 лет, были впервые опубликованы в «Яснополянском сборнике» в 1965 г.

6.1.1 О воспоминаниях Андрея Львовича

После смерти Андрея Львовича Толстого (далее АЛ) его жена нашла в бумагах мужа два коротких наброска об отце, несмотря на то, что при жизни АЛ дал супруге обещание, никогда и ничего не писать об отце, так как за многое его осуждал. Перед именем отца АЛ ставит титул *граф*. По воспоминаниям внука Л. Толстого, Сергея Михайловича, для АЛ принадлежность к дворянскому сословию была очень важной. Он считал, что как дворянин имеет право пользоваться всеми привилегиями и преимуществами дворянства. Он обращался на ты к людям ниже его рангом, хотя отец обращался ко всем, кроме близких друзей, на вы. (Толстой 1994.) А. П. Сергеенко (1886–1961) в небольшом предисловии к воспоминаниям, характеризует АЛ как человека менее всех детей близкого отцу по своим взглядам и по образу жизни. С другой стороны, А. Сергеенко считает, что во время написания воспоминаний в 1906 г. у АЛ «еще не было никакого предвзятого отношения» к отцу, и что «содержание и тон воспоминаний Андрея Львовича свидетельствуют о его большом уважении и любви к Толстому как к отцу и человеку». Тем не менее позже АЛ обратился «в непримиримого идейного противника отца» и утратил «всякую способность беспристрастного и правдивого суждения о нем», считает А. Сергеенко. Л. Толстой, в свою очередь, всегда очень любил сына за доброту –

«самое дорогое и важное качество, которое дороже всех на свете» – пишет А. Сергеев, цитируя письма отца к сыну. (Толстой 1965: 127–128.)

С самой первой строки «1-го наброска» АЛ создает атмосферу искренности и доверительности, откровенно сообщая читателю, что труд, за который он взялся, ему не под силу. Это понятно, ведь он ставит перед собой непростую задачу – описать жизнь отца, его окружение, обстановку, взгляды и отношение людей к отцу и отца к людям, «но Толстого не философа, а человека». При этом АЛ обещает пользоваться только личными воспоминаниями.

6.1.2 Что запомнилось из детства

Самые ранние детские впечатления АЛ об отце приходятся на 1881 г., когда ему было четыре года, и семья Толстых первый год жила в Москве, чтобы старшие братья Илья и Лев могли посещать гимназию. Воспоминания охватывают период с 1881 по 1890 гг., судя по приведенным АЛ фактам пребывания в Ясной Поляне художников Репина и Ге и лепки бюста Л. Толстого. Это период жизни АЛ до 13 лет. Своего 53-х летнего отца он начинает помнить «седым, но бодрым и здоровым», не считая «припадков от прохождения желчных камней». (Толстой 1965: 128–129.) Интересно отметить, что АЛ не стесняется сообщить читателю эту интимную подробность здоровья отца, в то время как брат Лев, который был на восемь лет старше, размышляет в своих воспоминаниях о праве касаться «интимных сторон жизни выдающихся людей». Для АЛ такой проблемы не существует (там же: предисловие). АЛ дает понять читателю, что для него в образе Л. Толстого больше отца, чем выдающегося человека.

Первое, что вспоминает из раннего детства АЛ – это *вечные* споры и ссоры родителей. Повзрослев, он поймет, что причина ссор лежала в перемене взглядов отца, «желавшего совершенно изменить свою жизнь и посягавшего на изменение жизни матери и семьи». Здесь взрослый АЛ дает оценку действиям отца, используя слово с отрицательной эмоциональной окраской *посягать*. Детский ум АЛ не был способен понять причину разногласий. Детям они казались излишними и вызвали недоумение. АЛ и младший брат Михаил жалели мать, видя ее слезы и отчаяние. Споры и ссоры, увиденные глазами ребенка, характеризуются гиперболой *вечные*, подчеркивающей негативную атмосферу в семье. (там же: 129).

АЛ описывает восемь событий из детства. Эти случаи происходят как в Москве, так и в Ясной Поляне:

1. Во время обеда отец, указав на водовоза, пытающегося вывезти бочку с водой «по скользкому от мороза двору», начинает укорять детей в том, что они «сытые, одетые, в тепле», а несчастный мужик везет для них воду, и, встав из-за стола, отец вместе со старшим братом идет на помощь мужику.
2. Отец косит с мужиками траву в саду за домом. В сад приходят дети с гувернанткой. Отцу неловко, что барчуки гуляют, а мужики работают в поте лица. Неловкость передается детям, и они быстро уходят.
3. «Нумидийская конница» после скучного гостя: отец берет всех за руки и они бегают вокруг стола.
4. Прогулки с отцом к людям, представляющим интерес для творчества отца, таким как декабрист Свистунов и актер Андреев-Бурлак, давший Л. Толстому идею «Крейцеровой сонаты», как пишет в комментариях А. Дробыш (Толстой 1965: 138). АЛ помнит, что им с братом было страшно, и они просили отца скорей уйти. Андреев-Бурлак, к примеру, жил в подвальном помещении.
5. Часто во время прогулок с маленьким АЛ отец так задумывался, что забывал о его существовании. За отцом было трудно поспеть, но ребенок боялся сказать ему об этом.
6. Самый большой праздник для маленького АЛ – посещения с отцом бани.
7. Сильно повлияли на АЛ разговоры отца о вегетарианстве. Он запомнил слова отца: «если бы ты видел, как убивают животных, ты никогда не взял бы в рот мяса». Для усиления впечатления АЛ упросил мать пустить его с гувернером на московские бойни.
8. Будучи детьми, братья записались в Общество Трезвости, устроенное отцом. (там же: 129–133.)

Если проследить эмоциональную окраску приведенных автором событий, то можно заметить, что большинство их них несет отрицательную окраску:

- За обедом, в случае с водовозом, дети чувствуют себя без вины виноватыми.
- Чувство неловкости за праздно гуляющих в саду «барчуков» передается от отца к детям, когда отец с крестьянскими мужиками косит траву в саду.
- Чувство страха мешает маленькому АЛ сказать погруженному в свои мысли отцу, что он не поспевает за его быстрой ходьбой. Прогулки с отцом к его знакомым вызывают страх в братьях, и они просят отца «скорей уйти».

К положительно окрашенным событиям можно отнести игру в «нумидийскую конницу» и посещение бани, хотя во время одного из таких посещений происходит спор отца со священником касательно религии, удививший и огорчивший АЛ. Тогда он впервые понял, что его отец отрицательно относится к церкви.

К нейтральным по эмоциональной окраске случаям, можно отнести разговор отца о вегетарианстве и вступление мальчиков в Общество Трезвости. Возможно, они запомнились АЛ из-за сильного поучительного контекста. К тому же, здесь мы наблюдаем проявление воли ребенка и чувства гордости за себя и за принятые этические решения. В первом случае АЛ решил не есть мяса и дословно отреагировал на замечание отца, «если бы ты видел как убивают животных», и посетил с гувернером московские бойни, а во втором – младшие братья воздержались от шампанского и пили шипучку на свадьбе старшего брата.

6.1.3 Образ отца

Образ отца АЛ передает в основном глазами ребенка. Опираясь на этот образ, мы постараемся проследить, каким нравственным качествам учил сына Л. Толстой, а также проанализировать, какие ценности дворянского воспитания, возможно, оказали на АЛ влияние в детстве. По словам АЛ, отец общался с ним не как воспитатель, а был всегда «ровен и мягок, никогда не сердился». Мы видим, как отец следует дворянской заповеди сдержанности и самообладания и подает сыну пример достойного поведения и выдержки. Можно сказать, что он воспитывает детей своим примером. Отец не пьет вина, не ест мяса, страдает, отвыкая курить, возит воду из сада, колет дрова вместо старика-дворника. «Я его всегда очень любил и боялся и был с ним очень откровенен», пишет АЛ. (Толстой 1965: 130.) На первый взгляд, то, что ребенок чувствует к отцу одновременно любовь и страх, может показаться противоестественным или, по меньшей мере, противоречивым. Привычнее выглядело бы сочетание нелюбви и страха. Почему ребенок боится отца, который ровен и мягок в общении и, к тому же, никогда не сердится? Нам кажется, что ответ надо искать в ключевом моменте дворянского воспитания – в нормативном воспитании детей, направленном на отшлифовку личности «соответственно определенному образцу», то есть идеалу (Муравьева 2014: 6). По нашему мнению, в этом случае ребенок боится разочаровать родителя, не оправдать его надежды, ведь идеал всегда весьма далек от действительности. Это – боязнь несоответствия идеалу.

Такие взаимоотношения между взрослым и ребенком могут возникнуть при условии, если «воспитатель» имеет авторитет в глазах воспитываемого и является для него неким воплощением идеала.

Постараемся проследить принципы дворянского воспитания на примерах из детства АЛ. В случае с водовозом (см. выше с. 60–61) отец указывает детям на социальное неравенство, сочувствует низшему сословию не только на словах, но и на деле, подает пример благородного поведения по отношению к простому народу. Во 2-ом случае, с косьбой, чувство неловкости отца перед мужиками также вызвано социальным противоречием. Хотя дети не понимают причин, они чувствуют настроение отца. В 3-ем случае, «нумидийской конницы» как реакции на уход скучного гостя, отец преподносит урок хорошего тона и воспитанности, показывая, как находчиво можно разрядить обстановку, не унижая достоинства гостя и не говоря о нем плохо за его спиной. В 4-ом случае, при посещении «темных» знакомых отца, детям дается урок преодоления страха, вызванного попаданием в непривычную для них среду. Кроме того, дети приобщаются к общению с разными людьми, наблюдая, как отец расспрашивает и внимательно слушает своих собеседников. Умение «говорить со всеми людьми на тему, которая их больше всего интересует», так ведет себя истинный дворянин. Это важное правило светского этикета. Интересно, что чувство праздника от посещения бани с отцом, АЛ тоже объясняет тем, что отец умел разговаривать и с посетителями, и с банщиками. То, что банщики полюбили и ласково встречали отца, хотя сначала косились на него, потому что он «никогда не позволял себя мыть», лишая тем самым банщиков чаевых, говорит о том, что Л. Толстой обладал искусством нравиться людям, «важнейшим моментом в воспитании дворянского ребенка», как пишет О. Муравьева (Муравьева 2014: 41). Там же, в бане, отец приучал своих сыновей самостоятельно раздеваться и мыться (Толстой 1965: 130).

6.2 Образ детства Андрея Львовича

Своим детским умом я не понимал вечных споров и ссор моих родителей [---] Мне в то время так же, как и моему младшему брату Михаилу, было только жалко матери, ее слез и отчаяния, и велико было наше недоумение, почему происходят эти споры, которые могли и не быть. (Толстой 1965: 129.)

В воспоминаниях АЛ образ отца занимает центральное место, является посылом для написания и самоцелью. Поэтому заглавие «О моем отце» кажется нам оправданным

и соответствующим содержанию. Несмотря на необычайную кратость воспоминаний, они содержат, как нам кажется, богатый материал для анализа. Мы видим, что связь АЛ с Ясной Поляной ослабевает. Автор упоминает однообразие московской и яснополянкой жизни и редкое общение с отцом (Толстой 1965: 133). Большая часть сознательной жизни АЛ проходит в городе, а не в деревне. К примеру, с Ясной Поляной связаны только два из упомянутых восьми впечатлений детства (косьба отца и «нумидийская конница»). К тому же, «нумидийская конница» происходила как в городе, так и в деревне. С городом связаны как самые негативные воспоминания АЛ (ссоры родителей), так и самые позитивные (посещения бани). При этом, все события связаны с образом отца.

Детские годы АЛ пришлось на годы перелома в мировоззрении Л. Толстого. Нам представляется, что это обстоятельство отразилось на детстве АЛ и наложило, в свою очередь, печать на образ его детства. В детстве отец производил на АЛ впечатление человека, который искал чего-то и «хватался за различные вещи», хотя «писание [...] составляло все главное его жизни» (там же: 129). С уверенностью можно сказать одно – в тексте набросков АЛ мы не обнаружили ни одного упоминания *счастливого* детства. Также на основании анализа можно сказать, что автор рефлексировал свое детство через призму образа отца. С другой стороны, образ отца раскрывается автором психологически достоверно и убедительно через призму детства. Бросается в глаза противоречивость образа отца: в общении с АЛ отец запомнился ему как человек ровный, мягкий и никогда не сердящийся, но первое, что вспоминает из детства АЛ – это вечные споры и ссоры родителей.

АЛ описывает свою детскую жизнь лаконично. Зимой в Москве дети учатся с разными учителями. Летом в Ясной Поляне течет обычная барская деревенская жизнь: детей с англичанками и няньками по утрам отправляют в лес, где они гуляют, собирают грибы и купаются, в пять часов семья собирается за обедом, а вечером детей рано укладывают спать. Мать, несмотря на свою большую занятость, успевает постоянно общаться с детьми, а с отцом дети видятся только за обедом в пять часов. Дети окружены большим количеством людей, так как дом в Ясной и в Москве всегда полон всевозможного народа. Из всех людей АЛ выделяет доброго, милого старичка А. Фета с его мирными беседами и его жену, которых дети любили больше всех. АЛ отмечает также влияние сестры Марии на «маленьких». Благодаря ей они «стали вслушиваться в то, что говорил отец». Младший брат Михаил, к примеру, носил в кармане записку «надо быть добрым (sic!)», чтобы всегда помнить учение отца.

Именно за доброту Л. Толстой будет любить сына, когда АЛ станет взрослым. Еще АЛ вспоминает, как отец пытается заниматься с ним своим любимым предметом, математикой, но вскоре занятия были отброшены, так как, по словам отца, он «не может, отвык», а АЛ замечает, что отец скучает и тяготится этими уроками. (Толстой 1965: 129–133.) На этой незавершенной ноте заканчивается «1-ый набросок».

Во «2-ом наброске» АЛ вспоминает историю с яблочным садом, рассказанную ему отцом во время их совместной конной прогулки по окрестностям. Смысл истории сводится к тому, что в прошлом Л. Толстой развел огромный яблочный сад в непригодном для этого месте, через год вымерзший, после чего старый сторож «объявил», что отец Л. Толстого тоже потерпел на этом месте неудачу, но сторож не сказал об этом раньше, потому что подумал, «а может, и ничаво» (там же: 134).

7 Михаил Львович Толстой «Мои родители»

7.1 М. Л. Толстой (1879–1944)

Михаил Львович Толстой родился 20 декабря 1879 г. в Ясной Поляне. Учился в гимназии Поливанова и Катковском лицее, но оставил лицей и поступил на военную службу. Он виртуозно играл на балалайке, гармошке, пианино, сочинял романсы, умел играть на скрипке. Участвовал в Первой мировой войне. Эмигрировав в 1920 г., он жил в Турции, Югославии, Франции и Марокко. Был женат и имел девять детей: пятерых сыновей и четырех дочерей. Михаил Львович умер в Марокко 19 октября 1944 г., прожив 65 лет. В 1976 г. его воспоминания «Мои родители» (14 страниц) были тоже опубликованы в «Яснополянском сборнике», как и воспоминания старшего брата Андрея Львовича.

7.1.1 О воспоминаниях Михаила Львовича

Младший из сыновей, Михаил Львович Толстой (далее МЛ), написал воспоминания «Мои родители» за три года до смерти, пишет в предисловии ученый, хранитель Дома-музея в Ясной Поляне, Н. Пузин (1911–2008). Это значит, что они были написаны в 1941 г., когда ему было 62 года. Н. Пузин пишет, что страницы воспоминаний «свидетельствуют о глубоком уважении и любви автора к отцу как к человеку и великому писателю», но как видно из названия воспоминаний, их главная цель – рассказать не только об отце, но и о матери. Воспоминания состоят из небольших глав-

эпизодов, длиною около страницы каждая. Автор обещает читателю «припомнить некоторые эпизоды своего детства, юности и дальнейших лет», связанные с родителями. (Толстой 1976: 138.) Примерно четверть воспоминаний посвящена детству, остальное – это размышления зрелого человека об отце, о матери и их совместной жизни. МЛ размышляет также над мыслями отца о войне, о крестьянском вопросе и об искусстве.

«Нас (выделено нами – *ТН*) было тринадцать человек детей», так начинается свои воспоминания МЛ. Личное местоимение *нас* создает у читателя представление о принадлежности автора к тесному кругу братьев и сестер, и об образе семьи как единого целого. Трое детей умерли до его рождения, два брата скончались на его памяти, добавляет МЛ. Он отмечает, что любимцем родителей был Иван, который был на семь лет младше МЛ. Его смерть родители перенесли «очень тяжело». Воспоминания начинаются с описания неблагоприятной семейной атмосферы. Отец критиковал воспитание детей, так как, по его мнению, дети «воспитывались дурно, в роскоши и в безделье». Мать не разделяла убеждений отца. Она воспитывала детей, занималась домом, в котором жило более двадцати человек, управляла имуществом, от которого Л. Толстой отказался, переписывала его сочинения и держала их корректуру. Вслед за этим МЛ смягчает негативную окраску, констатируя, что «разногласие было очень тяжело обоим» родителям, и что их взаимная любовь «была очень велика», равно как и их любовь к детям и «сердечная забота» о них. (там же: 138.)

7.1.2 Что запомнилось из детства

Первый эпизод из детства, который вспоминает МЛ, связан с зимней Москвой. Отец решил посетить знакомого старика, чтобы побеседовать о боге, и принял спонтанное решение, взять с собой шестилетнего МЛ. Ребенок с радостью согласился, и они ушли, не предупредив об уходе мать. Они долго шли, и МЛ устал. Мальчику было «очень жарко и душно», в то время как отец долго разговаривал с бедно одетым стариком в жарко натопленной маленькой комнате, но ребенок терпел, боясь помешать, а увлеченный отец, очевидно, забыл о его существовании. Позже МЛ узнает, что старик был известным сектантом. Обращают на себя внимание терпеливость шестилетнего ребенка и его страх помешать беседе отца. По возвращении домой ребенок заболел, и мать всю ночь за ним ухаживала. Отец, чувствуя свою вину, ночью «постоянно» вставал и спрашивал о здоровье сына. «Я

никогда не забуду его виноватого, озабоченного лица», пишет МЛ. (Толстой 1976: 138–139.) Здесь автор создает положительный образ родителей: отец раскаивается, «укоряет себя в невнимательности», мать встретила отца упреками, но «все обошлось».

В воспоминаниях вскользь упоминается «милая гувернантка мисс Лейк», сопровождающая детей на прогулке. О ее влиянии на МЛ, а также о влиянии многих других людей, окружавших детей в родительском доме, автор не пишет. Эпизоды детства МЛ проникнуты радостным настроением и оптимизмом. Два из них происходят в Ясной Поляне, один – в Москве, остальные эпизоды могли происходить как в деревне, так и в городе, но мы склоняемся к тому, что в деревне, так как все они связаны с отцом и его веселым настроением, а город и веселость были для отца несовместимы. Живя в городе, он терял спокойствие и равновесие духа, пишет МЛ (Толстой 1976: 147).

Следует оговорить, что образ детства, увиденный детскими глазами, мы дополним взглядом взрослого автора на то, какие факторы оказали в детстве влияние на формирование личности МЛ. Во-первых, это – привитая отцом и матерью любовь к природе. Отец любил природу и ее красоту во всех ее стихийных проявлениях, но не любил цивилизацию, пишет МЛ. Отец постоянно приносил с прогулок домой букеты полевых цветов. Это – любовь отца к животным, в которых он отмечал проявления преданности, ума и психологии. Это – влияние музыки, без которой проходил редкий день. Из детства МЛ помнит приезд супружеской пары Фигнер, оперных солистов Императорских театров: «вся дворня собиралась у окон послушать певцов». Музыка сильно действовала на отца. Как классическая музыка, так и народные песни трогали его до слез. Гостившего в имении Ф. Шаляпина он заставлял «без конца петь свои любимые песни». О том, что дети Толстых играли на балалайках и гитарах, а также пели хором под дирижированием «тетки Кузминской» (сестры матери), мы узнаем из рассказа МЛ о том, что отец любил слушать их детскую игру. (там же: 146–148.) О том, что МЛ сам в детстве обучался игре на скрипке, мы тоже узнаем косвенно, когда МЛ вспомнит, как его учитель музыки, талантливый скрипач, живший летом в Ясной Поляне, исполнял любимую отцом «Крейцерову сонату» Бетховена, и как отец реагировал на это исполнение. О музыкальных способностях МЛ мы можем догадаться, читая о том, как аккомпаниатор Ф. Шаляпина, А. Гольденвейзер, не смог без нот подобрать аккомпанемент к русской песне, после чего Ф. Шаляпин заставил аккомпанировать МЛ, с которым был в приятельских

отношениях. По словам МЛ, он никогда не учился играть на фортепиано и играл плохо, только по слуху, но отец остался доволен. Хорошим музыкантом МЛ называет своего старшего брата Сергея. (Толстой 1976: 147–149.) Этот же случай вспоминает младшая сестра Александра, когда пишет в своих воспоминаниях, что Ф. Шаляпин пел «Ноченьку» «под корявый аккомпанемент Миши Толстого» (Толстая 1989: 371).

В воспоминаниях МЛ фигурирует брат Андрей, который был на два года старше, и с которым они вместе росли. Отметим интересную деталь в характеристике брата: когда 27-летний Андрей, спасаясь от жизненных неурядиц, едет на русско-японскую войну добровольцем, и отец пытается его отговорить, МЛ заметит, что брат «очень упрямый человек» (там же: 142). Эта упрямость, или верность себе, своему идеалу, является отличительной чертой всех детей Толстых: если нужно выбрать между сердцем и умом, то выбирается сердце.

7.1.3 Образ отца

Воспоминаниям МЛ свойственно то, что эпизоды детства, увиденные глазами ребенка, дополняются и обобщаются языком взрослого или, наоборот, для подтверждения умозаключений взрослого приводятся события из детства на языке ребенка. Например, МЛ рассказывает о даре отца «очаровывать людей», когда пишет, что вместо «сурового, сумрачного учителя», люди находили в нем «отзывчивого, сердечного, очаровательного человека». Люди «попадали под его влияние, даже если не соглашались с его рассуждениями и не разделяли его взглядов». В подтверждение силы «влияния отца» МЛ приводит эпизод, оставивший в нем «неизгладимое впечатление», когда ему было восемь лет. Отец словами усмирил буйного сумасшедшего крестьянина, строго приказав «ему перестать буйствовать и успокоиться». Николай (заметьте, что МЛ помнит имя буйного крестьянина, сына повара Ясной Поляны) «немедленно повиновался». Подводя итог, он пишет, что крестьяне вообще «безгранично верили и подчинялись» отцу, часто искали у него судебной защиты. Его словесные решения всегда исполнялись крестьянами, пишет автор. (Толстой 1976: 139–140.) Рассмотрим другие эпизоды.

- По традиции дети пришли прощаться с отцом перед сном. Отец отложил книгу и поцеловал детей. Кстати, этот факт расходится с мнением Ильи (см. с. 44), что Толстой не выражал любви к детям открытой лаской, хотя отец, воз-

можно, совершил этот ритуал по обязанности. Щекотка отца детьми, вызвала у него неудержимый смех и бессилие, а у МЛ – гордость, запомнившуюся ему надолго, потому, что он почувствовал себя сильнее отца. (Толстой 1976: 140–141.)

- Отец был хорошим рассказчиком. Он рассказывал «увлекательно и интересно». МЛ очень любил слушать его рассказы. Так, к примеру, рассказы о Севастопольской военной кампании запомнились ему на всю жизнь. (там же: 141.)
- Когда в доме еще бывало мало «темных» (так С. А. Толстая называла толстовцев), когда отец был здоров, и «на него находили веселые минуты», он заражал всех весельем. МЛ запомнились детские выходки отца за обедом, к которым с радостью присоединялись дети: приказав старшему сыну играть марш на фортепиано и схватив с тарелки сына блинчик с вареньем, завернутый в трубочку, отец бегал вокруг стола, к ужасу гувернантки и матери. Нам представляется, что здесь автор имеет ввиду традицию отца играть в «нумидийскую конницу» после ухода скучных гостей.
- Отец «хохотал до слез» и хвалил авторов, когда читал сам и заставлял других читать смешные места из Диккенса, Гоголя и Чехова, которых, по словам МЛ, очень любил.
- Однажды Ясную Поляну посетили представители Японии и по просьбе отца исполнили японскую музыку, вызвавшую у него и детей безудержный смех, так как музыка напомнила им «завывания, похожие на кошачьи мяуканья». Не сдержав смеха, отец и дети выбежали из комнаты. «Отсмеявшись» и вернувшись назад, отец вышел из неловкой ситуации, извинившись и объяснив реакцию непривычностью и непонятностью музыки. (там же: 143–144.)

МЛ запомнилось, что «милые японцы нисколько не обиделись». Они вели с отцом, интересовавшимся Буддой, «очень умный и культурный разговор» и много рассказывали о японской культуре, религии и нравах. Л. Толстой «был очень доволен» их обществом и, в свою очередь, проявил радушие и гостеприимство, что, кстати говоря, является одной из заповедей дворянского воспитания (Муравьева 2014: 45–47).

Завершая образ отца в последней главе воспоминаний, МЛ создает его яркий образ тремя предложениями, используя пространственно-географические метафоры:

Отец всегда искал в жизни прямую дорогу, ломая все, что ему встречалось на пути, и не любил наезженных, торных дорог. Когда он ездил верхом или ходил пешком по

громадному казенному лесу вблизи Ясной, он избегал даже тропинок, а ехал прямо сквозь кусты, деревья, овраги, стараясь найти прямой путь к дому. Так же и в духовной жизни он искал прямой путь к богу, и все, что ему мешало, как, например, церковь, государственный строй, он отвергал. (Толстой 1976: 151–152.)

МЛ оценивает отца как натуру страстную: отец мог сорваться, обидеть собеседника резкими словами, но всегда сознавал свою вину и старался ее загладить (там же: 146).

7.1.4 Образ матери

В большом старом березовом парке восьмилетний МЛ и его десятилетний брат Андрей собирали для мамы цветы, которые она очень любила – это все, что МЛ вспомнит о матери в эпизоде детства, не считая того, что она ухаживала за ним, когда он болел. (Толстой 1976: 140.) Нежно относясь к цветам, мать наполняла ими вазы во всех комнатах, вспоминает взрослый МЛ в предпоследней главе воспоминаний, когда пытается осмыслить ее судьбу со взрослой точки зрения (там же: 150). Именно в этой главе МЛ создает сильный, многоплановый и запоминающийся образ матери. Вспоминая мать, МЛ с ужасом видит, что в детскую и юношескую пору огорчал ее своей леностью в учении, непослушанием и плохим поведением. Он признается в том, что никогда не замечал трудностей ее жизни, а также ее физической и нравственной измученности после духовного перелома отца. Выступая в роли защитника матери, МЛ критически высказывается по поводу непрошенных людей («никому не нужного люда»), месяцами живших в их доме и доставлявших «только лишнее беспокойство и хлопоты». Выполняя работу, непосильную даже для сильного и здорового мужчины, мать урывками, в свободные от работы минуты, занималась музыкой, чтением философских книг и новинок литературы, работала в саду, играла с детьми и делала это, отдыхая от скучных обязанностей, «с наслаждением, любовью, упоением», как это присуще натуре творческой, увлекающейся и страстной. МЛ подчеркивает честность и искренность матери, не скрывавшей перед мужем своего несогласия с его взглядами. (там же: 149–152.)

Одним предложением в начале воспоминаний и несколькими предложениями в конце автор дает понять, что «невероятные страдания» в семье имели место особенно под конец совместной жизни родителей, но подводя итог, МЛ пишет, что ни мать, ни отец не были виноваты в трагическом финале их совместной жизни и в их обоюдных страданиях. Автор делает заключение, что мать по воле судьбы стала

«женой большого человека, который на второй половине их супружеской жизни решил сломать ту счастливую, полную, интересную жизнь, ушел от жены и семьи в свой духовный мир, который он искал и лелеял *с детства* (выделено нами – *ТН*)» (Толстой 1976: 152).

Выраженные в цитате мысли автора об отце перекликаются с двумя ключевыми моментами нашей работы. Во-первых – со значением детства в жизни человека, и во-вторых – с образом отца, ищущего истину в жизни и являющегося, на наш взгляд, воплощением дворянского воспитания с установкой на идеал (Муравьева 1995: 158).

7.1.5 Мир детства

МЛ родился во время нараставшего духовного кризиса отца, когда Л. Толстому был 51 год. Н. Пузин считает, что младшие дети, к которым относился и МЛ, уже не воспитывались отцом так, как старшие, что, по его мнению, «несомненно наложило свой отпечаток на их жизнь» (Толстой 1976: 137). Понятно, что разность взглядов родителей на воспитание детей не могла не сказаться на психологическом климате семьи, но МЛ не осуждает родителей, а, напротив, стремится оправдать их, уверяя читателя в том, что «разногласие было очень тяжело обоим» (там же: 138).

7.2 Образ детства Михаила Львовича

Взаимная любовь моих родителей была очень велика также, как и любовь и сердечная забота о детях, что ясно выражается в их письмах [...] (Толстой 1976: 138).

МЛ остается верным заголовку своих воспоминаний «Мои родители» – он пишет об отце и матери, с той разницей, что образ отца создается как через взгляд ребенка, так и через взгляд взрослого, а образ матери создается только через взгляд взрослого мемуариста. Все без исключения яркие события детства связаны с образом отца. Критика отца по поводу дурного воспитания детей в собственной семье, запомнившаяся МЛ с детства, ссоры родителей и существование у родителей любимцев среди детей, к которым принадлежал, к примеру, сын Иван, бывший на семь лет младше МЛ, не отразились отрицательно на образе детства МЛ. Воспоминания МЛ примечательны тем, что они насквозь позитивны, пронизаны хорошим настроением и смехом отца, курьезными случаями из его жизни и музыкальной жизнью Ясной Поляны. Мы не обнаружили в воспоминаниях пессимизма, жалоб или отрицательных эмоций.

Следуя примеру отца, в детстве МЛ с братом Андреем собирали для мамы букеты полевых цветов. Мальчики любили и жалели мать, когда между родителями происходили ссоры, но ее роль и значение МЛ по достоинству оценит лишь во взрослом возрасте. Образ матери создается только глазами взрослого мемуариста.

Отец обладал исключительным свойством очаровывать людей, был увлекательным и интересным рассказчиком. На МЛ он оказал влияние своим юмором и весельем, любовью к музыке, природе и животным. Взрослыми глазами автор создает образ отца ищущего, сомневающегося, ошибающегося и просящего прощения. МЛ приводит случай, когда Л. Толстой обвинил начинающего писателя в ненаблюдательности и невнимательности к окружающей природе. Когда обнаружилось, что молодой писатель прав, а невнимательным оказался сам Л. Толстой, отец «был в отчаянии» и написал извинительное письмо. (Толстой 1976: 146.)

Влияние природы на маленького МЛ очевидно. Яснополянская весна, воспринятая автором всеми осязательными органами и красочно им описанная, усиливает эффект беззаботного детства и отражает общее настроение, «когда у всех было весело на душе». (там же: 139–140.)

Об увлечениях детей мы узнаем косвенно из рассказа МЛ о том, что дети Толстых играли в детстве на гитарах, балалайках и пели хором под дирижированием тети Тани. Также косвенно мы узнаем о том, что МЛ в детстве обучался игре на скрипке, а также владел игрой на фортепиано, хотя никогда не обучался игре на этом инструменте.

8 Александра Львовна Толстая «Отец. Жизнь Льва Толстого»

8.1 А. Л. Толстая (1884–1979)

Александра Львовна Толстая родилась 18 июня 1884 г. в Ясной Поляне. Она получила домашнее образование и работала секретарем отца. По завещанию Л. Толстого, Александра стала распорядительницей литературного наследия отца. Во время Первой мировой войны она окончила краткие курсы сестер милосердия и добровольно ушла на фронт. Была удостоена звания полковника и награждена медалями. В 1920 г. была арестована и приговорена к трем годам заключения, но освобождена по амнистии в 1921 г. После национализации музея-усадьбы «Ясная Поляна» Александра стала его хранителем. В 1924 г. о ней появляются клеветнические статьи. В 1929 г.

она покидает Россию, уехав в Японию, затем в США. Книга воспоминаний Александры «Отец. Жизнь Льва Толстого» (479 страниц) вышла в 1953 г. в Нью-Йорке. А. Л. Толстая умерла 26 сентября 1979 г. в США, прожив 95 лет.

8.1.1 О воспоминаниях Александры Львовны

Александра Львовна Толстая (далее АТ) во вступительном слове к мемуарам сообщает, что ее цель – «подвести» Л. Толстого ближе к читателю, и что она опирается не только на свои личные воспоминания, но и на разные печатные источники. А. П. Чудаков (Толстая 1989: 481) пишет в послесловии, что обширное цитирование превращает некоторые главы почти в монтаж. Особенность этих, посвященных отцу, мемуаров мы видим также в их биографичности, даже некоторой монографичности и в литературно-художественном стиле. Добавим еще одну черту – в них особый образ рассказчика. В воспоминаниях остальных детей Толстых сам автор и образ автора сливаются, у них одна роль, здесь же мы видим автора, выступающего в роли «обрамляющего» условного рассказчика. К примеру, АТ пишет о своем рождении следующее:

На утро [...] у Толстых родилась третья дочь, и в честь Александры Андреевны Толстой, которая согласилась быть крестной матерью, ее назвали Александрой (там же: 251).

АТ сообщает, что ей тяжело писать о частной жизни родителей, об их достоинствах и недостатках, и что она попытается это сделать беспристрастно, без личности автора и без собственной оценки (там же: 152). Видимо для усиления эффекта беспристрастности, АТ сначала пишет о себе в третьем лице, и только когда она станет описывать переломный момент своей жизни – переход от ребенка к взрослому, вместо третьего лица появится личное местоимение «я». В отличие от других детей Толстого, АТ почти не вспоминает отца через призму собственного детства, глазами ребенка. Жизнь отца передается через призму его произведений.

Идиллический хронотоп мы обнаружили в главе, посвященной детству Л. Толстого, а не детству самой АТ. Лирическое отступление, абзац, живописно описывающий смену времен года от зимы до весны, начинается словами: «Что может быть разнообразнее природы средней полосы России [---]» (там же: 24–25).

О родителях АТ пишет, что это были два сложных, сильных и цельных характера (Толстая 1989: 152). Обращаясь к корням своего происхождения и рассказывая историю толстовского рода АТ рисует идеальную картину дворянского крепостнического быта. Из поколения в поколение передавались, присущие деду Толстого, Н. С. Волконскому, честность, аристократизм духа, чувство собственного достоинства, равно как и отвращение к войне, честь и чувство долга (там же: 14–37). Нам кажется, что передавались также и страх перед родителями и уважение к ним.

Хотя внимание АТ сосредоточено на описании жизни отца, она много пишет о своих братьях и сестрах, об их успехах и неудачах, о взаимоотношениях с родителями и друг с другом. Автор пытается раскрыть их внутренний мир. Никого не осуждая, АТ приходит к выводу, что виной возникновения двух мировоззрений, разделивших детей на два лагеря, стали: разлад в семье, городские соблазны, отсутствие отцовского воспитания и нормальных, как ей кажется, условий строгой дисциплины и порядка, выпавших лишь на долю старших детей. (там же: 335.) С другой стороны, она пишет, что отец оказался плохим педагогом для сына Сергея. «Отец возмущался тупостью сына», сын «боялся не угодить» и тупел еще больше. (там же: 188.) Мы видим в этом некоторое авторское противоречие – ведь Сергей относится именно к старшим детям.

8.1.2 Игры и увлечения

Главным зимним увлечением АТ был каток, который устраивался в саду Хамовнического дома в Москве. Саша возила на санках воду из колодца в тяжелой кадке и поливала каток с «мальчишками артельщика». Все катались на коньках и учились «вырезывать на льду фигуры тройки и восьмерки» (Толстая 1989: 182), но лучше всех катался Миша:

«Он крутился волчком, пистолетом, вытянув одну ногу спускался с ледяной горы, с невероятной ловкостью делал испанский прыжок. Саша часами практиковалась, стараясь подражать Мише». (там же: 342.)

На Рождество была елка, на новый год были ряженые, на масленицу – блины и катание. (там же: 138). Летом отец сажал маленьких детей на лошадь впереди себя и возил купаться на речку, а как только дети начинали держаться в седле самостоятельно, сажал их на лошадей одних. (там же: 182.) Отец играл с детьми в городки, борол-

ся, бегал наперегонки, брал их с собой на охоту (Толстая 1989: 138). С С. Танеевым было «превесело» играть в воланы (там же: 342).

Ссылаясь на воспоминания сестры Тани, АТ пишет, что Л. Толстой ставил домашнюю оперу (там же: 146), а из домашнего спектакля, поставленного в 1890 г., родилась комедия «Плоды просвещения» (там же: 288). Всеобщее увлечение лепкой наступило, когда в Ясную Поляну приехали художники Ге, Репин и Гинцбург для лепки бюста Л. Толстого. «Со станции привезли тюки с глиной. Но оказалось, что в так называемой песочной яме, около шоссе, был не только песок, но и разных цветов прекрасная глина, не хуже покупной», пишет АТ. Дети лепили зверей и чашечки. (там же: 293.)

8.1.3 Образ отца

По АТ, Л. Толстой унаследовал от матери таланты, скромность и застенчивость, мягкость и доброту; от отца – ласковость, ловкость и физическую силу. В то же время, некоторые черты дворянского поведения, к которым Л. Толстой стремился, такие как светскость, уверенность и непринужденность, у него не получались, давались трудно. Культ отца, романтической матери и идеальной любви сформировали главную черту Л. Толстого – его «любовь к любви». (Толстая 1989: 14–37.) АТ пишет, что всем, что есть в ней хорошего, она обязана только отцу. Величие отца она объясняет тем, что он «с детства стремился к добру». Основными чертами отца она называет смирение и скромность, а основной движущей им силой – недовольство собой. (там же: 152.) Отец с детства критически относился к «утвердившимся модным течениям», «странно» относился к разным явлениям жизни и к общественному мнению. К примеру, он, не задумываясь, бросил университет. Странностям отца поражались его воспитатели, но и позже многие замечали резкость и оригинальность его суждений. (там же: 209.)

Отец отличался особенным смехом, глядя на него, все начинали смеяться. Это был смех очень молодого существа, безудержный, до изнеможения, до слез. (там же: 146.) До глубокой старости сохранились в отце характерные ему свойства: детская, непосредственная веселость, искреннее, страстное увлечение спортом, играми и забавами (там же: 138).

Жизнь в городе была для отца «жесточайшей мукой», пишет АТ. «Дышать полной грудью» и чувствовать подъем духовных сил он мог только в тесном

контакте с природой, будь то горы и реки Кавказа, поля и леса Ясной Поляны или самарские степи. (Толстая 1989: 230.) Из времен года весна пробуждала в нем творческие силы (там же: 197). Главным отдыхом для отца была охота. Он ходил на охоту с собакой стрелять уток, вальдшнепов, дупелей, а со старшими сыновьями Сергеем и Ильей травил зайцев и лисиц. (там же: 213.)

Кабинет отца – это «святая святых». Дети почти никогда туда не заходили. После занятий отец уходил на прогулку, а вечером к нему приходили посетители («темные»), которых дети немного боялись. Иногда отец хотел «поговорить» с кем-нибудь из детей, и это было «большим, волнительным событием». (там же: 314.) Отец сам учил детей верховой езде и с раннего возраста сажал их на лошадь. У всех детей «были свои любимые лошади». (там же: 182, 228.) В подростковом возрасте в сознании АТ произошел перелом, сблизивший ее с отцом: из чужого и недоступного он превратился для нее в близкого человека и остался таковым до самого конца.

8.1.4 Образ матери

АТ признается в том, что в свое время она сделала ошибку, резко встав на сторону отца и обвинив мать (Толстая 1989: 152). И все-таки в произведении можно заметить присутствие полученной в детстве обиды. Беспристрастность и объективность, задача «чрезвычайно трудная, почти невыполнимая», считает автор (там же: 153). Эта задача не срабатывает, когда речь заходит о личных отношениях между матерью и дочерью. В этих местах воспоминаний образ матери проникнут горечью. АТ приводит выдержки из дневника матери, где говорится, что Саша (АТ – *ТН*) «плохая» (там же: 430). Цитируются негативные высказывания матери о сестре Маше (там же: 292). Софья Андреевна, как, за редким исключением, называет свою мать АТ, выкормила своей грудью всех детей, кроме Саши, что тоже стало «одним из поводов к ссоре Толстых» (там же: 269, 252). Когда между родителями происходили «жуткие» ссоры, «Саша старалась избегать мать, жалась к няне» (там же: 323). АТ ревнует мать и обижается на нее за равнодушное отношение к С. Танееву. Автор не скрывает своих чувств к С. Танееву: «этот человек дико и как-то бессмысленно хохотал во всю глотку, когда Саша нарочно запускала волан в его толстое брюхо» (там же: 343). Автор вспоминает упреки матери, высказанные по поводу сближения Саши с отцом, толчком к которому послужили как отлучение отца от церкви, собственные наблюдения подростка над жизнью, так и несложившиеся отношения с

матерью. Когда дочь приняла решение «не ходить больше в церковь», «мать бурно реагировала [...], упрекала отца в том, что он совратил ее последнюю дочь, но, впрочем, она всегда знала, что Саша глупое, ничем не интересующееся существо». (Толстая 1989: 377.) С другой стороны, АТ подчеркивает, что для матери было важно, чтобы дети получили образование, и мать делала для этого все возможное (там же: 314). В 1885 г. забота и ответственность матери увеличились: она заведовала изданием сочинений мужа, что давало семье постоянный и довольно большой доход, правила корректуры, следила за приходами и расходами в хозяйстве (там же: 224–225).

8.1.5 Мир детства Ясной Поляны

Интересно отметить, что, описывая мир детства Ясной Поляны, АТ пишет о времени, свидетелем которого она быть не могла, так как еще не была рождена. С другой стороны, в тексте нет ни цитат, ни ссылок, т. е. в воспоминаниях детства АТ у нас налицо элемент фикции. Мы решили все же использовать это описание, так как оно обогащает общую картину детства новыми красками. Дети были в восторге, когда отец с ними возился, «поднимал и сажал их на свои сильные плечи, таскал их по комнате». АТ отмечает здоровую деревенскую обстановку и правила воспитания, установленные английской гувернанткой Ханной, которая «водила детей гулять во всякую погоду и, к ужасу русской няни, ежедневно обтирала их холодной водой». Идею с устройством ванны в усадьбе, где не было водопровода, АТ приписывает Софье Андреевне, которая на этом «настояла». Дворнику приходилось привозить воду бочками «за полторы версты», нагревать в чугунах и наливать ведрами. (Толстая 1989: 182, 271.)

По мнению АТ, когда в 1871 г. родилась вторая дочь Маша, на отношения родителей набежала тень. У обоих были неполадки со здоровьем, каждый из них был по-своему одинок, они устали и раздражались друг на друга. (там же: 185.) АТ замечает, что пессимизм, свойственный характеру Софьи Андреевны, усилился после смерти трех детей и перенесенных ею болезней (там же: 205).

Летом жизнь детей двух семей, Толстых и Кузминских, «почти не разделялась». Все делалось вместе: вместе купались на реке Воронке, собирали грибы, «учились, устраивали детские концерты, ездили верхом, играли в крокет.

Веселились, ссорились, дрались, и когда подходила осень и расставались на всю зиму, Толстые уезжали в Москву, Кузминские в Петербург – неизменно плакали и сокрушались, что лето так скоро кончилось (Толстая 1989: 274).

У слуг и лакеев работы было невпроворот: постоянно праздновались именины, дни рождения и пеклись пироги.

Повара жарили кур, баранину, ростбифы, готовили необыкновенные фруктовые мороженные, каймаки — целые избушки с окнами из вафель с каким-то необыкновенным вкусным кремом — лакеи чистили батареи грязной обуви, подавали, убирали, горничные крахмалили воротнички, гладили, кучера чистили лошадей, то и дело запрягали, распрягали коляски и катки тройками, дрожки, тарантасы, седлали лошадей мужскими и дамскими седлами... (Толстая 1989: 228).

«Много веселья и жизни» привносил «почтовый ящик», вдохновителем и душой которого был Л. Толстой. В «почтовом ящике» подтрунивали над всеми, но никто не обижался. (там же: 242.) Большой успех имел также «Скорбный лист душевнобольных яснополянского госпиталя», написанного Л. Толстым (там же: 241).

8.2 Образ детства Александры Львовны

Напрасно взрослые думают, что дети ничего не понимают. Дети Толстые, если и не знали подробностей того, что происходило, то все же прекрасно чувствовали, что в семье творилось что-то неладное. (Толстая 1989: 323.)

О себе АТ пишет в третьем лице: «двухлетняя Саша ничего не понимала, смеялась и, как всегда, радовалась жизни», когда хоронили ее маленького 4-х летнего брата Алешу, которого все любили (там же: 263). «В сентябре 1881 г. семья Толстых поселилась в Москве», пишет АТ (там же: 230). В это время ей было три года. Дети любили, когда отец играл с ними в игру, которая заключалась в том, что дети садились в корзину из под грязного белья и он возил их по дому. «Когда корзина останавливалась, надо было угадать, где находишься». (там же: 314.) Дальнейшие воспоминания детства относятся к подростковому периоду. Так пишет о себе АТ, вспоминая 1896 г.:

Заглянем на минуту в душу 12-летней Саши, наивной, малоразвитой девочки, некрасивой, неуклюжей и болезненно застенчивой, с ярко выраженным, как англичане говорят, inferiority complex'ом, девочки заброшенной почти всецело на попечение гувернанток и старой няни (там же: 341).

Братья Миша и Андрюша, вечно опаздывая, по утрам убегали в гимназию, мать спала до 12-ти, а АТ училась с нервной гувернанткой-швейцаркой. «Величайшей мукой» для АТ было чинное гуляние с гувернанткой и разговоры по-французски. Образ гувернантки-швейцарки подается в критическом свете. Это – нервная дама

с худым лицом и громадным, горбатым носом с лиловыми прожилками, и толстым задом, которую Саша изводила своим непослушанием, невнимательностью и вечным стремлением в сад (Толстая 1989: 314).

АТ манил сад московского дома, где осенью и весной можно было бегать вместе «с соседними мальчишками и собаками», а зимой – поливать каток и кататься на коньках (там же). АТ пишет, что «своей добротой и мягкостью» с ней «справлялась» только одна гувернантка-англичанка, но она «приезжала только на лето» (там же: 430). В дом приходило много учителей. Мальчики, особенно Андрей, учились плохо и весной на экзаменах проваливались, поэтому к ним нанимались репетиторы, готовившие их к осенним переэкзаменовкам. К Мише и Саше приходили учителя музыки, но дети ленились упражняться. (там же: 314.) Положительное влияние на АТ оказал старший брат Сергей, который мог часами играть Шопена, Бетховена, Баха, Грига и которого «все невольно заслушивались». Одному только роялю «Сергей открывал свою душу: в звуках то бурно-страстных, то нежно-певучих чувствовались и грусть, и внутренняя борьба этого некрасивого, замкнутого в себе юноши», так описывает брата АТ. (там же: 282.)

Восторженно и детально описывает АТ радости детской жизни в городе. У каждого из них были свои сверстники, в основном из «так называемого высшего общества». В этих семьях постоянно «устраивались вечера, ставились шарады», затевались игры. «Весной ездили в коляске, запряженной парой вороных, в светлых весенних платьях, за город, на пикники». «В белоснежные крахмальные салфетки» заворачивались, приготовленные поваром пирожки, жареные цыплята, крутые яйца и укладывались в «уютные» погребцы. Дети «гуляли, собирали ландыши, незабудки, играли в горелки и колдунов». Самым веселым событием были детские балы. «Шились платья, покупались бальные туфли, белые лайковые перчатки, иногда приглашался парикмахер». На балы ездили вместе с мамой в карете с лакеем на козлах. Всеобщее восхищение вызывал младший Толстой, шестилетний Ваничка, который прекрасно танцевал мазурку. (там же: 314–315.)

Образ матери в воспоминаниях детства АТ отрицателен. Взглядом из детства автор видит образ матери только в связи с сорами. Подчеркивается разделение семьи и детей на лагерь отца и лагерь матери. Много места уделяется взаимоотношениям матери и композитора-пианиста С. Танеева. Автор передает свои чувства и мысли глазами ребенка. Хотя С. Танеев «был очень мил с Сашей», и для нее «громадным удовольствием было слушать его игру», за исключением его собственных произведений, росла «горькая обида» и враждебность к матери, раздражение от присутствия «этого человека в доме». Объяснить себе причины своих переживаний и бороться с негативными чувствами Саша не умела. Эти негативные чувства отравляли ей отроческие и юношеские годы. (Толстая 1989: 342.)

В отличие от остальных детей Толстых, АТ анализирует черты своего характера, полученные от родителей. Она пишет, что в ней перемешались черты обоих родителей: «вспыльчивость, излишняя уступчивость отца, страстность обоих, резкость матери, граничащая с бестактностью, ее живость», а также ее поверхностность в решении глубоких вопросов (там же: 152). Как уже было сказано выше (см. с. 75), АТ считает, что своими лучшими качествами она обязана влиянию отца. От него получены жизнерадостность и задор (там же: 430), им привита любовь к спорту, лошадям и собакам.

9 О хронологии и предпосылках воспоминаний

Воспоминания мемуаристов представлены в нашей работе в хронологическом порядке, начиная от старшего, Сергея Львовича, и кончая младшей, Александрой Львовной. Разница в возрасте между братом и сестрой составляет 21 год. В настоящей главе нам кажется интересным рассмотреть, в каком хронологическом порядке были написаны и выходили мемуары детей Толстых. Может возникнуть вопрос, имеет ли это отношение к воспоминаниям детства? Нам кажется, что имеет, в том случае, если мы хотим глубже изучить тему яснополянского детства. В этом мы видим также возможности для новых исследований. Память человека – не застывшая субстанция; получая притоки новой информации, мы постоянно воздействуем на нее. Как общались между собой разбросанные по миру дети Толстых? Делились ли в переписке своими мыслями о детстве, о работе над воспоминаниями? Комментировали ли мемуары своих братьев и сестер? Все это могло оказать дополнительное влияние на содержание их воспоминаний. Кстати, эти вопросы были заданы на семина-

ре нашими оппонентами. С этой новой перспективы хронология мемуаров выглядит следующим образом:

1. Особого внимания заслуживают воспоминания «О моем отце» пятого по старшинству **Андрея Львовича**. Длинною в несколько страниц, они **были написаны им в 1906 г.** при жизни отца и матери, когда мемуаристу было 29 лет. Андрей Львович прожил 39 лет. После его смерти **в 1916 г.** записки были найдены в бумагах. Стало ли их содержание известным остальным братьям и сестрам? И если да, то какое влияние это на них оказало? Чем объяснить то, что Андрей Львович начал писать свои воспоминания так рано, когда все остальные сделали это около 50-ти лет? Предчувствовал ли он краткость отпущенной ему жизни? Это вопросы для будущих исследователей. Его заметки были опубликованы **в «Яснополянском сборнике» в Советской России в 1965 г.**
2. Четвертый по старшинству **Лев Львович** первым опубликовал свои воспоминания. «В Ясной Поляне. Правда об отце и его жизни» были изданы **в Праге в 1923 г.**, десять лет спустя после смерти отца и четыре года спустя после смерти матери. Лев Львович написал их в возрасте 54 лет.
3. «Мои воспоминания» третьего по старшинству **Ильи Львовича** вышли **в 1913–194 г.** в газете, а **в 1933 г.** – отдельной книгой **в Советской России**. Мемуары он начал писать в 47 лет и писал их в течении двадцати лет до самой смерти.
4. «Очерки былого» первого по старшинству **Сергея Львовича** вышли через два года после его смерти, **в 1949 г. в Гослитиздате**. Сергей Львович работал над мемуарами до конца своей 84-летней жизни.
5. «Воспоминания» второй по старшинству **Татьяны Львовны** вышли по-смертно **в 1950 г. в Риме**. Она начала писать мемуары в 49 лет.
6. Мемуары «Отец. Жизнь Льва Толстого» седьмой по старшинству и завершающей череду мемуаристов **Александры Львовны**, вышли **в 1953 г. в Нью-Йорке**. Она прожила 95 лет, в том числе 26 лет после публикации своих мемуаров, и умерла в 1979 г.
7. Завершает перечень шестой по старшинству **Михаил Львович**. Он написал воспоминания «Мои родители» **в 1941 г.** за три года до смерти. Судя по этой дате, он опередил Сергея, Татьяну и Александру, хотя публикация его воспоминаний в «Яснополянском сборнике» состоялась лишь **в 1976 г.**

С другой стороны, одним из важнейших факторов, определяющих содержание воспоминаний, являются, как нам кажется, предпосылки к их написанию. Ниже мы суммируем цели и задачи, которые наши мемуаристы перед собой ставили и которыми они руководствовались.

- Андрей Львович «Мой отец» – голосом автора дополнительно объясняет читателю, что хочет как можно полнее описать отца не как философа, а как человека. Андрей обещает пользоваться только личными воспоминаниями и признается в трудности поставленной задачи.
- Лев Львович «Правда об отце и его жизни» – пишет об этических проблемах работы; он хочет помочь читателю еще больше проникнуться личностью Л. Толстого, и в отличие от всех мемуаристов начинает повествование с образа матери.
- Илья Львович «Мои воспоминания» – хочет, чтобы его воспоминания были интересны всем слоям населения. Отметим, что в письмах к сестре Татьяне он делится рассказом о своих трудностях написания мемуаров.
- Александра Львовна «Отец. Жизнь Льва Толстого» – повторяет установку Андрея и Льва своим желанием «подвести» Л. Толстого ближе к читателю, но, в отличие от них, обещает опираться не только на свою память, но обширно использовать печатные издания.

Только Михаил обещает читателю вспомнить в мемуарах обоих родителей. Лев, Илья и Александра обещают стремиться к беспристрастности, насколько это возможно. Илья пишет о своем стремлении к объективности, когда освещает разлад между родителями. Создание образа отца не является для него самоцелью. Нашим самым большим и важным открытием было то, что о целях написания своих мемуаров ничего не пишут Сергей и Татьяна. Мы пришли к заключению, что так называемые «большие» дети Толстых, в группу которых входили Сергей, Татьяна и Илья, создавая мемуары, посвятили собственной персоне и окружающей их жизни гораздо больше внимания, чем «маленькие», которых не принимали в свои игры «большие», и в число которых входили Лев, Андрей, Михаил и Александра. При этом, интересно отметить, что мемуары, Сергея, Татьяны, а также Ильи преодолевают условности мемуарного жанра. Мемуаристы широко используют приемы художественного повествования.

10 Выводы

В нашей работе мы попытались описать образ Яснополянского детства в воспоминаниях детей писателя графа Л. Н. Толстого и его жены графини С. А. Толстой. Из контента каждого воспоминания, длиной от нескольких страниц до нескольких сотен страниц, была отобрана информация о детстве. Научное определение понятия детства, его периодов и значения мы оставили за пределами этого исследования. Мы следовали индивидуальной периодизации детства, которую определяли сами мемуаристы, и которая варьировалась от 9 лет (Татьяна) до 16 лет (Сергей). Интересно отметить, что если граница окончания детства, определяемая авторами, у каждого из них индивидуальна, то точка отчета воспоминаний у всех одинакова – это самые ранние, первые воспоминания детства, отложившиеся в их памяти. Во введении мы воспользовались общими мыслями о детстве, которые были высказаны исследователями и писателями, встреченными нами на семинаре детского фольклора в 2014 г. О значении темы детства для русской литературы писал ученый-славист Эндрю Вахтель. Согласно словарю литературных терминов, воспоминания о таких людях, как Л. Толстой, имеют исторический и публицистический характер. Тем более странно, что до нас никто не исследовал мемуары детей Толстых на предмет их детства. В этом плане нам не с кем было вести диалога, поэтому в данной главе мы постарались поставить мемуаристов в диалог между собой. За пределами данного исследования осталась также известная теория автобиографического пакта (*Le pacte autobiographique*) французского ученого и теоретика Ф. Лежёна, опубликованная в 1975 г., так как она увела бы нас от нашей основной темы детства.

В главах 2–8 приводятся результаты анализа образа детства мемуаристов. Каждому воспоминанию посвящается отдельная глава, состоящая из двух подглав и нескольких пунктов. В пунктах приводятся четыре основные группы, составляющие образ детства. В первую группу вошли события детства, оставившие яркий след в памяти мемуаристов; во вторую группу мы отобрали информацию о роли в жизни детей нянь, гувернанток, гувернантов и домашних учителей; в третью группу вошли игры, увлечения и учеба; в четвертую группу – описания матери и отца и их роли в воспитании детей. Информация о детстве, выходящая за рамки условленных групп, представлена в пунктах «Мир детства». Образ детства мемуаристов обобщается в последней подглаве каждой из глав от 2-ой до 8-ой включительно. Для решения поставленных задач были использованы методы описательного и сравнительно-

сопоставительного анализа с преимущественным вниманием к содержанию, но также и к языковым особенностям текста. Нашей целью было проследить, как воспитывались дети в семье Толстых, какие дворянские ценности передавались родителями и окружением молодому поколению, а также, какую оценку авторы дают своему детству. Вдобавок, мы попытались выявить элементы дворянского воспитания.

В нижеследующей главе мы попытаемся свести воедино, синтезировать образ яснополянского детства, исходя из сведений всех мемуаристов, полученных нами в ходе исследования. Мы будем, насколько возможно, двигаться в том же хронологическом порядке, в каком были представлены мемуары в главах 2–8, то есть от старшего сына Сергея до младшей дочери Александры. Для кратости мы будем называть мемуаристов только по имени.

10.1 Образ яснополянского детства

10.1.1 События детства, оставившие яркий след в памяти мемуаристов

Тяжелые воспоминания раннего детства Сергея не связаны с образом родителей. Из положительных событий он вспоминает, как рассматривал с отцом иллюстрации о франко-прусской войне, поездку семьи в самарские степи, и как с матерью и сестрой они ездили в Москву, когда ему было 16 лет. Татьяна вспоминает старую няню и средства народной медицины, которые она применяла. Родителей она вспоминает за игрой на фортепиано. Илья вспоминает, как вся семья собиралась по вечерам слушать чтение книг отцом, и как праздновали Рождество. Лев из событий раннего детства первым делом рассказывает о ссоре родителей и своей попытке защитить плачущую мать, добавляя при этом, что в пору его детства ссоры родителей были редкими. Из радостных событий он вспоминает фортепианную игру родителей, игру отца с детьми в «призрака» и прогулку с отцом зимней ночью в Ясной Поляне. Михаил тоже вспоминает о зимней прогулке с отцом морозной ночью, но уже в Москве, а не в Ясной Поляне, как в воспоминаниях Льва. Андрей, как и Лев, тоже в первую очередь вспоминает вечные споры и ссоры родителей, причины которых оставались за пределами понимания детей. Кроме ссор, Андрей описывает восемь событий из детства, связанных исключительно с образом отца и имеющих назидательно-обличительный характер. К радостным событиям детства Андрей относит посещение бани с отцом. Александра вспоминает, как отец возил детей по дому в корзине, но самыми веселыми событиями детства считает детские балы в Москве.

10.1.2 Воспитатели, учителя, учеба

По Сергею, дети жили своей, отдельной от родителей, жизнью. Он описывает многочисленную прислугу, подчеркивает ее роль в жизни детей, вспоминает нескольких нянь, тепло отзывается об английской гувернантке Ханне и нелестно отзывается о гувернере, немце Кауфмане. Из приведенного в мемуарах расписания уроков домашнего обучения видно, что нагрузка была серьезной. Значительная часть уроков велась родителями. Глубокую признательность Сергей выражает учителю В. Алексееву. Татьяна благодарна за свое счастливое детство отцу, матери и гувернантке Ханне. Татьяна считает, что с отъездом Ханны закончилось ее детство. Илья, как и Сергей, много внимания уделяет бывшим крепостным, которые обслуживали семью; упоминает о француженках-гувернантках; негативно отзывается о гувернерах для мальчиков; рассказывает о «домашнем университете», учителях музыки и рисования. Илья с восторгом отзывается о тете Тане и о ее роли в жизни семьи; вспоминает сестру Машу, которую все любили. Из друзей семьи, по мнению Ильи, дети любили Дьяковых. Лев выделяет трех человек, которых любили дети: дядя Сережа, тетя Маша и тетя Таня. По Андрею, дом, как в Ясной, так и в Москве, был полон народом: и в городе, и в усадьбе протекала обычная, размеренная жизнь под присмотром англичанок, нянек и учителей. Из окружения он выделяет А. Фета с женой и сестру Марию. Михаил ничего не пишет о роли домашнего окружения. Александра пишет о себе как о ребенке, всецело брошенном на попечение гувернанток и старой няни. Добрая и мягкая английская гувернантка, приезжавшая в Ясную Поляну только летом, оставила о себе добрую память в душе Александры, и, напротив, швейцарская гувернантка в московском доме вызывала в ребенке только отрицательные эмоции. Александра отмечает положительное влияние старшего брата Сергея, часами игравшего на фортепиано.

10.1.3 Игры, увлечения

Сергей создает идиллическую картину детских игр и увлечений. В отличие от Ильи, который их тоже подробно описывает, картина Сергея более социальна, он вовлекает в нее многочисленное и многослойное окружение Ясной Поляны: это – крестьянские сверстники, родители и родственники, гувернантки и педагоги, товарищи из гимназии.

Татьяна пишет, что за недостатком игрушек, детям иногда приходилось их мастерить. Она рассказывает о придуманном ею театре: любимым занятием было – часами лежать на полу и разыгрывать прочитанные рассказы вырезанными и раскрашенными бумажными куклами. Никто, кроме Татьяны, не вспоминает о главном летнем увлечении – спортивной игре на открытом воздухе «гигантские шаги», о догонялках вокруг стола, о том, как повар делал для детей «жаворонков» из ржаной муки, которых выгуливали на веревочке по саду и съедали, когда они раскисали. Она вспоминает фарфоровые куклы Дьяковых и единственный подарок отца – семь маленьких куколок и ванночку. Как и Илья, Татьяна пишет о подготовке к Рождеству, в которой участвовала вся семья.

Илья пишет о разделении в семье детей на две группы, больших и маленьких, и что он входил в группу «больших» вместе с братом Сергеем и сестрой Татьяной. Илья создает идиллический образ детства. Он пишет о связи яснополянской природы с жизнью детей, с их весенними, летними и зимними увлечениями. Он пишет о волшебном мире игрушек, годовой запас которых пополнялся на Рождество, благодаря другу семьи Д. Дьякову. С другой стороны, Илья не упускает случая пофилософствовать о вредном влиянии игрушек: когда их слишком много, они подавляют детскую изобретательность, вызывают чувство собственности и зависти. Ему запомнились приготовления к Рождеству, игры в солдатиков и бумажный театр кукол, придуманный сестрой Таней. Он пишет о коллекционировании с братом Сергеем бабочек и жуков и об игре в крокет. С самого детства самыми страстными увлечениями Ильи были верховая езда и охота.

Лев пишет о «почтовом ящике» и о том, как раз в неделю по воскресеньям в Ясной Поляне в присутствии всех вслух читались сочинения на тему дня. Он с восторгом вспоминает, как в Ясной Поляне летом ставился домашний спектакль с участием старшей сестры Тани.

Из набросков Андрея мы узнаем, что в Ясной Поляне детей по утрам отправляли в лес с англичанками и няньками, где они купались и собирали грибы. Зимой в Москве дети учились.

Об увлечениях Михаила читатель узнает косвенно: они с братом Андреем собирали букеты полевых цветов для мамы; дети Толстых играли в детстве на гитарах, балалайках и пели хором под дирижированием тети Тани; Михаил в детстве обучался игре на скрипке, он владел также игрой на фортепиано, хотя никогда ей специально не учился.

Главное зимнее увлечение Александры – это заливка катка в саду московского дома и катание на коньках. Из календарно-обрядовых праздников она упоминает Рождество, Новый год с ряжеными, масленицу; из летних развлечений – купание в речке, езду верхом, игру в воланы. Александра пишет, что когда лепился бюст Л. Толстого, все домашние увлеклись лепкой.

10.1.4 Образ матери

Сергей ведет повествование с позиции рассказчика-взрослого. Он использует нейтральную риторику и объективную тональность. Описывая собственное детство, Сергей отводит матери, обремененной своими болезнями, рождением и смертями детей, второстепенную роль. Освещая московский период, когда Сергею было 16 лет, он оценивает мать критически, раскрывая ее образ в сравнении с образом отца. Образ матери не выдерживает сравнения и проигрывает образу отца: у нее нет авторитета среди детей, к ней другое отношение, чем к отцу, ее заботы принимаются детьми, как должное.

Татьяна заимствует образ матери у Ильи, которого она прямо цитирует. Роль матери состоит в огромном количестве дел, выполняемых на благо семьи. Ключевое слово к ее образу – занятость. Татьяна благодарна матери за счастливое детство, но нам кажется, что в ее детстве английская гувернантка Ханна во многом заменила ей мать. Мать иногда укоряла без причины и обвиняла незаслуженно – это вызывало огорчение и обиду. О внешности матери мы узнаем только то, что у нее «гладкие черные волосы», в сцене, когда отец, наблюдая, как мать переписывает, целует ее в голову в приливе нежности.

Илья развивает идеальный образ матери, и делает это не только с позиции взрослого человека, но и с позиции ребенка, что придает образу достоверность и убедительность. Мать – главный человек в доме, от которого все зависит. Она близкий человек, дети ее не боятся, но как и дети, она боится отца. Автор пользуется пафосной риторикой, когда повествование ведется с перспективы взрослого. Образ матери открывает его детские воспоминания, а также замыкает круг воспоминаний – образу матери он посвящает последнюю главу мемуаров.

Лев пишет, что в воспоминаниях его детства образ матери и отца сливаются воедино. Хотя в то время отец редко ссорился с матерью и редко винил ее, Лев ярко помнит, как он в детстве во время ссоры родителей заступился за мать. Лев тоже со-

здает идеальный образ матери с позиции взрослого человека. Она совершила подвиг жизни, она – хранительница семейного очага. Лев подчеркивает любовь матери к отцу.

По словам Андрея, он и младший брат Михаил, видя в детстве слезы и отчаяние матери во время ее ссор с отцом, испытывали к ней жалость. Несмотря на свою большую занятость, мать постоянно общалась с детьми, пишет Андрей.

Михаила можно отнести к ряду защитников матери, также как Андрея, Льва и Илью. Из раннего детства он вспоминает, как с братом Андреем они собирали для матери цветы. Далее, создавая идеальный образ матери, он превосходит своих братьев и сестер в многоплановости, поэтичности и силе ее образа. Софья Андреевна в описании Михаила не только образцовая мать и жена, но и творческий человек с богатым внутренним миром. Оглядываясь назад, Михаил с ужасом видит, что в детскую и юношескую пору огорчал мать леностью в учении, непослушанием и плохим поведением. Он, как и все остальные мемуаристы, исключая Илью, пишет о том, что в детстве никогда не замечал трудностей ее жизни, а также ее физической и нравственной измученности после духовного перелома отца. Он единственный, кто вспомнит о том, что и мать играла с детьми.

Образ матери в воспоминаниях Александры резко отличается от образа матери всех мемуаристов. Ей трудно даются беспристрастность и объективность по отношению к матери. Горечь и обида на мать за непонимание проникают в ее повествование, когда она описывает события детства с точки зрения ребенка-подростка. В роли взрослого рассказчика Александра отдает должное матери, говоря, что мать делала все возможное, чтобы дети получили образование. И только Илья уже в детстве осознавал значение матери в жизни детей. Примечательно, что ни один из авторов не использует внешнего портрета при создании образа матери.

10.1.5 Образ отца

Сергей отводит образу отца первостепенную роль. Он пишет, что в семье было особенное отношение к отцу, не такое, как в других семьях. Описывая детскую любовь к отцу, Сергей, как и Лев, повторяет, что дети любили даже запах отца, ему беспрекословно подчинялись, с ним искали контакта, знаки внимания с его стороны вызывали радость. Наказание детей имело вид немилости, замечания, иронии или шутки с намеком. Самым большим проступком детей была ложь и грубость по отноше-

нию к кому бы то ни было. Постоянных любимцев у отца не было, но были временные. Незаурядная личность отца оказала сильное культурное и эстетическое влияние на Сергея. Отец научил его верховой езде и тонкостям охоты. Кроме того, что он развивал детей физически, он влиял на них своей живой, образной речью, приобщением детей к литературе и музыке. Сергей много читал, отчасти – по рекомендации отца. Наставления же, которые отец давал Сергею относительно его товарищей по гимназии, свидетельствуют о преувеличенном стремлении отца оградить детей от негативного влияния внешнего мира, о чем пишет также Илья. Образ отца не идеальный. Сначала неосознанно, но с возрастом все сильнее дети чувствовали, что отец подавляет их личности, им хотелось вырваться из-под его влияния. Особенно среди сыновей рос дух противоречия по отношению к отцу.

Татьяна дает описание внешности отца. Она тоже говорит о сильном отцовском влиянии в доме, о детской любви к отцу и чувстве благоговения перед ним, о том, что она обязана ему физической закалкой, силой и ловкостью. Татьяна сообщает интересную подробность: отец выписал гувернантку из Англии для того, чтобы, овладев английским языком, дети могли читать английскую литературу в оригинале. Создавая образ отца, она цитирует брата Илью, как и при создании образа матери: отец для нее – самый умный, добрый, справедливый и веселый человек. Настоящая жизнь начиналась только тогда, когда приезжал отец. Образ отца почти идеальный, если не считать жестокости, проявленной им к подстреленной на охоте птице. Мы понимаем, что речь идет об отце до его кризиса.

Илья подчеркивает аристократизм отца: его хорошие манеры, опрятность, чувство чести и благородной гордости. Об аристократизме отца пишет также Сергей. Илья чувствует к отцу уважение и боязнь, эти чувства испытывают также Сергей, Татьяна, Лев и Андрей. Илья-ребенок твердо знает, что капризничать с отцом нельзя, что отец занимается важным делом, и его нельзя беспокоить. Он по-детски завидует отцу, у которого есть все то, чего нет у него: ружья, кинжалы, собаки, лошадь, к тому же он не должен учиться. Илья развивает тему роли отца в физическом воспитании детей: отец учил плавать, кататься на коньках, ездить верхом, привил страсть к охоте. Сергей вспоминает догонялки, прыгание через «козла», летнюю рыбалку, езду по степи верхом на полуобъезженной лошади, игры в лапту, городки и бары. У Ильи своя позиция по отношению к духовному перелому отца. Илья считает, что отец из жизнерадостного руководителя и товарища превратился в строгого проповедника и обличителя. Ему вторит Сергей, который пишет, что до кризиса отец был совсем

другим человеком, жизнерадостным и властным. У Ильи образ отца отражает непростые отношения между отцом и сыном. История их отношений напоминает отношения между матерью и Александрой. И там, и там – внешняя немилость, ирония, насмешливое отношение родителей и затаенная, горькая обида детей, на всю жизнь оставившая след в их душе. Илья считает отличительной и странной чертой отца то, что он не показывал любви к детям. Сергей тоже пишет, что не было ни поцелуев, ни ласковых слов, ни подарков, что отец редко дарил игрушки. По мнению Ильи, отец стремился дать детям наибольшее количество языков, привить им хорошие манеры и охранить от всякого внешнего постороннего влияния. Отец считал, что до университета надо учить детей дома, так как «современные гимназии никуда не годятся». Эту идею удалось осуществить по отношению к Сереже и Тане, но по отношению к Илье это удалось только до пятого класса гимназии, о чем он сожалеет. Арифметике учил отец. Илья очень боялся этих уроков, так как слышал раньше, как он учил Сережу и Таню. В другом месте он пишет, что отец учил прекрасно, ясно и интересно, и что благодаря отцу он всегда прекрасно справлялся с математикой и любил ее.

Лев тоже пишет о том, что он, как и все остальные дети, одновременно обожал отца и боялся его, когда тот был не в духе. Лев подмечает также, что не в духе отец был, когда ему не давалось творчество, а когда писалось хорошо, он преображался. Уже во времена его детства разные увлечения отца, такие, как садоводство и свиноводство, начинали угасать, а хозяйство Ясной Поляны шло под гору. Лев пишет о том, что отец бывал нетерпелив и вспыльчив, иногда почти кричал на приказчиков. Любовь ребенка к отцу кончалась, когда отец сердился на мать. Когда младший брат Андрей пишет об уравновешенности отца, то это может быть свидетельством работы Л. Толстого над собой, так как детство Андрея проходило многими годами позже, чем детство Льва. Вспоминая увлекающуюся натуру отца, Лев описывает случаи, связанные с рассеянностью отца, когда он, взяв с собой двух старших братьев Льва, отстал от парохода, а на привокзальной станции забыл кошелек со всеми деньгами. Отец привил детям любовь к физической культуре, например к гимнастике. Дети любили и уважали старых друзей отца, посещавших семью, когда дети были маленькими. Горькая нота появляется при описании московской жизни семьи, когда, как пишет Лев, все жили полной жизнью, которую не одобрял отец. Только в юношеском возрасте произошло сближение отца и сына. Образ отца в воспоминаниях детства Льва не идеальный.

Андрей дает понять читателю, что для него в образе Л. Толстого больше отца, чем выдающегося человека. Отец находится в центре воспоминаний Андрея и является главным действующим лицом всех событий детства, о которых пишет автор. Андрей очень любил отца, боялся его и был с ним всегда откровенен. Отец воздействует на детей личным примером: он не пьет вина, не ест мяса, отвыкает курить, возит воду и колет дрова вместо старика-дворника. Андрей пишет о том, что он уже в детстве подметил склонность отца хвататься за разные дела, вместо того, чтобы заниматься писанием, составлявшим суть его жизни. Отец тяготился уроками математики с Андреем и отбросил их. В образе отца можно заметить противоречивость: он – ровный, мягкий и никогда не сердящийся человек, и в то же время между родителями происходят вечные ссоры и споры. Дети видятся с отцом только за обедом в пять часов, пишет Андрей. Дети окружены большим количеством «всевозможного» народа.

Михаил пишет, что любовь к природе была привита ему отцом и матерью. Он, как и Александра, отмечает, что отец любил природу и ее красоту во всех ее стихийных проявлениях, но не любил цивилизацию. Отец постоянно приносил с прогулок домой букеты полевых цветов. От отца передалась Михаилу любовь к животным, в которых отец отмечал проявления преданности, ума и психологии. Любовь к музыке, почти каждый день звучавшей в семье, тоже привита отцом. Михаил отмечает страстность натуры отца и его способность очаровывать людей. Он мог обидеть собеседника резкими словами, но всегда признавал свою вину и старался ее загладить. Все без исключения яркие события детства связаны с образом отца. Несмотря на запомнившуюся с детства критику отца по поводу того, как дурно воспитываются в семье дети, несмотря на ссоры родителей и существование у них любимцев среди детей, воспоминания Михаила позитивны, пронизаны хорошим настроением и смехом отца, о котором также пишет Александра.

Отец – центральная фигура в мемуарах Александры. Единственной из остальных мемуаристов, она не приводит ни одного произошедшего с ней случая, запомнившегося ей с детства. В отличие от остальных, она создает идеальный образ отца и отрицательный образ матери, в случае, когда пишет о своем детстве. И наоборот, ее братья и сестры создают идеальный образ матери и неидеальный, противоречивый, но не отрицательный образ отца. Напомним, что Александра родилась в 1884 г., так что в период ее сознательного детства отцу было уже за шестьдесят, и пик духовного кризиса им к тому времени был пройден, поэтому ей не привелось видеть,

каким он был до кризиса. Она заявляет, что всем, что есть в ней хорошего, она обязана только отцу, но не уточняет, чем именно. Зато она создает психологический портрет отца. В ее представлении Л. Толстой унаследовал от матери таланты, скромность и застенчивость, мягкость и доброту; от отца – ласковость, ловкость и физическую силу. В то же время, некоторые черты дворянского поведения, к которым Л. Толстой стремился, такие, как светскость, уверенность и непринужденность, у него не получались, давались ему трудно. Александра считает, что главная черта Л. Толстого – его любовь к любви – сформировалась у него под воздействием культа отца, романтической матери и стремления к идеальной любви. Отец отличался особым смехом: он смеялся как молодое существо, безудержно, до изнеможения, до слез. Глядя на него, все начинали смеяться. Отец до глубокой старости сохранил в себе характерные ему свойства: детскую, непосредственную веселость, искреннее, страстное увлечение спортом, играми и забавами. Духовные силы он черпал не только в природе Ясной Поляны, но и Кавказа, и самарских степей. Он задыхался в городе. Из времен года весна пробуждала в нем творческие силы. Главным отдыхом для отца была охота.

10.1.6 Дворянское воспитание

О. Муравьева пишет, что в семьях людей высокой культуры рождались прекрасные результаты дворянского воспитания, воспитывались незаурядные личности. Это были люди с «неправдоподобной честностью, благородством и тонкостью чувств». (Муравьева 2014: 6.) Так можно сказать и о детях Л. Толстого. Все они безусловно обладали этими качествами. Отец и мать оказали на них огромное влияние. Они приобщили детей к большой литературе и привили любовь к музыке – живая музыка всегда звучала в доме, а фортепианный репертуар родителей был поразительно обширен. Родители привили любовь к природе и животным, хотя дворянская охота вызвала у некоторых детей негативные эмоции своей жестокостью (Сергей, Татьяна). Все мемуаристы вспоминают, какое большое значение придавал отец физическому воспитанию детей, но у Ильи, к примеру, с этим связаны отрицательные воспоминания. Наблюдая взаимную нежность, проявляемую родителями по отношению друг к другу до личного и семейного кризиса Л. Толстого, Татьяна придет к заключению, что любящее отношение друг к другу является естественным свойством человеческой природы. Вопросы религии глубоко волновали детскую душу Ильи, но ответов

на них он не получал. Илья нежен душой, как отец, в подростковом возрасте под воздействием музыки он выбегал на балкон со слезами на глазах. Лев в гимназический период увлекся идеями отца и «мечтал сам сделаться новым христианским мучеником для благо человечества», забросив при этом свою учебу.

Родители, особенно отец, требовали от детей честности, доброты и внимательности к людям. Все мемуаристы пишут о том, что им казалось, что отец видит их насквозь. С другой стороны, авторы отмечают, что в детстве виделись с отцом редко, общение отца с детьми зависело от его настроения, внимание со стороны отца дети воспринимали как награду, а сближение с отцом происходило, лишь когда они становились взрослыми. Сергей констатирует, что дети жили своей, отдельной от родителей, жизнью. Как показало наше исследование, хотя отец и является центральной фигурой всех воспоминаний, значение в воспитании детей Толстых имели также родственники, друзья дома и люди недворянского происхождения: няни, гувернантки, учителя. Некоторые из них становились членами семьи. Твердые основы нравственного воспитания дали детям: гувернантка из Англии Ханна Тардзей, воспитывавшая в них честность и прививавшая им правила гигиены, и учитель Сергея, посеявший в его душе добрые семена. Из прислуги няня Агафья Михайловна занимала заметное место в жизни семьи и имела большое значение для детей, ухаживала за ними во время болезней. Двоюродной сестре Варе, которая прекрасно рассказывала сказки, Татьяна посвящает целую главу мемуаров. Осуществление главного принципа дворянского воспитания можно проследить на примере сына Ванички, рано ушедшего из жизни, но ставшим символом всеобщей любви и духовного воссоединения распавшейся на два лагеря семьи Толстых. Этот принцип заключался в том, что ребенок должен воспитываться в соответствии с идеалом. Ваничка был воплощением родительских идеалов.

Крайнее проявление идеализма, если не сказать – утопизма, можно, нам кажется, заметить в действиях самого Л. Толстого. Его сын, Лев Львович, вспоминает, к примеру, о том, как отец читал в домашнем кругу «Крейцерову сонату», после чего начались горячие споры, в ходе которых отец пришел к выводу, что абсолютная половая чистота является идеалом, и что человечество должно прекратить свое существование (Толстой 1923: 72). Отец в воспоминаниях детей – фигура противоречивая, дети его обожают и в то же время боятся. Идеальный образ отца создает только младшая дочь Александра. Снова вспоминаются мысли О. Муравьевой (см. с. 11–12) о патриархальной системе отношений, неприемлемой для молодого поколения. Сер-

гей пишет об особенном отношении детей к отцу, не таком, как в других семьях, о жизнерадостном и властном отце, подавлявшем личности детей, и превратившемся после духовного перелома из руководителя в проповедника и обличителя, развивает далее мысль Сергея Илья. Именно он заплакал от обиды за свое счастливое «эгоистичное» детство после обвинений отца. Во всем этом мы видим отголоски патриархальных отношений или даже домостроя.

Что касается домашнего школьного воспитания в семье Толстых, то после тщательного анализа образа детства детей Толстых, мы согласимся с мыслью О. Муравьевой (Муравьева 2014: 70), что «домашнее обучение дворянского ребенка было столь же противоречиво, как и его воспитание». Открытием для нас было понимание того, что домашнее образование, выпавшее на долю детей Л. Толстого, было далеко от совершенства. Илья пишет, что Л. Толстой считал, что до университета надо учить детей дома, так как современные гимназии никуда не годятся, и что отец осуществил эту идею по отношению к Сергею и Татьяне, но по отношению к Илье это удалось только до пятого класса гимназии, о чем он сожалеет. Нам кажется, что Л. Толстой явно идеализировал возможности домашнего обучения, переоценивал свои педагогические способности и применил к своим детям утопический подход, который явно не был им на пользу на их жизненном пути. Трудно также представить, что мать, обремененная бесконечными родами и выхаживанием детей, на которой лежала ответственность за хозяйство семьи, по вечерам и ночам переписывавшая труды Л. Толстого, находила в себе силы и профессиональные навыки преподавать детям русский и французский язык, географию и историю, а также игру на фортепиано. Противоречиво отзываются дети и об уроках математики с отцом. Ханна Тардзей преподавала английский язык. Здесь уместно будет привести мысли О. Муравьевой о том, что «юный дворянин выходил из родительского дома с поверхностными и беспорядочными познаниями и с твердыми нравственными принципами» (Муравьева 2014: 70). Гувернеры-преподаватели оставили катастрофический след в воспитании Ильи, отбив у него всякое желание учиться, на это намекает и Сергей. Методы их воспитания довольно долго оставались неизвестными Л. Толстому. Один из них использовал физическое наказание: бил линейкой по рукам, ставил на колени в угол на долгие часы, другой был вечно пьян, заставлял тупо переписывать большое количество страниц в свободное от уроков время. Большой урон мы видим в том, что у них отсутствовали систематические знания, и в том, что дети были лишены общения со сверстниками по своему уровню. Сдержанный, впечатлительный Сер-

гей, единственным из детей Толстых, можно сказать, вопреки домашнему образованию, закончил университет и никогда не жалел о своем выборе. Он считал, что методы естественных наук воспитали в нем трезвость мышления, а крупным событием своей детской жизни он считал знакомство с гимназистами, когда приезжал в город сдавать экзамены. Товарищи относились к нему «несколько снисходительно, хотя и дружелюбно», пишет он. Из воспоминаний видно, что все дети были талантливыми. Теоретически все они имели возможность получить образование и найти свое призвание в дореволюционной России. Младшей Александре в 1917 г. было уже 33 года. Может быть тогда у них было бы больше возможностей адаптироваться в эмиграции. Войны тоже мешали осуществлению планов этого поколения.

Татьяна отличалась чутким воображением, чтобы облегчить в детстве свое одиночество, она придумала себе воображаемого друга. У нее были также яркие артистические и художественные способности. Трагедия семьи отрицательно сказалась на судьбе чуткого, романтического Ильи. Лев пытался идти по стопам отца, неуверенный в своих силах, женившись на шведке, лучше других познавший упорядоченность и разумность шведского общества, открыто спорил с отцом, отрицавшем цивилизацию. В коротких воспоминаниях Андрея, детство которого пришлось на годы перелома в мировоззрении Л. Толстого, нет ни одного слова о счастливом детстве, но есть слова о любви к отцу. Михаил был музыкально одаренным, положительным и оптимистичным. Александра была очень способной, смелой, сильной физически и духовно. Мы считаем, что их индивидуальности остались нераскрытыми.

В методах дворянского воспитания в семье Толстых мы не обнаружили намеков на воспитание в детях националистических ценностей, патриотизма или воспитания в духе служения Отечеству, о которых пишется на сайте Российского Дворянского Собрании, как о традиционных российских духовных и нравственных ценностях. Очевидно эти качества воспитывались в других сферах общества, например, на поприще военного воспитания или в условиях службы, а не в семьях представителей творческих профессий. Конечно, этого нельзя утверждать на примере одной, хотя и очень влиятельной, семьи в России. Сравнение методов дворянского воспитания в семьях военных и семьях представителей науки и культуры кажется нам интересной темой для исследования. На примере семьи Толстых можно сказать, что мы обнаружили традицию передачи общечеловеческих духовных и нравственных ценностей, связанных с культурой, понятием чести и гражданского достоинства, уважения к со-

гражданам, даже если они низшего сословия, которые, безусловно, лежали в основе дворянского воспитания о котором писали Ю. Лотман и О. Муравьева.

11 Заключение

В наши дни интерес к детству, фундаменту жизни, продолжает быть актуальным как в искусстве, так и во многих областях науки, таких, как философия, психология, литературоведение и многие другие. Не ослабевает также интерес к личности и творчеству писателя Л. Н. Толстого, в том числе к его знаковому в развитии русской литературы описанию опыта детства. В нашем исследовании эти интересы встречаются. Главными мотиваторами для нас были: тема детства, жанр автобиографии и дворянское воспитание. Было выяснено, что основной целью авторов при написании мемуаров было создание образа своего знаменитого отца, хотя два автора, Сергей Львович Толстой и Татьяна Львовна Толстая, открыто об этом не заявляют. Тот факт, что невзирая на предпосылки и цели, все авторы без исключения обратились к теме детства, ища в ней ключи к более полному пониманию личности отца, подтверждает нашу мысль о важности детства как периода познания мира человеком, как некой субстанции, через призму которой человек освещает и осмысливает не только самого себя, но и своих родителей и жизнь вокруг себя. Наличие образа детства привносит в воспоминания сильный элемент автобиографичности.

Исходные данные авторов близки: их объединяет единство временных и пространственных отношений, другими словами, хронотоп: время происходящих событий – 70–90-е годы XIX века; место действия – дворянская усадьба Ясная Поляна, частично, дворянский дом в Москве; персонажи повествования – сами авторы, те же родители, та же семья и ее окружение; средний возраст мемуаристов в момент окончания работы над воспоминаниями – 63 года. В шести случаях автор и нарратор выступают в воспоминаниях в одном лице. Лишь Александра Толстая сначала ведет повествование от лица неизвестного автора. Она выступает в этой роли до момента описания своего взросления, после чего тоже переключается на функцию автора-нарратора. Идиллический хронотоп был обнаружен в воспоминаниях детства Татьяны, Ильи и Льва. Старший сын Сергей скромно пишет, что период детства, проведенный с гувернанткой Ханной, был радостным. Идиллического хронотопа нет у младших детей, Андрея и Михаила. У последней дочери, Александры, идиллический хронотоп возникает только, когда она описывает детство Л. Толстого, а не свое соб-

ственное. Невольно напрашивается вывод, что начавшиеся разногласия в семье, связанные с духовным кризисом отца, совпавшие с окончанием романа «Война и мир» и с рождением сына Льва, отразились на образе детства мемуаристов. Те дети Л. Толстого, чье детство прошло до кризиса отца, привносят элементы идиллического хронотопа в образ своего детства, а дети, родившиеся после кризиса, этого не делают. Отсутствие идиллического хронотопа в мемуарах старшего сына Сергея объясняется, на наш взгляд, его самоцензурой: он жил и писал мемуары в Советской России, где, возможно, не приветствовалось бы описание счастливого дворянского детства в дореволюционной России сыном Л. Толстого.

Мы попытались понять, как воспринимали и осмысливали свое детство семейство детей четы Толстых, проследить сходства и различия их восприятия, общее и особенное в их воспоминаниях. Сложность работы заключалась в обширности материала, из которого нужную нам информацию приходилось зачастую просеивать по крупицам, а затем группировать по заданным параметрам. Процесс отбора материала был проделан с максимальной тщательностью. В результате проделанной работы мы ответили на поставленные вопросы, выявили образ детства каждого автора в отдельности и сделали обобщения, сравнивая их между собой. В ходе работы мы узнали много нового о Л. Толстом как отце, о его детях и жизни семьи.

Анализируя восприятие авторами своего детства, мы пришли к заключению, что все они ощутили на себе кризис отца, нараставший постепенно и переросший в трудный, глубокий и коренной идейный перелом. Все дети отмечают незыблемый авторитет отца, одновременно испытываемые к нему чувства любви и страха. Оказанное с его стороны внимание воспринималось как награда. Отец культивировал в детях типичные дворянские качества: физическую силу, храбрость и выносливость, требовал честности и уважения к окружающим. Все сыновья пишут о проницательности отца, о невозможности уклониться от ответа, когда он задавал вопросы, на которые им не хотелось отвечать. Илья ставит под сомнение методы физического воспитания, проводимые отцом. Все дети, кроме Ильи, не замечали в детстве усилий матери во имя благополучия семьи.

В домашнем образовании преобладали иностранные языки: французский, английский, греческий, латинский и, конечно, русский. Из семи детей Толстых только старший Сергей Львович Толстой окончил университет. Лев Львович Толстой окончил гимназию Поливанова и поступил в университет, но вышел из него, не завершив образования. Илья Львович, Андрей Львович и Михаил Львович Толстые не закон-

чили гимназии. Татьяна Львовна после домашнего обучения несколько лет училась в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве, Александра после домашнего образования окончила краткие курсы сестер милосердия, чтобы быть полезной на фронте в Первую мировую войну. Мы пришли к заключению, что, критикуя образование, которое давали гимназии, и предостерегая своих детей от вредного влияния друзей-гимназистов, Л. Толстой переоценивал возможности домашнего образования, что отрицательно сказалось на мотивированности к учебе детей и их успеваемости. Можно сказать, что индивидуальности детей Толстых и их способности остались нераскрытыми, а возможности образования не были использованы.

В ходе анализа было замечено стилистическое сходство между «Детством» Л. Н. Толстого и описанием детства в мемуарах его детей, а также присутствие в мемуарах идиллического хронотопа как части образа детства. Создавая образ своего детства, новое поколение Толстых имело возможность опираться не только на свой личный опыт, но и на литературный опыт «Детства» Л. Н. Толстого. Сергей Толстой, к примеру, пишет, что эта книга была в детстве его любимым произведением. Тем не менее, в его мемуарах в части детства мы идиллического хронотопа не нашли, также как не обнаружили его в воспоминаниях Михаила и Андрея. Татьяна заимствует композиционные приемы Л. Толстого и называет части своих мемуаров «Детство Тани Толстой в Ясной Поляне» и «Отрочество Тани Толстой». У Александры идиллический хронотоп встречается, когда она описывает детство Л. Толстого. Элементы идиллического хронотопа встречаются у Татьяны, Ильи и Льва. Было ли детство мемуаристов счастливым? Здесь мы обнаружили интересную закономерность. Из всех детей, счастливым свое детство называют только Татьяна, Илья и Лев. Идеальный образ матери создают все, кроме самого старшего Сергея и самой младшей Александры. Идеальный образ отца создает только Александра, у остальных авторов образ отца противоречивый. Хотя родители и, в особенности Л. Толстой, оказали на детей большое культурное и этическое влияние, очень важный вклад в воспитание внесли гувернантка Ханна Тардзей и, как в случае с Сергеем Львовичем, его домашний учитель В. Алексеев.

Подводя итог нашей работы, скажем, что мемуаристика дает обширные возможности для изучения общества и культуры. Семья Толстых была особенной, уникальной. В первую очередь отец, но и мать подавали детям пример интеллектуального и духовного развития. В этом мы видим общечеловеческие ценности дворянского воспитания, достойные подражания. На жизни семьи Толстых с еще

большей силой отразились социальные противоречия, охватившие ломающееся общество последних десятилетий 19-го столетия в России, отразился конфликт поколений, отцов и детей. Разница лишь в том, что в этой семье в роли бунтаря больше выступал сам отец, чем его дети. Исследования, посвященные проблеме детства, равно как и автобиографическому жанру, часто находятся на стыке наук, в них зачастую используется междисциплинарный подход. Ф. Лежён (Lejeune 2000: 361) пишет, к примеру: «omaelämäkertaa ei lopultakaan voi tutkia kuin monitieteisestä näkökulmasta. Työssäni päädyn kysymään useammin neuvoja psykologeilta, sosiologeilta, ja historian tutkijoilta kuin omilta kollegoiltani». Ценность нашей работы мы видим в ее культурологическом аспекте. Мы думаем, что она может представить интерес будущим педагогам, воспитателям и психологам.

12 Список использованной литературы

ИСТОЧНИКИ

- СУХОТИНА-ТОЛСТАЯ 1976: Сухотина-Толстая, Т.Л. *Воспоминания*. М.: Худож. лит.
- ТОЛСТОЙ 1923: Толстой, Л.Л. *В Ясной Поляне. Правда о моем отце*. Прага: Пламя.
- ТОЛСТОЙ 1956: Толстой, С.Л. *Очерки былого*. М.: Гослитиздат.
- ТОЛСТОЙ 1965: Толстой, А.Л. О моем отце. *Яснополянский сборник*. Тула: Приокское книжное изд., 127-138.
- ТОЛСТОЙ 1969: Толстой, И.Л. *Мои воспоминания*. М.: Изд. Худож. лит.
- ТОЛСТОЙ 1976: Толстой, М.Л. Мои родители. *Яснополянский сборник*. Тула: Приокское книжное изд., 137-154.
- ТОЛСТАЯ 1989: Толстая, А.Л. *Отец. Жизнь Льва Толстого*. М.: Книга.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- БАХТИН 1975: Бахтин, М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Худож. лит.
- ДАНИЕЛЬ 2014: Даниэль, С. *Борис Пастернак и живопись*. Университет Хельсинки: лекция 19.9.2014. Личные конспекты автора работы.
- ЛОТМАН 1997 [1994]: Лотман, Ю.М. *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. СПб.: Изд. Искусство.
- МУРАВЬЕВА 2014: Муравьева, О.С. *Как воспитывали русского дворянина: Опыт знаменитых семей России – современным родителям*. М.: Изд. Эксмо.
- МУРАВЬЕВА 1995: Муравьева, О.С. Во всем блеске своего безумия. (Утопия дворянского воспитания). *Русские утопии. Альманах "Канун"*. Вып. 1. СПб, 154-178.
- РОЗАНОВА 1969: Розанова, С. *Книга любви и признательности*. Вступ. ст. См.: Толстой 1969.
- РДС: <http://www.nobility.ru/rus/rds/#htop>. [23.5.2015.]
- САВИНА 2012: Савина, Л.Н. *Идиллический хронотоп дворянской усадьбы и его отражение в автобиографических произведениях С.Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука»*. Известия ВГПУ. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/idillicheskiy-hronotop-dvoryanskoy-usadby-i-ego-otrazhenie-v-avtobiograficheskikh-proizvedeniyah-s-t-aksakova-semeynaya-hronika-i-detskie>. [5.4.2015.]
- СЕДОВ 2014: Седов, С. *Современное и традиционное детство. Фольклор и воспоминания*. Семинар 20.9.2014. Хельсинки: РЦНК. Личные записи автора работы.

- ТОЛСТОЙ 1970 [1960]: Толстой, Л.Н. *Детство. Отрочество. Юность*. М.: Детская литература.
- ТОЛСТОЙ 1994: Толстой, С.М. *Дети Толстого*. <http://tolstoy.ru/life/family/children/andrey-ivovich-tolstoy/>. [8.7.2015.]
- ТОЛСТОЙ 2015 [1952]: *Весь Толстой в один клик*. Толстой, Л.Н. Воспоминания. iBooks. <http://www.readingtolstoy.ru/>. Т. 34. [14.5.2015.]
- ФЛИНКЕНБЕРГ-ГЛУШКОФФ 2014: Флинкенберг-Глушкофф, М. *Современное и традиционное детство. Фольклор и воспоминания*. Семинар 20.9.2014. Хельсинки: РЦНК. Личные записи автора работы.
- ФРАЙМАН 2015: Фрайман, И. *Русские мемуары в историко-типологическом освещении. К постановке вопроса*. <http://www.ruthenia.ru/>. <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html>. [25.1.2015.]
- ШЕСТАКОВА 2006: Шестакова, Е.Ю. Концепция детства в русской классической литературе (Первая половина XIX века и русское зарубежье начала XX века). *Филологический класс*. 2006 (№16). [25.1.2015.]
- ШИФМАН 1976: Шифман, А.И. *Воспоминания дочери*. Сост., вступ. статья и примеч. А.И. Шифмана. См.: Сухотина-Толстая: 1976. 5–26.
- KOSKIMAA 2000: Koskinen, R. Yritys omaksikuvaksi. Teoksessa Maaria Linko, Tuija Saresma & Erkki Vainikkala (toim.). *Otteita kulttuurista. Kirjoituksia nykyajasta, kulttuurista ja elämäkerrallisuudesta*. Jyväskylä: Nykykulttuurin tutkimusyksikön julkaisuja 65, s. 279–297.
- LEJEUNE 2000: Lejeune, P. Omaelämäkertaa määrittelemässä. Suom. Urpo Kovala & Annikka Suoninen. Teoksessa Maaria Linko, Tuija Saresma & Erkki Vainikkala (toim.). *Otteita kulttuurista. Kirjoituksia nykyajasta, kulttuurista ja elämäkerrallisuudesta*. Jyväskylä: Nykykulttuurin tutkimusyksikön julkaisuja 65, s. 345–362.
- TOLSTOI 1978: Tolstoi, T. *Isäni Leo Tolstoi*. Suoment. K.Kauhanen ranskankiel. teoksesta *Avec Léon Tolstoï*. Jyväskylä: K.J. Gummerus Oy.
- WACHTEL 1994: Narrating the Past. The Role of Childhood and History in Russian Literary Culture. *Infant Tongues: The Voice of the Child in Literature*. Ed. E. Goode-nough. Wayne State University Press.

СЛОВАРИ

- ФЭБ = Литературная энциклопедия. <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le7/le7-1312.htm>
- ФЭБ * = Словарь литературных терминов. <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/>
- ЛЭ 1929–1939 = Кулле, Р. Бельчиков, Н. Дынник, В. Мемуарная литература. *Литературная энциклопедия*: В 11 т. М.
- ЭК = <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/247.htm>. [03.06.2015.]
- ЭСИ = *Card Games*. Энциклопедический сборник карточных и других популярных игр. <http://card-games.com.ua/gigantskie-shagi.html>. [09.05.2015.]